

Библиотека
филолога

БФР

О. Л. Каменская

ТЕКСТ
И
КОММУНИКАЦИЯ

Библиотека
филолога

О.Л. Каменская

**ТЕКСТ
И
КОММУНИКАЦИЯ**

*Допущено Государственным комитетом СССР
по народному образованию в качестве учебного пособия для студентов
институтов и факультетов
иностранных языков*

Москва
«Высшая школа»
1990

ББК 81.2 Фр-923
К18

Рецензенты:

кафедра общего и сравнительного языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (зав. кафедрой академик Ю.В. Рождественский);
д-р филол. наук, проф. Е.М. Верещагин (Институт русского языка Академии наук СССР)

Каменская О.Л.

К18

Текст и коммуникация: Учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз.-М.: Высш. шк., 1990.—152 с.: ил. (Б-ка филолога).

ISBN 5-06-000246-2

Подобное пособие является первым по коммуникативной теории текста и написано с учетом новейших работ, как отечественных, так и зарубежных в области теории текста. Цель пособия—выработка у студентов навыков самостоятельного анализа процесса коммуникации. В нем рассматривается структура коммуникативного акта, принципы использования внутритекстовых связей, механизм понимания текста. Иллюстративным материалом служат научно-технические и художественные тексты на французском, английском, немецком и русском языках.

460200000 (4309000000) – 012

К

001 (01) – 90

31 – 90

ББК 81.2 Фр-923
4И(Фр)

ISBN 5-06-000246-2

© О.Л. Каменская, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие содержит систематическое изложение коммуникативной теории текста в соответствии с учебными программами курсов: «Введение в языкознание», «Общее языкознание», а также по лексикологии, стилистике и теоретической грамматике, читаемых на факультетах и отделениях иностранных языков университетов и педагогических институтов. Соответствующий раздел включен также в программы кандидатских экзаменов по филологическим специальностям. Цель пособия научить студентов конструктивному подходу к анализу функционирования реального текста в реальной коммуникации, пониманию основных принципов использования средств языка коммуникантами в процессах порождения/восприятия текста.

Коммуникативная теория текста — новое направление в лингвистике, интенсивно развивающееся как в нашей стране, так и за рубежом. Одна из причин этого — научно-техническая революция, сопряженная в значительной мере с проблемами производства, переработки и использования информации, в том числе текстов на естественном языке. Изучение функционирования текста в коммуникации становится задачей междисциплинарных исследований, в которых лингвистике принадлежит ведущая роль.

Пособие включает введение и три главы.

Во *введении* обосновывается актуальность коммуникативного подхода к изучению языка.

В *первой* главе определяется статус текста как единицы вербальной коммуникации. В ней излагается обоснование коммуникативного подхода к анализу текста, проанализированы языковой и мыслительный компоненты, обуславливающие семантику текста.

Во *второй* главе текст исследуется в системе языка. Рассматривается единица текстового уровня, конституируемая инвариантными свойствами текста. Описывается структура текста и механизм

функционирования внутритекстовых связей в процессе коммуникации. Подробно исследуются различные виды внутритекстовых связей и строится их типология.

В *третьей* главе на основе единой концепции рассматриваются динамические процессы порождения/восприятия текста. Описываются необходимые для реализации этих процессов модели памяти и тезауруса личности. Формализуются понятия мотивации, речевой интенции, речевой и речемыслительной деятельности. Дается определение коммуникативного портрета реципиента. На этой основе строятся структурно-функциональные модели процессов порождения/восприятия текста. Эти процессы рассматриваются с учетом специфики мышления коммуникантов, трактуемого как их индивидуальное знание. Такой подход обеспечивает разностороннее освещение роли и места текста в процессе коммуникации.

Особенностью научно-методологического содержания книги является последовательно проводимый системный подход, в частности широкое использование концептуальных моделей при лингвистическом изучении коммуникативного процесса.

В книге затронут обширный круг малоразработанных вопросов теории текста. Автором не ставилась задача подробно осветить все эти проблемы. Однако необходимо ознакомить читателей с социальными и научными предпосылками постановки этих проблем. Такой подход, по мнению автора, будет стимулировать дальнейшую самостоятельную научно-исследовательскую работу студентов, с одной стороны, и укажет им возможное направление научного поиска – с другой.

Учебное пособие написано с учетом последних работ в области теории текста как отечественных, так и зарубежных, в нем также используются результаты самостоятельных исследований автора.

Автор с благодарностью примет все критические замечания и пожелания, направленные на улучшение и совершенствование книги.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных объектов исследований в языкознании последних лет стал текст. Это обусловлено как социальными потребностями, так и логикой внутреннего развития механизма самой науки.

«Многомерность» человека как объекта познания диктует необходимость комплексного подхода к его исследованию. В связи с этим перед языкознанием, как и перед другими науками о человеке, встает задача раскрытия природы, структуры и роли человеческого фактора, что предопределяет изучение взаимодействия говорящего и слушающего с текстом в процессе коммуникации.

В ходе исторического развития лингвистического знания на первый план выдвигались и с разных позиций исследовались отдельные составляющие акта коммуникации. Рассматривая различные общенаучные подходы к этой проблеме, отметим прежде всего важную роль общеметодологических установок в осмыслении исследуемых фактов. «Подлинное движение науки о языке базировалось не только на результатах конкретных исследований языка, но и на общеметодологических представлениях теории познания» (Колшанский, 1975, с. 11). В числе общенаучных концепций можно назвать логический подход. В рамках этого подхода осмысление языка происходило на основе предположения одинакового для всех логического мышления. На первый план выдвигалось описание общих закономерностей человеческого языка и в частности «задача создания системы общелингвистической категоризации, систематики языковых средств и форм в соответствии с их функцией в структуре языкового механизма, с учетом их семантического статуса в системе языка» (Кейко, Ольховиков, 1982, с. 29).

В лингвистике сформировался и другой подход, психологический, идеи которого восходят к Гумбольдту. Для всех различных школ, представляющих психологизм, характерен общий метод

мышления. Одним из основополагающих принципов являлось представление о языке как продукте психофизической деятельности и поэтому факты языка трактовались с позиции психологии и с использованием концептуального аппарата этой науки.

Важнейшей особенностью психологического подхода было включение в изучение языка участников коммуникации — говорящего и слушающего — и связанных с этим проблем, что являлось закономерным следствием исследования психической деятельности носителей языка. «С исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало — *говорящего человека*» — писали о своих предшественниках младограмматики (Остгоф и Бругман, с. 187).

На необходимость изучать язык в процессе речевой деятельности, учитывать процессы, происходящие при слушании и говорении, на различные роли говорящего и слушающего в процессе коммуникации, обращали внимание многие ученые, представлявшие психологическую парадигму. Так, идею о различном понимании слов и выражений говорящим и слушающим в процессе коммуникации встречаем у Потевни, Штейнталя, Бодуэна де Куртенэ, Богородицкого. Однако попытка изучения языка с учетом участников коммуникации привела к образованию столь сложного объекта исследования, что средствами существовавшего на этом этапе развития лингвистики концептуального аппарата он не мог быть адекватно описан.

Уже отдельные представители психологической парадигмы понимали, что многие явления языка не могут быть объяснены при атомистическом подходе к его описанию и пытались ввести в науку элементы системного анализа. В начале XX века в изучение были вовлечены новые аспекты, новые свойства, новые закономерности языка.

Перед лингвистикой встала задача описания нового содержания, которое не могло быть описано в рамках прежних парадигмальных установок. Возникла необходимость переосмысления старых и постановки новых проблем, создания нового категориального аппарата для их исследования. Тем самым создались предпосылки для возникновения новой общенаучной концепции в лингвистике, которая в соответствии со своей основной установкой может быть названа системно-структурной. Ее возникновение связано с именем Ф. де Соссюра. Представители новой парадигмы отказались от общенаучных установок психологического подхода. Они извлекли предмет своего исследования — язык — из конкретного акта коммуникации, исключили психологические характеристики из описания языковых понятий, отказались от атомистического под-

хода к языку. Описание языка как системы объектов с определенными свойствами привело к созданию концептуального аппарата для единообразного описания закономерностей языка.

Хотя в основе системно-структурной концепции лежали иные общенаучные установки, в ней использовались введенные представителями психологической парадигмы понятия, переосмысленные в новом контексте. Вместе с тем, введя в сферу изучения лингвистики новый объект исследования — системные отношения в языке — представители системно-структурной парадигмы, переходя к описанию все более высоких уровней языковой системы, создали базу для изучения нового объекта (текста) в его статике и динамике.

Однако в рамках системно-структурного подхода исследование текста сводилось в основном к внутриязыковому анализу, описание семантики языковых единиц ограничивалось пределами языка, без учета экстралингвистических факторов. Так, в рамках формальной модели, разработанной в трансформационно-генеративной теории, смысл понимался как комбинация универсальных семантических компонентов. Осмысленность языковых выражений определялась внутри семантической системы и устанавливалась по наличию той или иной семантической структуры как комбинации семантических компонентов. Исходя из этих предпосылок выражение является бессмысленным, если ему нельзя приписать никакой семантической репрезентации. Неоднозначность выражения определяется возможностью приписать ему более, чем одну семантическую структуру. Два выражения считаются синонимичными, если им приписывается одинаковая семантическая структура.

Таким образом, семантическая теория в рамках системно-структурного подхода описывала исключительно «лингвистическое знание» как теоретический конструкт, состоящий из элементов, то есть семантических объектов, соответствующих «семантике языка», вне связи со знанием о мире его носителей, тем самым по существу без учета человеческого фактора. При анализе проблемы понимания не учитывались память, внимание, мотивация и другие психические характеристики носителя языка.

Такой подход не позволял решить новые задачи, обусловленные поступательным движением науки и запросами общественной практики, объединенными кругом явлений, получившим название «информационный взрыв». Вопросы хранения, обработки, поиска информации сформировались в одну из основных проблем эпохи НТР. Развитие средств массовой информации требует ответов на вопросы, связанные с передачей и восприятием сообщений. На по-

вестку дня встал вопрос об изучении многих аспектов функционирования языка в процессе коммуникации.

Анализ результатов, полученных в языкознании к настоящему времени, также позволяет сделать вывод, что изучение языка как замкнутой самодостаточной системы не может быть исчерпывающим и должно быть расширено за счет описания механизма функционирования языка в процессе коммуникации.

Законченным сообщением, выраженным в вербальной форме, является текст. Изучение текста, его семантики, процессов его порождения и восприятия, его свойств, связанных с функционированием в конкретном акте коммуникации, приобретает важное теоретическое и практическое значение. Как отправитель порождает осмысленный текст? Как реципиент его воспринимает? Что, какие факторы делают текст осмысленным? Как должен быть составлен текст для его адекватного понимания? «Возникла необходимость конструирования адекватной теории значения, то есть такой, которая эксплицировала бы способность носителя языка понимать этот язык и использовать его осмысленно в коммуникации» (Павиленис, с. 283).

В рамках системно-структурной парадигмы, изолировавшей изучение языка от участников коммуникации, от условий его функционирования, эти проблемы решены быть не могли. Стало необходимым расширение рамок исследования и переход от внутрисистемного анализа к изучению языка во взаимосвязи со средой, внутри которой он функционирует, так как исследование объекта как системы в методологическом плане неотделимо от анализа внешней среды (Афанасьев, 1980, с. 160).

Целый ряд задач, таких как вербальное воздействие на человека в процессе обучения, воспитания, вопросы «человеко-машинного» общения в связи с необходимостью всеобщей компьютеризации, перестройка высшего и школьного образования, тесно связаны с разработкой коммуникативного подхода к языку, изучением функционирования языка в процессах межличностной, массовой и человеко-машинной коммуникации.

В этой связи становится актуальной задача изучения текста как основной единицы коммуникации. Решающее значение при таком анализе приобретает человеческий фактор — изучение взаимодействия текста с личностью коммуниканта в конкретных условиях общения. Для организации речевого воздействия необходимо знание как основных этапов, так и процесса речемыслительной деятельности коммуникантов в целом.

Методологической и теоретической основой изучения роли и

места текста в коммуникации является диалектико-материалистический подход к коммуникативной деятельности как социально-обусловленному явлению. Формирование знания о мире, объективируемого в тексте, рассматривается на основе ленинской теории отражения. Теоретической основой для описания функционирования текста в процессе коммуникации является системный подход как грань марксистско-ленинской методологии, диалектическое учение о взаимодействии индивидуального и социального, о связи языка и мышления.

Такой подход позволяет описать с единых методологических позиций свойства текста в процессе выполнения им коммуникативной функции.

ГЛАВА I

МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ В ТЕКСТЕ

§ 1. Социогенез и язык

Социально-историческое развитие общества неразрывно связано с разными видами деятельности, определяемыми взаимодействием человека с окружающим миром. Целенаправленное преобразование предметной среды, включая и ее познание, и удовлетворение на этой основе биологических, духовных и социальных потребностей, составляет основное содержание жизни человеческого общества.

Можно выделить три основных вида деятельности: предметно-практическую, познавательную и коммуникативную¹. Такое деление имеет главным образом методологический характер; практически все эти три вида деятельности взаимосвязаны и взаимообусловлены и очень часто протекают параллельно, совмещаясь во времени. Фундаментальным фактором является то, что человек не только действует в том или ином природном и социальном окружении, но и взаимодействует с другими людьми. Первопричина этого состоит в объективной необходимости коллективной трудовой деятельности, с одной стороны, и разделения труда в процессе производства — с другой, и вследствие этого необходимости вступать в определенные производственные отношения. «Люди, — указывал К. Маркс, — не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 6, с. 441).

Основная социальная функция коммуникации состоит в том, что она обеспечивает предметно-практическую деятельность либо как овладение этой деятельностью, либо как планирование или координацию ее. В связи с этим речевая деятельность (рассматриваемая как деятельность, продуктом которой является внешний текст) почти всегда предполагает некоторую неречевую цель.

¹ В связи с разработкой взаимодействия разных типов познавательной деятельности В.А. Лекторский указывает на так называемую проективно-конструкторскую деятельность, имеющую важное значение для выяснения характера технического знания в условиях НТР (1985, с. 34).

Применительно к познавательной деятельности коммуникативная деятельность обеспечивает обмен информацией, который необходим для создания обществом коллективного знания, обобщающего знания его отдельных членов и, с другой стороны, для приобретения отдельными членами общества уже созданного коллективного знания.

Процесс обобщения и обмена знаниями в обществе предполагает объективацию знаний в форме предметов¹ и текстов. Ответственный характер трудовой деятельности и необходимость коллективного знания обусловили возникновение гибкого и универсального средства общения — естественного языка в его устной и, в дальнейшем, письменной форме. Именно необходимость удовлетворения все возрастающих как качественно, так и количественно коммуникативных потребностей общества обусловило становление и развитие феномена естественного языка. И в наше время, несмотря на наличие многочисленных невербальных средств коммуникации (специализированные символические языки во многих отраслях знания, чертежи, кино, телевидение, изобразительное искусство и т.д.), язык остается основным инструментом коммуникативной деятельности.

Наиболее сложной является связь языка с познавательной деятельностью (проблема «язык и мышление»). Здесь мы укажем на три важных аспекта этой проблемы

— язык как средство обеспечения двусторонней связи между индивидуальным и коллективным знанием;

— роль языка как одного из мощных инструментов создания нового знания;

— свойство языка, которое может быть названо «сжатие» кода.

Закрепление индивидуального знания в звуковой форме в памяти отдельных индивидуумов, а затем и средствами письменности, сделали возможным сохранение знания, его передачу от одного члена общества к другому и на этой основе формирование коллективного знания. С другой стороны, главным образом язык позволяет индивидууму усвоить то коллективное знание, которым располагает его социальное окружение.

Роль языка в продуцировании нового знания обусловлена тем, что языковым знакам присущи не только функции «кодификации

¹ Имеются в виду как вновь создаваемые в процессе трудовой деятельности предметы, так и способы использования природных предметов внешнего мира.

смысла», но и свойство «операциональности». Человеческое мышление может быть дополнено, а иногда заменено операциональной деятельностью со знаками. Оперирование со знаками языка, считает Р.И. Павиленис, равносильно преобразованию содержащейся в них информации, что позволяет сформировать новую информацию, которая неконструируема без языка и дает возможность выйти за пределы непосредственного опыта (с. 101).

В длительном процессе исторического развития человек настолько окружил себя миром знаков, прежде всего знаков языка, настолько «сжился» в своей мыслительно-познавательной деятельности с этим вторым миром, что язык стал «непосредственной действительностью мысли». Овладение языком всегда означало не только знание средств языка и умение оперировать ими, но и усвоение связанного с языком, зафиксированного в нем, знания о мире. И если даже познавательная деятельность не сводится непосредственно к оперированию символами, она невозможна без языковых знаков, главная гносеологическая функция которых — быть средством выражения знаний, отражающих объективную реальность (Мантатов, с. 37).

Применение естественного языка или иных способов представления и закрепления мыслительного содержания придает ему «вторичную наглядность» (Алексеев, с. 167), что повышает эффективность мышления. Более того, дальнейшее развитие естественно-научного знания потребовало создания специализированных языков, без которых развитие науки было бы, очевидно, невозможно. Однако и сегодня, несмотря на существование и развитие специализированных языков различных наук, естественный язык остается главным средством объективации мыслительного содержания, поскольку он не только выражает сформированный в сознании концепт, но и является средством формирования новых концептов в концептуальной системе личности. Таким образом, познавательная деятельность оказывается тесно связанной с коммуникативной и в обоих этих видах деятельности язык играет существенную роль.

Говоря о роли языка в познавательной и коммуникативной деятельности, необходимо указать еще одно важное, пока еще малоизученное свойство естественного языка, которое может быть названо «сжатие» кода. Сущность этого явления состоит в том, что в процессе развития языка возникают новые слова для обозначения понятий, выражаемых ранее большим числом слов (Кубрякова, 1985, с. 147). Так, при появлении первых пароходов не существова-

до слова *пароход*. При необходимости эксплицировать это понятие приходилось использовать его многословное описание «корабль, приводимый в движение паровой машиной». Аналогичная ситуация наблюдается при номинации и других явлений. Например, понятие *молния* в развернутом виде эксплицируется сочетанием слов «электрический разряд между двумя облаками или между облаком и землей».

Отсутствие в языке «сжатых» кодовых обозначений для рассмотренных понятий, то есть отсутствие слов *пароход* и *молния*, привело бы к увеличению объема текстов, содержащих эти понятия. Классическим примером текстов такого рода может служить известное стихотворение «Дом, который построил Джек».

Подобное удлинение текстов привело бы к значительному замедлению темпа передачи информации в процессе коммуникации, тем самым уменьшилось бы быстродействие и, как следствие, ухудшилось бы качество коммуникативных процессов. Отсюда вытекает обоснованное предположение, что в таком случае коммуникативные процессы в мире в их современном объеме были бы невозможны. (Достаточно представить себе, хотя и абсурдную, но теоретически вполне обоснованную ситуацию: при отсутствии «сжатых» кодовых обозначений некоторый вполне «нормальный» с сегодняшней точки зрения текст удлинился бы настолько, что для его восприятия нехватило бы жизни реципиента. Следующему реципиенту пришлось бы начать снова и т.д.). Отметим, что свойство «сжатия кода», существующее в недрах языковой системы, было очевидно интуитивно осознано учеными разных областей знания и стихийно «взято на вооружение», вылившись в «термины и определения» — необходимый атрибут научного знания.

§ 2. Коммуникация и текст

В настоящее время имеется большое число различных видов информации¹, а также существуют многочисленные способы и технические средства ее передачи. Одной из наиболее распространенных форм передачи информации является вербальная форма, существующая в виде устной и письменной речи. Технические средства обмена информацией служат лишь для увеличения дальности

¹ Здесь информация трактуется как форма функционирования знания в виде текста (или каком-либо ином), отчужденного от индивидуума-создателя или носителя этого знания.

и расширения зоны действия вербальных форм информации.

Процессы передачи информации получили название коммуникации, а совокупность средств, предназначенных для этой цели, называется средствами (системами) коммуникации. Коммуникация представляет собой общественное явление с точки зрения ее возникновения, сущности, условий ее развития. Цели коммуникации социальны и подвержены воздействию общества. Коммуникативное поведение — поведение общественное. Этим определяется специфика человеческой коммуникации.

Достаточно условно современные системы коммуникации можно разделить на две группы. К системам первой группы — массовой коммуникации — относятся так называемые средства массовой информации: радио, телевидение, различные печатные издания, предназначенные для доведения информации до многих членов общества. К этой же группе относятся системы, предназначенные для решения обратной задачи — сбора различного рода сведений от членов общества. Примерами такого рода систем являются, в частности, система предварительного заказа железнодорожных билетов по открыткам или по телефону, а также такие специфические системы, как опрос общественного мнения, выборы и референдумы, аплодисменты. Основным признаком систем массовой коммуникации служит то, что в рамках этих систем два отдельных индивидуума не могут установить обособленный обмен информацией между собой.

Системы второй группы — межличностной коммуникации — позволяют отдельным индивидуумам установить обособленный (от других членов общества) обмен информацией. К числу таких систем относится телефон, телеграф и другие виды почтовой связи, а также беседы, экзамены и другие подобные способы общения.

Отметим, что в последнее время, в рамках совершающейся НТР начало формироваться еще одно коммуникативное направление «человек — ЭВМ» или, более широко, «человеко-машинные системы коммуникации» (Смолян, с. 73).

Вербальная форма передачи информации осуществляется в виде текстов. Текст является универсальным средством, которое может использоваться как в системах массовой коммуникации (текст в газете или переданный по радио и др.), так и в межличностных (тексты, которыми обмениваются между собой коммуниканты).

Общественный характер человеческой деятельности может проявлять себя и в коммуникативных процессах, приводя к тому, что при реализации некоторых коммуникативных актов, как автор,

так и реципиент могут выступать как коллективы. При этом текст, порожденный коллективом авторов, по-видимому, не имеет каких-либо специфических особенностей и, более того, в подавляющем большинстве случаев воспринимается реципиентом как текст индивидуального автора¹.

В большей степени специфика индивидуального и коллективного проявляется применительно к реципиенту. Процесс коммуникации с неиндивидуальным реципиентом имеет свои особенности и предъявляет специфические требования к текстам, предназначенным для этой цели. Некоторые аспекты такого рода коммуникативных процессов и особенности соответствующих текстов будут рассмотрены далее.

Можно выделить две разновидности индивидуальных реципиентов: групповой и коллективный реципиенты. Под групповым реципиентом будем понимать совокупность индивидов, которым адресован данный текст и с каждым из которых автор, в случае необходимости, может установить межличностный контакт (например, типа «вопрос—ответ»). Наиболее простой и распространенный пример такого типа реципиента—учебная группа, перед которой преподаватель выступает как автор текста.

Под коллективным реципиентом понимается также совокупность индивидов (как правило, в большем количестве, чем в случае группового реципиента), которым адресован данный текст, но непосредственное установление межличностного контакта между автором и одним из индивидуальных представителей «коллектива реципиентов» либо затруднено, либо невозможно. Примерами коллективных реципиентов являются большие слушательские или читательские аудитории, аудитории средств массовой коммуникации и т.д.

Однако, несмотря на многообразие условий и систем вербальной коммуникации, в каждой из них можно выделить элементарную коммуникативную цепочку. Ее необходимыми компонентами являются автор—текст—реципиент. При отсутствии любого из этих компонентов коммуникативный акт невозможен. Элементарная коммуникативная цепочка представляет собой минимальную структуру, внутри которой может быть изучен процесс функционирования текста в коммуникации. Таким образом, цепочка автор—

¹ Имеется в виду не сборник текстов разных авторов, а единый текст, порожденный авторским коллективом (например, сочинения Козьмы Пруtkова или романы Ильфа и Петрова).

текст — реципиент выступает в роли кванта коммуникации. Попытка разделить этот квант на составляющие приведет к потере качества и, тем самым, к утрате объекта исследования.

Определим теперь некоторые основные понятия. В рамках элементарной коммуникативной цепочки (автор — текст — реципиент) будем различать два вида речемыслительной деятельности:

- речемыслительную деятельность автора (РМДа) и
- речемыслительную деятельность реципиента (РМДр).

Основным содержанием речемыслительной деятельности автора является преобразование «мысль — текст», а основное содержание речемыслительной деятельности реципиента составляет преобразование «текст — мысль». Хотя оба эти вида речемыслительной деятельности включают целый ряд тождественных, либо, во всяком случае, весьма близких ментальных и моторных актов, между ними есть существенные различия, обусловленные прежде всего их взаимобратной направленностью.

Продуктом РМДа, как правило, является текст — устный или письменный, отчуждаемый¹ от субъекта на ее заключительном этапе. Таким образом, РМДа есть совокупность латентных и внешних процессов, охватывающих ряд ментальных и моторных актов индивида (автора), начиная от речевой интенции и кончая фонацией/написанием внешнего текста.

Внутри обоих видов РМД можно выделить более узкий этап — этап речевой деятельности (РД) — применительно как к автору (РДа), так и к реципиенту (РДр). Основным отличительным признаком речевой деятельности является обязательное наличие вербальных операций, то есть ментальных или моторных (в том числе артикуляционных) актов, связанных непосредственно с использованием средств языка в процессе порождения/восприятия текста.

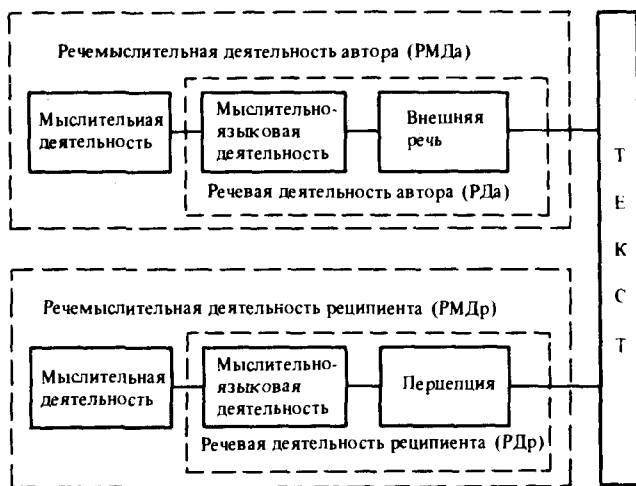
Речевую деятельность автора можно определить как объективацию мысли средствами языка, то есть ее вербализацию. Речевая деятельность реципиента определяется как процесс восприятия знаков текста внешними рецепторами и экстрагирование содержательно-фактуальной информации текста². Дальнейший процесс

¹ В некоторых случаях РМД может ограничиваться внутренним проговариванием, продуктом чего является внутренний текст. Однако такой текст не может выступать как компонент коммуникативного процесса, поэтому говорить в этом случае о субъекте РМД как об авторе, по-видимому, нецелесообразно.

² Термин И.Р. Гальперина (1981).

преобразования этой информации в концептуальной системе реципиента протекает в рамках его речемыслительной деятельности, а затем и процессов мышления. Необходимо отметить, что если РДа представляет собой заключительный этап его РМД, то РДр, напротив, является началом его РМД.

В продуктивных видах РД (говорение, письмо) конечным этапом РДа является речь (точнее внешняя речь), трактуемая как совокупность моторных (артикуляционных, в случае фонации устного текста, или двигательных при написании письменного текста) процессов, в результате которых и формируется отчуждаемый от носителя языка продукт РМДа — текст. В рецептивных видах РД начальным этапом РДр является знаковое восприятие письменного или устного текста, определяемое как перцепция аудиовизуальными рецепторами последовательности знаков.

Первый этап РДа (соответственно второй этап РДр) составляет мыслительно-языковая деятельность, которая может быть определена как совокупность ментальных операций со средствами языка¹. Основные моменты этого вида деятельности при порождении

¹ Оперирование теми или иными средствами языка может иметь место на этапе мыслительной деятельности, однако для этого этапа оно не обязательно и присутствует в различной степени в зависимости от индивидуальности и типа мышления носителя языка. Этап мыслительно-языковой деятельности предполагает обязательное оперирование средствами языка.

текста состоят в выборе и трансформации средств языка в конкретные грамматические и лексические структуры для дальнейшей (речь) фонации или написания. В случае речевой деятельности реципиента в рамках его мыслительно-языковой деятельности происходит перекодирование аудиовизуально оформленной последовательности знаков текста в лексико-семантический код, идентифицирующий содержательно-фактуальную информацию текста.

Рассмотренная схема речемыслительной деятельности представлена на с. 17. При коммуникативном подходе к исследованию текста необходимо учитывать как языковые, так и мыслительные категории речемыслительной деятельности. Эти категории проявляются в динамических процессах взаимодействия текста с коммуникантами (порождение и восприятие текста).

§ 3. Мыслительные модели и текст

Речемыслительная деятельность является средством реализации мыслительного содержания с помощью языковых единиц, поэтому в любом тексте проявляется специфика мышления коммуникантов, их позиции, а также субъективное использование языка (Колшанский, 1980, с. 65-66). Соответственно в речемыслительной деятельности выделяются мыслительные категории, характеризующие, во-первых, индивидуальное знание коммуникантов о мире и, во-вторых, их представление об экстралингвистических условиях акта коммуникации и языковые категории, связанные с закономерностями и свойствами языка в их субъективном использовании.

Мыслительные категории не имеют в тексте непосредственных формальных признаков. Эти категории не могут быть обнаружены в тексте путем внутрисистемного анализа, а идентифицируются при взаимодействии текста с концептуальной системой коммуникантов. По этому поводу Н.И. Жинкин пишет: «В целом интеллект можно представить как динамическую модель действительности, в которой уже нет слов в их обычном сенсорном состоянии. Смысловые связи могут быть представлены как наглядные схемы в разнообразной конфигурации: в виде иерархического дерева и т.п. Это внутренняя форма речи, она не может быть регламентирована, так как разные внешние обозначения могут соответствовать одному и тому же смыслу. Проверка внутренней формы производится по обратной связи в виде взаимопонимания партнеров по коммуникации» (с. 130).

В отличие от мыслительных, языковые категории речемыслительной деятельности имеют в тексте формальное выражение.

Проявление в тексте языковых категорий необходимое, но не достаточное условие его осмысленности. Языковые средства служат основным условием экспликации автором и воссоздания реципиентом семантической структуры текста. А.В. Бондарко отмечает: «Становится все яснее, что заключенные в содержательной стороне языка элементы мыслительных категорий можно познать только через язык, путем исследования языковых значений и раскрытия тех когнитивных элементов, которые в них заложены» (с. 63).

Таким образом, ни мыслительная деятельность в отрыве от языковой, ни языковая в отрыве от мыслительной не могут обеспечить порождение и восприятие текста коммуникантами.

Индивидуальное знание коммуникантов рассматривается как концептуальная система (КС)¹ — непрерывно конструируемая и модифицируемая динамическая система данных (представлений, мнений, знаний), которой располагает индивид.

Индивидуальное знание нуждается в дискретизации. Это обусловлено тем, что знание индивида в целом никогда не служит объектом вербализации. В этой роли может выступать лишь какая-то его часть — фрагмент концептуальной системы носителя языка. Сегодня более или менее детальное представление об организации концептуальной системы индивида — одна из нерешенных задач науки. Поэтому прежде чем анализировать семантическую структуру текста методологически необходимо доопределить форму представления знания в концептуальной системе коммуникантов. Однако, учитывая сложность этой проблемы, для целей лингвистических исследований можно попытаться решить другую, более простую задачу: найти достаточно адекватную форму представления результатов процесса индивидуального познания — концептуальной системы — на основе которой можно исследовать речемыслительную деятельность².

Методологической базой одного из возможных решений этой задачи являются широко используемые в современной науке понятия модели и моделирования. Понятие модели и широкое исполь-

¹ «Концептуальная система — непрерывно конструируемая система информации (мнений, знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» (Павиленис, с. 280).

² Аналогичная задача модельного представления человеческой психики и ее отдельных проявлений поставлена в настоящее время в связи с исследованиями в информатике (Тихомиров, 1986, с. 42).

зование моделирования — одно из важнейших достижений общенаучной методологии последних лет. Следует иметь в виду, что, как пишет академик В.Г. Афанасьев, «понятие «моделирование» используется как в широком, общепознавательном смысле, так и в узком, специальном. В широком смысле слова моделирование выражает некоторый всеобщий аспект познавательного процесса» (1981, с. 194). «Познать объект, — пишет И.Б. Новик, — значит смоделировать его» (с. 37).

При все возрастающей сложности и объеме научно-технических и социальных задач, моделирование во многих случаях становится единственным эффективным способом их решения. Возникнув впервые в недрах точных наук, в частности, в физике, в настоящее время моделирование широко используется в дисциплинах естественно-технического цикла и интенсивно распространяется на область гуманитарных наук, в том числе социологию, психологию, лингвистику. Важная роль моделей в психологии выяснилась в последнее время, в частности, при исследовании познавательной деятельности.

Исходя из самых общих представлений, можно постулировать два типа моделей:

— идеальные, мыслительные модели, «зафиксированные в мозгу»;

— материальные модели «на подходящей физической среде».

Наличие двух типов моделей отмечает В. Г. Афанасьев (1981, с. 213): «С точки зрения субстанциональной модели членятся прежде всего на материальные, т.е. образованные из вещественных (физических, химических и т.д.) компонентов, и идеальные, являющиеся сочетаниями различных мыслительных (логических, математических и т.д.) форм».

Однако в действительности положение более сложное. Прежде чем реализовать любую материальную модель, человек (коллектив людей) — создатель модели — должен мысленно представить себе структуру модели, ее компоненты, подобрать (опять-таки прежде всего мысленно) материал для воплощения этих компонентов и т.д. На это указывал еще Карл Маркс, когда писал: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 23, с. 189).

Таким образом, прежде чем стать материальной моделью, лю-

бая модель существует первоначально в виде идеальной модели. Учитывая столь широкое распространение «модельного» образа мышления при исследовании научных задач, естественно поставить вопрос, а не является ли вообще «модельный» способ мышления органически присущим интеллектуально-мыслительной деятельности человека? Ответ на этот вопрос был дан В.И. Лениным: «Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т.д. и т.п.» (т. 29, с. 164).

Преобладание модельного образа познания и мышления исторически обусловлено рядом преимуществ. Практика требует, чтобы результаты познания в индивидуальном сознании формулировались в достаточно простой, определенной и общей форме, допускающей многократный и по возможности менее трудоемкий анализ и синтез полученных результатов. Именно поэтому содержание конкретных объектов отождествляется с их абстрактными и идеализированными моделями (а в некоторых случаях знаковыми моделями, в том числе и количественного характера)¹.

Метод проб и ошибок, а такой метод является одним из основных в практической и познавательной деятельности человечества, во многих случаях легче применять к модели, чем к действительности. Относительная простота манипулирования идеальными моделями объясняется тем, что они состоят из концептов, с которыми легче оперировать, чем с объектами и процессами действительности. Каждой ситуации присуще бесчисленное множество свойств, но лишь немногие из них существенны для индивидуума в его конкретной деятельности.

Из-за ограниченного объема человеческой памяти и функциональных возможностей мозга, а возможно и других, пока еще не познанных закономерностей интеллектуально-мыслительной деятельности человека, сознание в процессе восприятия мира учитывает прежде всего те компоненты чувственных образов, которые наиболее существенны для индивидуума. В формирующейся при этом в сознании познавательной структуре выделяются, подчеркиваются одни элементы и опускаются, затеваются другие. Сформированный в сознании образ отражает наиболее существенные (с точки зрения индивидуума) стороны (компоненты) явления. «В

¹ См. «закон отождествления нетождественного» (Горский, 1984, с. 48).

модели представлены те структурные и функциональные свойства реальности, которые по убеждению субъекта существуют и оказываются существенными для его целей» (Акофф и Эмери, с. 168). Во многих случаях существенность свойств реальности определяется эмоциональным состоянием личности в момент восприятия. Мы говорим, что «запомнилось» наиболее удивительное, поражающее, яркое.

К такому же выводу приходят и исследователи в других отраслях наук о человеке. Например, В.А. Штофф пишет, что отражение внешнего мира в сознании не является «простым поэлементным дуближем» (с. 274). Процесс возникновения мыслительных моделей начинается уже в детском возрасте. Мир воздействует через органы чувств ребенка на его мозг с момента рождения. С ранних лет ребенок взаимодействует с миром и строит мыслительные модели реального мира на основе этого взаимодействия и его результатов.

Таким образом, человек в процессе познавательной деятельности целенаправленно строит в своем сознании (мозгу) модель интересующего его объекта, явления или процесса. Непрерывное построение, перестроение, уточнение и дополнение такого рода моделей и есть функция индивидуального сознания. На это прямо указывал Ф. Энгельс: «... мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 21, с. 302). И, наконец, поведение человека как личности, связанное с удовлетворением как его индивидуальных, так и социальных потребностей также базируется на использовании соответствующих моделей: «...человек как и другие высшие животные строит свое физическое поведение на основе выработанной мозгом модели среды и собственных предстоящих действий в среде» (Добрович, с. 38).

Практически все стороны жизни человека, начиная от чувственно-отражательного контакта с внешним миром, включая познавательную деятельность с той или иной степенью абстракции и выработкой отвлеченных понятий, и кончая индивидуальным и социальным поведением, направленным на удовлетворение материальных и духовных потребностей, основано на формировании в его сознании большого числа тесно связанных между собой моделей различной природы и структуры. Совокупность всех этих моделей образует концептуальную систему личности и является функциональной базой индивидуального и социального поведения человека в его повседневной предметно-практической деятельности, а

также при решении ближайших и более отдаленных задач быденного, технического, научного и, наконец, общественного характера (Дридзе, с. 110).

Учитывая специфическую природу такого рода моделей целесообразно ввести для их обозначения специальный термин. Назовем идеальные модели в индивидуальном сознании С-моделями. В наиболее общем виде С-модель есть некоторая мыслительная структура, существующая в сознании (на что указывает литера «С») личности. Ее компонентами являются представления и понятия о предметах и явлениях внешнего мира и отношениях между ними, закодированные в некоторых случаях вербальными или другими знаками. Проблема психологической реальности С-моделей нуждается в исследованиях специалистов-психологов. Однако современная психология уже располагает данными в пользу такого предположения. Мозг, как отмечает Н.А. Амосов (с. 124), «является мощной моделирующей установкой, создающей свои модели с помощью клеточных структур, формирующихся в процессе учения и самоорганизации. Коровые модели являются «действующими», то есть они отражают не только структуру, но и функцию моделируемых систем. Человек выражает свои модели физическими кодами: словами, рисунками, формулами, числами, с помощью машин...».

Таким образом, С-модель есть идеальная модель в индивидуальном сознании, в которой индивид реализует личностную экспликацию данных (представлений, мнений, знаний) о том или ином фрагменте внешнего мира, то есть то, что он (индивид) думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира и их отношениях, включая и абстрактные отношения между классами объектов. Помимо С-моделей всякому индивиду присущи и другие формы психического отражения действительности (ощущения, эмоции и др.) как на уровне сознания, так и на уровне неосознаваемого. Однако здесь не ставится задача рассмотрения этой сложной проблемы психологии и этот вопрос остается открытым. Наше утверждение состоит лишь в том, что вербализуемые структуры (то есть подлежащие объективации во внешней — звучащей или написанной речи) находятся в области С-моделей.

Как уже отмечалось, все знание в целом, представляемое концептуальной системой носителя языка, никогда не служит объектом вербализации. В этой роли может выступать лишь какая-то его часть — С-модель или совокупность С-моделей, выступающие как мыслительные категории речемыслительной деятельности, опре-

деляющие в свою очередь семантическую структуру текста. Вербализуемые С-модели можно определить как «когнитивное содержание» – понятие, предложенное А.М. Шахнаровичем: «...между реальной действительностью и отражающим эту действительность языковым произведением (текстом) находится сознание человека, формирующее когнитивные содержания» (Голод, Шахнарович, с. 34).

§ 4. Классификация С-моделей

Формирование С-моделей базируется на результатах отражения внешнего мира в сознании личности. Процессы отражения протекают в неразрывной связи и параллельно с процессами взаимодействия личности с внешним миром. В марксистской философии такое взаимодействие связывается прежде всего с категорией деятельности, понимаемой в широком смысле этого слова, как деятельность предметно-практическая, познавательная и коммуникативная (последняя включает и речемыслительную деятельность).

Деятельность является источником С-моделей, в которых зафиксировано знание личности о внешнем мире. Однако, наряду с деятельностью, в настоящее время признается наличие и других, «внедеятельностных» форм взаимодействия субъекта с внешним миром. В.А. Лекторский в выступлении на дискуссии о философском понимании категории «деятельность» подчеркивает, что было бы неправильно подводить все виды человеческой активности под расширительно толкуемое понятие деятельности, понимаемой в таком случае просто как синоним всего специфически человеческого (1985, с. 31). «... Вряд ли правомерно считать деятельностью, например, созерцание, эмоциональные состояния и т.д.» (там же, с. 31). «Сущность человека значительно богаче, разностороннее и сложнее, чем только система его деятельности» (Буева, с. 49). Такие «внедеятельностные» формы взаимодействия личности с внешним миром во многих случаях также приводят к формированию в сознании личности соответствующих С-моделей.

Назовем С-модели, порождаемые в результате непосредственного взаимодействия (как «деятельностного», так и «внедеятельностного») личности с внешним миром, первичными моделями. По своему содержанию эти модели являются предметными в том смысле, что их элементы представляют собой понятия о предметах и их отношениях. Наиболее богатым источником первичных С-моделей является трудовая деятельность человека, а также другие виды целенаправленной предметно-практической деятельности. Множество первичных С-моделей составляет информацион-

ную основу знаний о мире, в том числе и профессиональных. Это множество С-моделей составляет базу индивидуального и социального поведения, а также творческого, созидательного потенциала личности.

Продуктом мыслительной деятельности человека являются также многочисленные С-модели, которые назовем **вторичными**, так как они формируются в результате анализа и синтеза информации, содержащейся в множестве первичных С-моделей. Вторичные С-модели можно разделить на комбинационные, абстрактные и художественно-поэтические.

Комбинационные С-модели, в свою очередь, делятся на конструктивные и ирреальные.

Конструктивные С-модели отражают объекты и отношения, с которыми личность не имела непосредственного контакта в окружающем ее мире. Однако все элементы конструктивной С-модели реальны в том смысле, что они отражают объекты, которые существуют и могут существовать. Другими словами, конструктивные С-модели предметны так же как и первичные. На основе конструктивных С-моделей в окружающем мире могут быть воссозданы соответствующие объекты, отношения и процессы или, иначе, соответствующие материальные модели. Наиболее широко конструктивные модели распространены в научно-техническом творчестве. Примером может служить замысел нового технического устройства или процесса. Если этот замысел технически грамотен, то соответствующее устройство (процесс) может быть реализовано в материальной форме.

Ирреальные С-модели характеризуются тем, что в их структуре присутствуют компоненты, отражающие явления, не встречающиеся в реальном мире. Эти С-модели могут быть разделены на две группы: сказочные и фантастические.

Сказочные С-модели основываются, как правило, на вполне реальных предметах и отношениях, однако взятых в нереальных сочетаниях. Таковы широко распространенные в русских народных сказках образы русалки, лешего, бабы-яги и др.

Фантастические С-модели характеризуются наличием образов реально не существующих объектов — предметов или отношений, например, *кейворит* (материал), *нуль — транспортировка* (способ передвижения в космосе) и др. Исходной базой для построения как сказочных, так и фантастических С-моделей служат реалии окружающего мира. «Даже самый отчаянный фантаст не произвольно творит свои образы, а синтезирует, комбинирует их из реальных элементов практики» (Мантатов, с. 100).

Абстрактные С-модели состоят из отвлеченных и абстрактных категорий и суждений. В качестве примеров можно привести многочисленные С-модели, используемые в различных областях науки, так называемые научно-познавательные С-модели. Наиболее законченные примеры сочетаний С-моделей различных типов можно найти в области точных наук, в частности, в физике: данные о проведенном эксперименте позволяют построить первичную предметную С-модель. Теория, построенная на основе эксперимента, опирается на абстрактную С-модель, и, наконец, план будущего эксперимента является конструктивной С-моделью.

Еще один класс составляют художественно-поэтические С-модели. Они наименее четко выражены и наиболее трудно поддаются описанию, определению и анализу. Эти С-модели могут содержать в качестве компонентов элементы всех других, перечисленных выше типов, от предметных до фантастических.

Обширную группу абстрактных С-моделей составляют так называемые фреймы и скрипты — динамические фреймы (сценарии). Понятие фрейма было введено М. Минским в связи с изучением проблемы искусственного интеллекта. Минский определяет фрейм как минимально необходимую совокупность признаков объекта или явления, позволяющую идентифицировать этот объект (явление), то есть то минимальное описание, которое еще сохраняет сущность репрезентируемого объекта, позволяя тем самым вычлени его из окружающего мира. Любое сокращение этого описания, то есть одного из признаков, приводит к потере этой сущности. В русском языке термин фрейм может быть интерпретирован как *рамка (каркас), внутренний скелет*, в общем то, на чем держится вся остальная, более сложная конструкция. Динамический фрейм представляет собой структуру признаков (данных), определяющих некоторую стереотипную ситуацию, например, пребывание в комнате, кабинете врача или празднование дня рождения. С каждым фреймом ассоциировано несколько видов информации. Это, например, информация о том, как пользоваться данным фреймом, чего ожидать в следующий момент, что сделать, если эти ожидания не подтвердятся и т.д. Один из классических примеров фрейма — фрейм «кухня» — приводит А. Моль (1975, с. 147-148).

Структуру фрейма можно представить в виде сети из узлов — объектов и связей — отношений. «Верхние уровни» фрейма фиксированы и содержат данные, всегда истинные в рассматриваемом

мой ситуации. «Нижние уровни» содержат множество терминалов (ячеек), которые могут быть заполнены различными в каждом конкретном случае данными — означиваниями. Сами эти означивания могут быть меньшими «подфреймами». С каждым терминалом связан комплекс условий, которым такие означивания должны удовлетворять. Простые условия показывают, каково должно быть означивание для данного терминала. Более сложные условия могут касаться соотношений между означиваниями для нескольких терминалов. Фреймы могут объединяться и образовывать системы фреймов. Различные фреймы, входящие в систему, используют общее множество терминалов. Использование систем фреймов позволяет описывать структуры внешнего мира — «фреймовое описание». Таким образом, фреймы, до известной степени, можно соотносить с так называемым декларативным знанием (Величковский, с. 262).

Дальнейшее развитие этих идей привело к приданию фрейму динамического характера, что в свою очередь, привело к формированию понятия «скрипт» (сценарий) или так называемого ролевого фрейма, описывающего стандартную последовательность действий в стереотипной ситуации. Терминалы такого фрейма указывают на некоторые роли, которые должны быть заполнены конкретными лицами (исполнителями ролей) при описании конкретной ситуации. В качестве исполнителей ролей в скриптах могут выступать не только люди, но и другие живые существа, а также неодушевленные предметы. Скрипты позволили представить в формализованном виде так называемое процедурное знание.

Специалисты, работающие в области искусственного интеллекта в настоящее время предполагают, что именно «фреймовые языки» могут стать основой для «ЭВМ — моделей» мира (Поспелов, с. 166). В лингвистике одним из первых применил «фреймовый подход», очевидно, В. Пропп («Морфология сказки»). Это дало ему возможность довести до формального уровня анализ сюжета и вычленил основные функции действующих лиц и обстоятельств в сказочных сюжетах.

Применительно к концептуальной системе человека фреймы представляют более или менее устойчивые обобщенные концепты, в которых закреплён прошлый опыт индивида. Другими словами, фрейм (рассматриваемый как концепт) выражает в невербальной форме основную структуру («идею» — основное содержание) комбинационной или художественно-поэтической С-модели (совокупности С-моделей). Так, например, фрейм комнаты есть концепт в

концептуальной системе личности, являющийся носителем наиболее обобщенного представления о комнате, «идеи» комнаты. Обращение к фреймам и скриптам (сценариям) в процессе функционирования концептуальной системы индивида связано с решением задач идентификации объектов и ситуаций, прогнозирования их поведения и изменения, предвидения развития событий, их содержания и внутренней связи. Уже из этого беглого перечисления функций фреймов следует, что их структура должна быть, с одной стороны, достаточно гибкой и подвижной (описание процессов и явлений), с другой стороны, достаточно детерминированной с тем, чтобы «не терять» связь с репрезентируемым объектом (явлением).

Прошлый опыт индивида хранится в памяти в двух формах — декларативного знания — представления об объектах, явлениях, фактах, закономерностях — и процедурного знания — сведения о совокупностях целенаправленных процедур, необходимых для решения конкретных задач (Величковский, с. 262). В соответствии с этим, правда достаточно условно, можно рассматривать фрейм как некий концепт, содержащий минимально необходимое число признаков объекта (факта, явления и т.д.), то есть выражающий идею объекта, а так называемый скрипт (ролевой фрейм или сценарий) — как концепт, представляющий собой схематическую типизацию тех или иных стереотипов поведения или целенаправленных процедур.

В концептуальной системе индивида фрейм представляет собой обобщенную репрезентацию какого-либо объекта (явления) или группы объектов (совокупности явлений) в некоторой части статичного пространственного окружения. Концептуальный фрейм можно интерпретировать как некоторую иерархическую структуру, включающую совокупность ментальных компонентов и отношений между ними. «Верхние уровни» структуры такого фрейма, как уже упоминалось, фиксированы и содержат компоненты, являющиеся определяющими для данного фрейма. Терминалы нижних уровней в процессе ментальной (например, речемыслительной) деятельности могут быть заполнены конкретными данными. В наиболее простом случае эти условия могут быть определены маркерами, указывающими класс понятий, из числа которых может быть заимствовано соответствующее понятие. Например, маркер, «человек» указывает, что соответствующий терминал может быть заполнен означиванием, обязательно связанным с человеком (например, имя, специальность, признаки внешнего обли-

ка и т.д.). Применительно к рассматриваемому ниже фрейму «комната» маркер «мебель» указывает, что соответствующие терминалы могут быть заполнены означиваниями предметов мебели.

Более сложные условия накладывают ограничения на отношения между означиваниями, предназначенными для заполнения различных терминалов. И, наконец, в наиболее общем случае терминалы могут заполняться некоторыми «подфреймами», образуя таким образом систему фреймов, построенную в данном случае на базе исходного фрейма. Системы фреймов и скриптов в концептуальной системе индивида могут представлять целенаправленные действия в различных условиях, отношения причины и следствия, изменение точек зрения в широком смысле слова и другие сложные отношения, почерпнутые из прошлого опыта индивида. После заполнения всех терминалов конкретными означиваниями фрейм (скрипт) преобразуется в комбинационную или художественно-поэтическую С-модель.

Примером может служить фрейм комнаты. Из прошлого опыта известно (это, впрочем, относится не только к фрейму комнаты, но и к другим фреймам), что комната имеет как ряд обязательных особенностей, которые собственно и делают комнату комнатой, то есть в совокупности выражают идею комнаты, так и совокупность варьируемых признаков, которые для различных комнат различны. Так, всякая комната должна быть отделена от окружающего ее пространства, для чего служат стены, пол и потолок. Очевидно, что комната должна иметь дверь и, как правило, окно. Хотя точный размер и расположение этих элементов не имеют принципиального значения, именно их совокупность образует тот минимальный набор признаков, который отличает комнату от других объектов подобного рода. Так, наличие вместо двери — люка в потолке, очевидно более свойственно подвальному помещению, погребу или корабельному кубрику. Отсутствие окна переводит рассматриваемый объект в другой класс (из класса «комнат», например, в класс «гаражей» или «сарая»). Указанные элементы расположены в верхних уровнях фрейма «комната», и именно они обуславливают отличие этого фрейма от множества других фреймов, содержащихся в концептуальной системе индивида.

Фрейм комнаты предполагает также определенное заполнение (предметы мебели, обстановки) путем означивания соответствующих терминалов этого фрейма, которые расположены на более низких уровнях структуры этого фрейма. С другой стороны, означивание терминалов может и не производиться, что соответствует

«пустой комнате». Возможен также случай (и он, может быть, наиболее вероятен), когда в результате ментального процесса фрейм формируется с терминалами уже заполненными «заготовленными заранее» (прошлый опыт!) значениями. Однако в этом случае значения непрочно (и это существенное свойство фрейма) связаны со своими терминалами, так что их легко заменить на новые, порожденные соответствующей ментальной операцией.

В тех случаях, когда фрейм не удастся привести в соответствие с ситуацией, обуславливающей его построение, например, в процессе речемыслительной деятельности — с воспринимаемым текстом, то есть когда для терминалов не удастся найти означиваний, удовлетворяющих условиям маркеров терминалов, коммуникант вынужден обратиться к своей памяти (концептуальной системе), с тем чтобы найти (сформировать) другой фрейм, заменяющий первый.

В процессе речемыслительной деятельности концептуальные фреймы позволяют предсказывать как определенные характерные черты еще не актуализованных частей текста, так и прогнозировать некоторые сведения об устройстве той предметной области, которая стоит за этими текстами. Наличие в памяти носителя языка многочисленных фреймов (и скриптов), репрезентирующих его прежний жизненный опыт, дают ему возможность в процессе речевой деятельности своевременно активизировать те или иные фрагменты своего словарного запаса, что и делает возможным сам процесс порождения/восприятия текста. Таким образом, совокупность концептуальных фреймов (скриптов) представляет собой механизм, обеспечивающий использование прошлого опыта индивида в процессе коммуникации.

Помимо и параллельно с содержательными С-моделями в сознании индивида всегда присутствуют С-модели еще одного типа — рефлексивные С-модели (рС-модели). Рефлексивные С-модели есть результат осознания субъектом — носителем этой рС-модели — своего физического и психического состояния, своего положения во времени и пространстве, а также своего соотношения с реальностями окружающего мира. «Именно знание положения своего тела в объективной сетке пространственно-временных связей, знание различия между объективными измерениями в реальном мире и сменой субъективных состояний сознания, знания связи той или иной перспективы опыта с объективным положением тела субъекта — все эти разнообразные виды знания включены «в спрессованном виде» в элементарный акт самосознания, тот акт, который,

действительно, предполагается любым познавательным процессом. Без самосознания субъект не в состоянии определить объективного положения дел в мире» (Лекторский, 1980, с. 252). С-модели, в которых реализуется самосознание, и относятся к множеству рефлексивных С-моделей. Эти рС-модели очень динамичны. Они формируются достаточно часто и непрерывно корректируются в процессе жизнедеятельности личности. Рефлексивные С-модели образуют базу, на которой строится физическое, личностное, социальное (в том числе вербальное) поведение индивидуума. Подтверждение этому находим у А.А. Леонтьева: «...психологические механизмы порождения и восприятия речи могут быть различными в зависимости от конкретной стратегии говорящего (слушающего). А эта последняя в свою очередь зависит от его имплицитного или эксплицитного представления о неречевых условиях, о конкретной задаче речевого действия (или акта восприятия речи) и от его установки в отношении своего (или воспринимаемого им) высказывания» (1974, с. 182).

Упорядоченное и структурированное представление говорящего/слушающего о неречевых условиях и своего, субъективного оцениваемого, соотношения с этими условиями составляют содержание рефлексивной С-модели.

Наряду с рассмотренными видами С-моделей для речемышлительной деятельности свойствен еще один тип С-моделей, который обозначим термином кортеж. Существование кортежей обусловлено спецификой речевой деятельности, проявляющейся в линейности текста. «...существует необходимость того, чтобы нелинейные семантические структуры превращались в линейные конфигурации, удобные для дальнейшего превращения в звук; отсюда вытекает потребность в процессах линеаризации», — пишет У.Л. Чейф (с. 68). Кортеж не имеет самостоятельного содержания и представляет собой лишь линейную модификацию той или иной содержательной или рефлексивной С-модели. Он строится в сознании отправителя текста на одном из этапов речемышлительной деятельности и является непосредственным объектом вербализации. Построение кортежа обусловлено тем, что прямая вербализация исходной содержательной или рефлексивной С-модели, без предварительного преобразования ее в кортеж, практически невозможна¹.

¹ Невербальные способы объективации С-модели (например, чертеж или картина) не предъявляют требования линейности к объективируемой С-модели.

Это было обнаружено в целом ряде экспериментов. Объектом исследования в этих экспериментах была «запротоколированная живая устная речь человека, почти непосредственно и в таком виде порождаемая в момент возникновения и формирования ею новых мыслей (С-моделей — О.К). Столь непосредственная, часто литературно почти не оформленная, сбивчивая, совсем живая и еще не «отредактированная» речь порождает первичные тексты... Эти тексты нуждаются в специальной интерпретации прежде всего потому, что для них наиболее полно несовпадение между эксплицитно выраженным в речи и подразумеваемым» (Брушлинский, с. 203). Поэтому формирование кортежа — промежуточного этапа между содержательной С-моделью и текстом — является необходимым предварительным этапом вербализации¹.

Основная особенность кортежа состоит в том, что, отражая структуру содержательной С-модели, он представляет собой линейный конструкт. Именно линейность кортежа и позволяет сделать его непосредственным объектом вербализации. Трудности построения кортежа и преобразования его в текст описывает С.Л. Рубинштейн: «...как каждому должно быть известно по собственному опыту — бывает, что мы еще как бы ищем речевую формулировку для своей мысли; мысль как будто уже имеется, а речевое ее выражение еще не найдено. В ходе этих поисков мы принимаем не каждую подвернувшуюся нам формулировку; мы иногда отвергаем ту, которая нам сперва подвернулась, как не отвечающую нашей мысли, более или менее длительно преодолевая значительные трудности, работаем над подыскиванием адекватной речевой формулировки для нашей мысли. Если бы мысль, не получившая речевой формулировки, вообще отсутствовала, то она не могла бы контролировать подбираемую для нее речевую формулировку... Процесс облачения мысли в слова есть процесс развития и более содержательного определения самой мысли» (1959, с. 111 — 112).

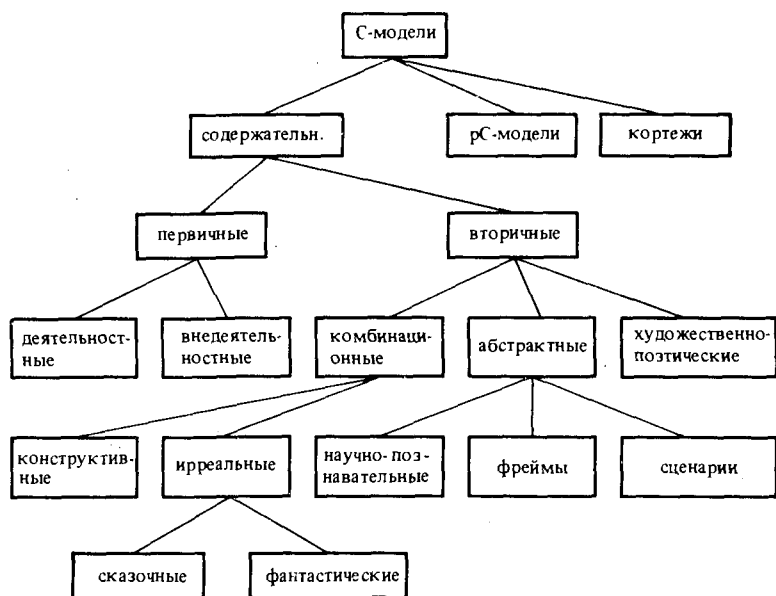
Кортеж строится исходя из той или иной С-модели как ее линеаризация. Процесс линеаризации состоит из двух операций:

— дезинтеграция исходной С-модели на некоторые фрагменты — субмодели и

— упорядоченное (отношением предшествование — следование) расположение этих фрагментов в одномерную линейную структуру.

¹ Исключение составляют простые С-модели, имеющие линейную структуру, т.е. являющиеся по существу кортежами.

Степень дезинтеграции определяется интенцией отправителя текста: чем более подробное описание С-модели он имеет в виду, тем на большее количество более мелких структурных компонентов разбивается исходная С-модель. Порядок компонентов С-модели в кортеже существенно определяет такое качество будущего текста как его «понятность». Кортеж можно рассматривать как некоторое граничное образование, лежащее на стыке собственно мыслительной и собственно речевой деятельности. Кортеж в построенной его части хранится в памяти автора текста, либо во «внешней» памяти, например, в виде плана или тезисов, написанных на бумаге. Каждый фрагмент кортежа дезагрегируется в процессе порождения текста до нужной степени подробности, обусловленной намерением автора, и вербализуется.

Рассмотренные типы С-моделей позволяют интерпретировать содержательную сторону речемыслительной деятельности и ее продукта – текста.

§ 5. Специфика языка и текст

Общественное бытие, трудовая деятельность включают как необходимый элемент обмен знаниями, воплощенными в сознании личности в содержательных С-моделях различных типов. Этот обмен происходит в процессе коммуникативной деятельности. Одна из основных целей этой деятельности состоит в передаче С-моделей от отправителя к реципиенту. «Предметом говорения, — пишет И.А. Зимняя, — является мысль как отражение связей и отношений предметов и явлений реального мира...» (с. 57). Основным средством вербальной коммуникации служит текст, порождаемый отправителем сообщения и воспринимаемый реципиентом. Универсальным инструментом коммуникации является язык, обслуживающий все сферы ее функционирования и идеально приспособленный для объективации знания. «Язык, будучи средством коммуникации и одновременно средством реализации мысли, должен в своем статическом и динамическом проявлении, в своих формах и их применении отражать закономерности мыслительного процесса, который в свою очередь отражает явления объективной действительности «не как зеркально мертвый акт», — отмечает И.Р. Гальперин (1981, с. 20).

Естественный язык, который «в своем статическом и динамическом проявлении, в своих формах и их применении» должен и может выражать закономерности мыслительного процесса, по существу есть не что иное как инструмент, позволяющий индивидууму строить во внешнем мире знаковые модели, более или менее адекватно объективирующие фрагменты его концептуальной системы (С-модели).

Всякая речь, а значит и текст, есть своеобразная знаковая модель того или иного мыслительного содержания, то есть некоторого фрагмента концептуальной системы личности. В процессе речемыслительной деятельности происходит непрерывное сопоставление параллельных рядов моделей: (1) ряда С-моделей, формирующихся в индивидуальном сознании в процессе взаимодействия личности с окружающим миром (фрагменты концептуальной системы личности) и (2) ряда языковых (знаковых) моделей — последовательностей отрезков текста, формируемых во внешней речи. Эти два ряда разнородных, но вместе с тем параллельно и синхронно сосуществующих моделей и составляют основу механизма речемыслительной деятельности индивида.

Значение человеческого фактора в лингвистике определяется

тем, что между языком и миром стоит субъект — носитель языка с его личным жизненным опытом и социализированным знанием о мире и языке. «Человек — носитель языка должен рассматриваться не как «исполнитель» некоей абстрактно-абсолютной «семантики языка», а как активный субъект познания, наделенный индивидуальным и социальным опытом, системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» (Горский, 1983, с. 7).

Языковые модели — суть модели знаковые по природе составляющих их элементов. Этими элементами являются знаки языка, важнейшее онтологическое свойство которых, линейность. В принципе из знаков как элементов модели, в том числе и линейных, независимо от их размерности, можно построить (плоскую¹ или пространственную) модель, репрезентирующую структуру объекта. В отличие от этой модели текст представляет собой модель ментального объекта (некоторой С-модели), структура которого в нем явно не представлена, а описывается системой внутритекстовых связей и другими средствами языка. Внутритекстовые связи возникли и развиваются по мере необходимости представлять структуры все более усложняющихся объектов познаваемого мира.

Соответствие между основными структурами языка и основными обобщенными структурами знания позволяет передавать от отправителя к реципиенту информацию не только о внешней стороне явлений (предметные С-модели), но и более глубокие закономерности той или иной области знания — абстрактные С-модели.

Передача от отправителя к реципиенту некоторой С-модели, существующей в сознании отправителя, ограничена биологической природой человека: непосредственная передача С-моделей («мыслей») от одного индивидуума к другому — невозможна. Знание о мире в концептуальной системе индивида беднее этого мира, а информация, передаваемая различными способами коммуникации, беднее этого знания. Применительно к способам коммуникации, задача которых состоит в передаче знания², можно говорить, что

¹ Примером такого рода моделей являются различные схемы.

² В настоящее время существуют полученные с помощью разнообразных технических средств, используемых в системах коммуникации, те или иные отображения внешнего мира: фото- и киноизображения, фонограммы, видеозапись и т.д. Но и создаваемые этими средствами отображения объектов и явлений внешнего мира не передают в полной мере отображаемых объектов, например, фотография не передает динамики движения, запахов и т.д.

они основываются на создании материальных (в том числе знаковых) моделей на подходящей физической среде идеальных (ментальных) объектов, продуцируемых нашим сознанием — С-моделей. Естественным свойством любого средства коммуникации (как и всякой моделирующей системы) является наличие физических ограничений различной природы. Так, например, всякий канал связи имеет определенную пропускную способность; на чертеже или картине возможно только плоское изображение; театральное действие ограничено во времени и пространстве.

Одно из фундаментальных ограничений языка как средства коммуникации состоит в линейности языковых знаков. В каждом способе коммуникации вырабатывается система приспособительных механизмов, направленных на преодоление присущих ему ограничений. В чертеже, чтобы создать на плоскости адекватное представление трехмерного пространства (объемного предмета), используется метод проекций; в живописи — перспектива; преодоление ограничений в театральном действии основано на определенных условностях, принятых как актерами, так и зрителями. Аналогичные механизмы выработаны и в естественном языке: к ним относятся средства выражения связности текста, иерархия сверхфразовых единств, тема-рематическое членение предложений текста и т.д. Чертежи, рисунки, таблицы и графики, будучи двумерными структурами, дают соответственно больше возможности для передачи структуры С-модели, чем одномерный, линейный текст. При вербальной объективации даже самых элементарных С-моделей в силу линейности языкового знака целостность структуры С-модели утрачивается. Именно это обстоятельство вызвало появление ряда специализированных научных языков.

По существу естественный язык является тем инструментом, который дает возможность строить достаточно условные, но тем не менее адекватные модели фрагментов концептуальной системы индивидуума — С-моделей. Таким образом, С-модели в индивидуальном сознании моделируют мир, а с помощью языка в процессе речи строится их материальная модель — устный или письменный текст. «Линейно развертывающаяся речь оказывается своеобразной знаковой моделью деятельности сознания...» (Березин, Головин, с. 74). Линейность как одно из фундаментальных ограничений, налагаемых на текст самой природой языкового знака, непосредственно вытекает из специфики произносительного и слухового аппарата человека.

Другое фундаментальное ограничение, свойственное естествен-

ному языку, состоит в дискретности слов (и других языковых единиц) и их значений, что требует соответствующей дискретизации объективируемого в тексте знания, согласования форм представления знания с возможностями языка. Это достигается многоэтапным преобразованием вербализуемой С-модели вплоть до построения иерархии субкортежей.

В диалектическом взаимодействии с дискретностью находится неоднозначность языковых единиц, размытость их значений, в значительной степени повышающие семантический потенциал языка: слова могут использоваться в широком спектре значений, в том числе окказиональных, пропозиции — реализовываться различными синтаксическими конструкциями и грамматическими формами.

Из этого вытекают следующие особенности, присущие естественному языку:

— множественность текстов, передающих одно и то же содержание;

— возможность объективации нового знания с помощью существующих ресурсов языка. Новое знание вначале, как правило, объективируется существующими языковыми средствами;

— объективная необходимость возникновения и использования специфических языков наук (в первую очередь так называемых точных наук).

«Размытость» значений языковых единиц можно также рассматривать как механизм компенсации их дискретности.

Что же происходит при вербальном общении двух индивидуумов? Текст, порожденный отправителем, служит как бы «инструкцией», позволяющей реципиенту построить соответствующую С-модель, (выбор которой определяется замыслом отправителя) из тех понятий о предметах и отношениях между ними, «запас» которых реципиент уже хранит в своей памяти к моменту восприятия данного текста. Об этом говорил еще Гумбольдт: «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов... , а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено в цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий... благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова... Представление, пробуждаемое словом у разных людей, несет на себе печать индивидуального своеобразия, но все обозначают его одним и тем же звуком» (с. 165). Эта мысль в современных терминах сформулирована У.Л. Чейфом

(с. 93): «Язык дает возможность говорящему брать понятия, находящиеся в его собственном сознании, и вызывать эти понятия в сознании своего слушателя. Звуки, которые передаются от него к слушателю, как правило, не порождают новых понятийных единиц в сознании последнего. Они активизируют уже имеющиеся там понятия, которые являются общими для говорящего и слушающего. Они могут и часто действительно вводят новые конфигурации этих знакомых понятий в той мере, в которой говорящий сообщает что-то новое. Но обычно новыми являются лишь эти конфигурации, а не понятия, из которых они составлены».

С этой точки зрения текст как «инструкция» включает сведения двух видов: первый — какие понятия (о предметах или отношениях) реципиент должен отобрать из имеющегося в его распоряжении «запаса», с тем чтобы использовать их для построения С-модели, воссоздаваемой в его сознании в соответствии с инструкцией — текстом отправителя; второй — с какими именно компонентами уже ранее построенного фрагмента С-модели реципиент должен соотнести («соединить», «сцепить» — если говорить о наглядном представлении) вновь «отобранные» им из своей памяти понятия о предметах и отношениях. При этом, как показывает повседневный опыт вербального общения, возможны два вида непонимания. Первый случай — когда в памяти реципиента нет сведений о предмете или отношении, то есть у него нет понятий, на которые ему указывает то или иное слово в тексте отправителя. Эту ситуацию непонимания реципиент обычно характеризует словами: «Я не понимаю значения этого слова (термина)» и т.д. Второй случай — реципиент не может на основе «инструкции» — текста — «сцепить» новые компоненты С-модели (на которые ему указано на предыдущем шаге) с уже построенным фрагментом С-модели. Обычно такая ситуация вызывает у реципиента реакцию — «слова известны, а смысл понять не могу».

Вторая особенность текста также обусловлена биологической природой человека. Она является следствием противоречия между, как правило, многомерной структурой вербализуемой С-модели, с одной стороны, и одномерным, последовательным, линейным характером речи, а значит и текста, как ее непосредственного продукта — с другой. Это противоречие приводит к тому, что одномоментная, единовременная передача текста невозможна, что приводит к необходимости формирования и использования кортежа (иерархии субкортежей), путем вербализации которого и происхо-

дит порождение текста¹. Окончательная линеаризация происходит на языковом уровне при использовании синтаксических конструкций.

Текст, как необходимый элемент любого акта вербальной коммуникации, рассматривается как объект, взаимодействующий с двумя субъектами — автором и реципиентом. В такой схеме есть две плоскости взаимодействия: автор/текст и текст/реципиент. Соответственно семантика текста может рассматриваться в двух аспектах: автор/текст — тогда мы говорим о содержании текста и текст/реципиент — тогда речь идет о смысле текста.

Рассматривая этот вопрос, будем иметь в виду содержательные тексты, то есть такие, в которых автором заведомо объективировано некоторое знание (С-модель). Всякая «текстообразная» последовательность звуков в устной речи или букв в письменной, не имеющая содержания, с этой точки зрения «не текст». Другими словами, будем исходить из «презумпции содержательности» всякого текста.

Содержание текста определяется автором, ставящим своей задачей в процессе порождения текста объективировать с помощью языковых средств фрагмент знания (некоторую С-модель). Таким образом, содержание текста — это результат объективации С-модели в тексте средствами языка. Наличие содержания в тексте — фундаментальное свойство языка, обусловленное мышлением.

Термином «смысл» будем обозначать воспринятую реципиентом семантику текста, на основе которой строится соответствующая С-модель, возможно не в полной мере адекватная С-модели автора текста. Текст воспринимается реципиентом последовательно. Отдельные, частные фрагменты текста формируют в сознании реципиента совокупность субмоделей, образующих в конечном итоге интегральную С-модель, соответствующую смыслу текста для данного реципиента. При восприятии текста происходит последовательная смена и реорганизация частных мыслительных структур на разных уровнях вплоть до построения окончательной структуры. Так обеспечивается построение С-модели, соответствующей всему тексту в целом. Таким образом, термин «смысл» рассматри-

¹ При этом следует отметить, что другие виды коммуникации (невербальные), например, посредством чертежа, фотографий или рисунков позволяют отправителю предъявить реципиенту всю информацию, содержащуюся в С-модели, сразу, одновременно, минуя процесс последовательного построения последней с помощью «инструкции» — текста — фрагмент за фрагментом.

вается в связи с возможностью построения реципиентом той или иной частной субмодели или общей содержательной С-модели, отвечающей тексту в целом.

Необходимость двух терминов — содержание и смысл — обусловлено необходимостью различения знания, объективируемого в тексте автором, и знания, получаемого реципиентом при восприятии текста. Иначе говоря, реципиент понимает не все и, возможно, не так, что и как хотел сказать автор. Известно, что понимание текста обусловлено, помимо непосредственно текста, целым рядом экстратекстовых факторов (коммуникативный контекст — социокультурный и ситуативный, эмоциональное состояние реципиента, его фоновые знания и др.).

Если смысл текста для реципиентов различен, то это означает, что понимание ими данного текста различно, то есть в результате восприятия этого текста ими построены разные С-модели. Если смысл текста для реципиента отсутствует, то это означает непонимание текста, то есть невозможность построить в сознании С-модель, отвечающую данному тексту.

Таким образом, в нашей модели каждый текст имеет только одно содержание, определяемое автором, и может иметь для разных реципиентов различные смыслы. Более того, для некоторых реципиентов данный текст может вообще не иметь никакого смысла. В результате восприятия такого текста реципиент вообще не может построить в своем сознании никакой содержательной С-модели. Наглядный пример такого рода приводит В.А. Лекторский: «Допустим, что данная цивилизация погибла и никто не знает языка, на котором говорили его представители. Хотя сохранились книги, написанные на этом исчезнувшем языке, никто не в состоянии расшифровать их, то есть утеряна связь между погибшей культурой и актуально совершающимся социально-культурным, в частности, познавательным процессом. А это значит, что сохранившиеся книги не содержат более никакого знания (то есть не имеют смысла ни для кого из возможных реципиентов — О.К.). Собственно говоря, это уже даже не книги, а просто некоторые предметы со странными черточками» (1980, с. 279). Точно так же лишен смысла для реципиента текст на иностранном языке, которого он не знает. В связи с этим любопытно отметить тот факт, что, например, реципиент, не знающий английского языка, не способен отличить истинно английскую речь от «англоподобного», «текстообразного» набора звуков, имеющего в своем составе звуки английского языка. И тот, истинно английский текст, и другой — псевдоанглийский — для такого

слушателя одинаково лишены смысла, хотя в одном из них присутствует содержание, а другой — «бессмысленный», является также и бессодержательным.

Таким образом, для описания понятия «смысл» необходимо выйти за рамки внутрисистемного описания текста и включить в анализ мыслительную деятельность реципиента, так как использование только законов и свойств языка применительно к данному тексту не позволяет сделать заключение о его смысле. Наличие или отсутствие смысла в данном тексте определяется при взаимодействии текста с реципиентом в связи с возможностью или невозможностью построения С-модели в его сознании. Тем самым «смысл» текста есть характеристика проявления в тексте мыслительных категорий РМД, репрезентированных средствами языка.

§ 6. Свойства текста

Всякий текст служит для передачи некоторого мыслительного содержания (знания), репрезентируемого той или иной С-моделью (совокупностью С-моделей), и поэтому он должен содержать соответствующую семантическую информацию, извлечение которой из текста позволяет реципиенту воссоздать С-модель, отвечающую интенции автора. С другой стороны, свое отражение в семантике текста находит представление автора о неречевых условиях акта коммуникации и своего соотношения с этими условиями — рефлексивная С-модель, и, наконец, текст реализуется средствами языка и поэтому должен содержать все ограничения и отвечать всем тем закономерностям, которые свойственны языку в его субъективном использовании.

В этой связи можно описать свойства текста как результат проявления в нем мыслительных и языковых категорий РМД. Выделим для анализа текста следующие его свойства: целостность (связность и обособленность), типологические и стилистические особенности, расчлененность на СФЕ, предложения текста (их семантика), лексика (значения слов), грамматические конструкции (их значения), инвентарь внутритекстовых связей и демаркаторов, темарематическое членение предложений текста.

Проведем краткий анализ выделенных свойств текста с целью выявить, какими категориями РМД — мыслительными, связанными со знанием коммуникантов о мире и их представлениями об экстралингвистических факторах акта коммуникации, или языковыми, связанными непосредственно со спецификой языка, обусловле-

но то или иное свойство. Строго говоря, такое деление в достаточной мере условно. Это проявляется в том, что мыслительные категории так или иначе выражаются языковыми средствами. С другой стороны, языковые категории, независимо от используемых средств языка, «нацелены» на представление мыслительного содержания. Таким образом, мыслительные и языковые категории РМД проявляются в тексте в их диалектическом взаимодействии.

Хотя номенклатура языковых средств и их состав определяется системой данного языка (и с этой точки зрения их можно определить как языковые), их конкретика в каждом тексте направлена на представление мыслительного содержания. Некоторые достаточно трудно формализуемые признаки тем не менее позволяют дифференцировать свойства текста, который может передавать самое разнообразное мыслительное содержание, как преимущественно соотносящееся с мыслительными или языковыми категориями РМД.

Целостность текста проявляется в его связности и обособленности.

Связность текста является непосредственным отражением связности компонентов С-модели и поэтому есть проявление мыслительных категорий в тексте, а различные способы и механизмы внутритекстовой связности реализуются средствами языка. Языковое описание целостной С-модели должно быть связанной структурой. Поэтому, за редким исключением, в любом тексте существуют связи как между предложениями, так и между группами предложений (сверхфразовыми единствами).

Предложение, никак не связанное с другими, а значит и с С-моделью, выпадает из текста, т.е. воспринимается как нечто обособленное от него.

Характер, способ связи предложений и сверхфразовых единств в тексте неоднозначен и может осуществляться различными языковыми средствами. Силу внутритекстовых связей можно измерить специальными методами.

Структура и характер связей между предложениями текста очень слабо регламентированы законами языка и в значительной мере определяются автором текста. Это позволяет в достаточно развернутом тексте описать С-модель любой, самой сложной структуры.

Таким образом, сам факт связности текста, представленной структурой внутритекстовых связей, есть проявление мыслительных категорий РМД, а номенклатура связей обусловлена языком.

Обособленность текста состоит в наличии у всякого текста так или иначе обозначенных границ — начала и конца.

Целостность текста отражает целостность объективируемой С-модели и представляет собой проявление мыслительных категорий РМД, репрезентированных соответствующими языковыми средствами.

В типологических и стилистических особенностях текстов проявляются как мыслительные, так и языковые категории РМД. На составление текста большое влияние оказывает рефлексивная С-модель автора. У него есть представление о ситуации, в которой происходит коммуникация, о месте и состоянии реципиента в этой ситуации, а также о собственном состоянии и положении в данной ситуации общения.

Рефлексивная С-модель определяет коммуникативную установку автора, влияющую на выбор стиля, жанра, формы речи, объем текста и другие параметры, варьирование которых допускается законами языка (структура предложений, выбор слов, терминов и т.д.). «Нам представляется, что в использовании стилистически маркированных элементов высказывания больше всего проявляется «личностная» — «мотивационная» сторона мышления... . Известно, что творческая деятельность человека (включая языковое творчество вообще, а не только творчество поэтическое) зависит от социальных моментов. Накопленный опыт, мотивировка, цель, условия, в которых протекает такая деятельность, во многом определяют отбор средств для выражения мысли — идеи. А сами средства, в силу особенности их материальной субстанции накладывают какие-то ограничения на возможности их использования. Происходит своего рода конфликт. Мысль иногда едва еще оформленная ищет средств для своего адекватного выражения и сама формируется в процессе преодоления препятствий, создаваемых установленными ранее смысловыми и формальными характеристиками этих средств» (Гальперин, 1976, 275).

Таким образом, цель, отраженная в соответствующей рефлексивной С-модели, и творческие способности автора обуславливают выбор типа текста, его стилистических особенностей, а язык предоставляет набор различных средств и способов их представления.

Наличие **сверхфразовых единств (СФЕ)**, обладающих некоторым единым содержанием, отличающим их от других СФЕ, отражает структурированность С-модели и потому есть проявление в тексте мыслительных категорий РМД. Экспериментальные исследования свидетельствуют о психологической реальности СФЕ. Так, в одном из экспериментов почти все испытуемые, получив разрезанный на предложения текст, выделили в нем сходные группы

предложений. В другом эксперименте 80% испытуемых одинаково расчленили текст на части; причем границы этих частей не совпали с авторским членением на абзацы, которое, по-видимому, представляет собой членение стилистическое (Бондаренко, Шрейдер, с. 89). В тексте СФЕ могут вычленяться на основе переменной плотности внутритекстовых связей.

Можно себе представить, что существуют фрагменты с равномерной (всюду одинаково плотной) структурой. Таким же свойством будут обладать С-модели этих фрагментов. Соответствующие тексты не будут члениться на СФЕ. Сила попарных связей между предложениями такого текста будет примерно одинакова. Отметим, что иерархия СФЕ в тексте есть следствие его линейности.

Семантика предложений текста определяется объективируемой С-моделью. Однако, хотя текст и состоит из предложений, его семантика не является просто «семантической суммой» составляющих его предложений. Семантика текста (как и других языковых единиц) есть свойство сохранять и передавать в процессе коммуникации определенную информацию, фиксированную в вербальной форме. С этой точки зрения утверждение, что семантика текста отлична от «семантической суммы» его предложений, означает, что текст содержит (может передать) иную информацию кроме той, которая содержится в предложениях.

Всякая информация передается с помощью того или иного материального носителя. Из этого следует, что в тексте также должны быть факторы, обеспечивающие передачу этой дополнительной информации. В языке таким фактором является связность языковых единиц различных уровней.

В тексте материальным носителем дополнительной информации служат внутритекстовые связи. Таким образом, семантика текста формируется двумя взаимосвязанными факторами: семантикой предложений текста и внутритекстовыми связями. Последовательность не связанных между собой предложений может передать лишь столько информации, сколько ее содержится в автономных предложениях. Совокупность С-моделей, построенных на основе восприятия каждого из этих предложений, не будет адекватна С-модели, построенной на основе текста, полученного в результате установления связей между предложениями, составляющими эту последовательность.

Основанием для отбора конкретных языковых средств — лексики и грамматических конструкций — служит в первую очередь их семантика. Вместе с тем одна и та же мысль (С-модель) может быть выражена различными семантически эквивалентными сред-

ствами языка. При порождении конкретного текста отбираются лишь те языковые средства, которые обеспечивают его связность.

Тема-рематическое членение предложений текста также является следствием его линейной природы. Отметим, что тема и рема в предложении понимаются здесь как «старое» и «новое» в смысле определения, приводимого Н.А. Слюсаревой (с. 98). Раньше уже говорилось, что человек лишен аппарата для непосредственной передачи/ восприятия С-моделей («мыслей»). Текст есть «инструкция» по сборке С-модели, которую реципиент осуществляет в своем сознании из элементов, хранящихся в его памяти. Каждый элементарный акт этого процесса включает две мыслительные операции: извлечение из памяти нужного компонента — понятия (о предметах и отношениях) и соединение его в нужном отношении с уже построенной частью структуры С-модели. Нуждам обслуживания этих двух операций и отвечает тема-рематическое членение предложений текста на «новое», то есть новый компонент и «старое», известное, устанавливающее связь этого нового с уже построенной в сознании реципиента части структуры С-модели.

Если из текста изъять элементы, характеризующие «старое», то связность текста нарушится, а его понимание станет неоднозначным. Различные виды тематической прогрессии (Daněš, 1976) представляют собой разные языковые способы присоединения «нового» к «старому».

ГЛАВА II

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

§ 1. Система языка и системный подход

Принципы системного подхода к изучению текста разрабатываются марксистско-ленинской философской наукой. Системный подход представляет собой «конкретизацию и углубление диалектико-материалистического учения о взаимной связи и развитии предметов и явлений действительности» (Афанасьев, 1980, с. 14). Для системного подхода характерно описание сложных объектов как состоящих из компонентов целостных систем, обладающих интегральными свойствами. Компоненты системы, взаимодействуя между собой, образуют структуру, внутреннюю организацию системы. «Следует рассматривать в качестве компонентов те структурные единицы, взаимодействие которых и вызывает, порождает присущие целому качественные особенности» (там же, с. 72). Структура системы неразрывно связана с ее функцией. «Нет и не может быть чистых функций без их субстанциальных носителей, равно как и не принадлежащих определенной структуре» (там же, с. 134). «Раскрытие структуры целого позволяет понять конкретное место, роль и значение компонентов в целом, понять исходя из их общей, системной взаимосвязи, их взаимодействия, почему каждый компонент именно таков, каков он есть в системе, почему выполняет в ней именно данную, а не другую функциональную роль» (там же, с. 37).

При системном подходе познание целого представляет собой, как правило, процесс движения мысли от состава системы (из чего состоит) к структуре (внутреннему строению), а затем к функциям (как действует). С точки зрения системного подхода «каждая система всегда есть компонент другой, более высокого уровня системы, и сама, в свою очередь образована из компонентов, подсистем более низкого уровня» (там же, с. 35). Тем самым, система существует во внешней по отношению к ней среде, связана с ней множеством коммуникаций. Поэтому исследование системы неотделимо от анализа среды, в которой она функционирует. Компонентами системы могут быть подсистемы и элементы. Подсистема — это часть системы более высокого порядка, состоящая из компонентов. Элемент же неделим без утраты своего качества (там же).

Современное языкознание описывает язык как иерархически организованную систему. Основными уровнями этой иерархии считаются: фонологический, морфологический, лексический и уровень предложений. Отношения между элементами (единицами) этих уровней понимаются как конституентные. Основой для выделения уровня является наличие «относительно однородных единиц», обнаруживающих иерархические отношения (отношения вхождения в более сложную единицу) с единицами более высокого уровня (Солнцев, с. 69, 84).

Основанием для стратификации языковой системы считается также степень участия единиц языка в выполнении коммуникативной функции. Уровень языковой системы понимается тем самым как класс единиц, имеющих одну и ту же степень «функциональной сложности» и выполняющих одну и ту же «конструктивную функцию» (Danes, 1977, S. 153). В настоящее время ряд ученых предлагает помимо перечисленных уровней выделить в системе языка уровень, расположенный выше уровня предложения – уровень текста. Об уровне текста пишет О.И. Москальская, К. Гаузенблас считает оправданным введение уровня текста, так как по его мнению в этом случае выполняются оба условия, необходимые для обоснования уровня: текст – это самая сложная структура, реализующая коммуникацию, и для выполнения текстом его функций используются грамматические, лексические и другие средства (Hausenblas, S. 149). Подробное обоснование уровня текста предлагают Д. Нериус и И. Шарнхорст: «Если исходить из того, что система языка в целом имеет цель обеспечить коммуникацию в обществе, тем самым ее главной функцией (ментальная функция предполагается) является функция коммуникативная, которая реализуется в высказывании, то из этого следует, что наивысшим следует считать тот уровень, который естественным образом обеспечивает переход от языковой системы к коммуникации. Из этих предпосылок следует, с другой стороны, что самым низким следует считать тот уровень, который наиболее удален от выполнения коммуникативной функции. Таким образом, устанавливается иерархия уровней языковой системы, верхним уровнем которой является уровень текста. Ниже следует синтаксический, лексический, морфологический уровни» (Nerius und Scharnhorst, S. 24). Вслед за Данешем фонологический уровень предлагается считать нулевым.

Основанием для введения в модель более высокого уровня исследования служит обнаружение в исследуемом объекте структур, которые нельзя описать, оставаясь в рамках нижележащих

уровней. Это положение в полной мере обосновывает введение в описание языковой системы уровня текста. Тот факт, что структура текста специфична, признается в настоящее время большинством исследователей¹.

§ 2. Уровень текста в системе языка

Одним из возможных принципов обоснования уровней в системе языка может быть сопоставление структур языка структурам знания, в том числе научного знания. Хотя каждая отрасль знания характеризуется своей содержательной структурой, всем этим структурам присущи некоторые общие черты и закономерности, совокупность которых можно трактовать как обобщенную структуру знания в целом. Прежде всего укажем, что термин «знание» используется здесь в самом широком смысле. Под знанием понимается как абстрактно-теоретическое знание (в дальнейшем «научное знание»), так и житейское, бытовое знание (в дальнейшем «обыденное знание»).

В современной методологии научного познания первостепенное значение имеют идеи, разработанные В.И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм». Марксистско-ленинская теория отражения, научное понимание материи и образа, диалектика абсолютной и относительной истины, положение о неисчерпаемости материи «вглубь» лежат в основе методологии всех отраслей современной науки. Процесс формирования и развития знания самым тесным образом связан с языком.

Современные наука и техника не располагают методами и приборами непосредственного изучения процессов познавательной деятельности человека во всей их полноте. «Наиболее подходящим материалом для анализа оказываются именно процессы, средства и продукты коммуникативной деятельности, в которой познание получает опредмеченное, объективированное выражение, а не сами по себе взятые явления сознания. ...Исходный пункт анализа знания понимается не как изучение отношения индивидуального субъекта... к противостоящему объекту, а как исследование функционирования и развития систем коллективной и межсубъектной деятельности. В основе последней лежит преобразование внешних

¹ Чтобы убедиться, что структура текста несводима к структурам входящих в него предложений, достаточно произвольно поменять местами предложения текста. Таким образом, порядок расположения предложений — уже свойство текста.

объектов» (Лекторский, с. 179-180). В наше время уже создан целый мир «техносфера» социально функционирующих искусственных внешних объектов — предметов-посредников, в которых объективировано и закреплено большинство видов знания: орудия, инструменты, сооружения, машины, приборы, а также тексты, схемы, графики, рисунки и т.д.

Объем знаний, накопленный человечеством, чрезвычайно велик. Знание это глубоко структурировано. Вместе с тем, отдельные науки, исследующие различные стороны объективной реальности, обладают значительной долей общности в исходных данных, многих основных положениях. «Марксистская философия», — пишет П.Н. Федосеев, — исходит из принципов материального единства мира в его непрестанном развитии. Отсюда вытекают две тенденции человеческого познания: с одной стороны, стремление представить мир как единое целое, а с другой — глубже и конкретнее постичь закономерности и качественное своеобразие различных структур и систем, различных форм движения материи. Первая тенденция выражает процессы синтеза, интеграции знания, вторая — специализации и дифференциации. Они диалектически обуславливают и дополняют друг друга». Одновременно все науки используют для объективации знания в своей области один аппарат — естественный язык.

Имея в виду тенденцию к интеграции знания, можно выделить в модели структуры знания самый верхний обобщенный (по отношению к отраслям знания конкретных наук, существующих в настоящее время) уровень, включающий единственный элемент этого уровня, условно названный «совокупное знание о мире». Совокупное знание о мире делится на отрасли знания конкретных наук (лингвистика, физика и др.), а также отрасли обыденного знания, которые являются элементами нижележащего уровня. Конкретное знание любой отрасли знания всегда структурировано. Оно складывается из отдельных научных положений (теорий) и фактов — «фрагментов знания», образующих еще один уровень рассматриваемой модели. Фрагменты знания, в свою очередь, составляются из отдельных суждений — знаний об объектах и отношениях между ними, входящих в еще один уровень знания. Суждения образуются из понятий — элементарных знаний об объектах или отношениях между ними — составляющих еще один уровень знания. Понятия, в свою очередь, складываются из незавершенных понятий — незавершенного знания об объектах или отношениях — элементов следующего уровня. Дальнейший уровень — уровень разли-

чения понятий.

Таким образом, построенная модель обобщенной вертикальной структуры знания состоит из следующих уровней: совокупное знание о мире, отрасль знания (конкретная отрасль научного или быденного знания), фрагмент знания, суждение, понятие, незавершенное понятие, различение понятий. Эти уровни разграничива-

ются по степени сложности описываемых мыслительных структур. Единицы уровня фрагментов знания и выше представляют собой сложные, относительно законченные структуры знания. Единицы ниже лежащих уровней в большинстве случаев являются составными частями фрагментов знания.

Язык, будучи средством коммуникации, служит в то же время одним из способов объективации знания. Поэтому естественно ожидать, что структура языковой системы будет в какой-то мере адекватна обобщенной структуре знания. «...Знание, фиксируемое в языке, представляет собой лишь вторичный мир, закономерности которого адекватны исходному, хотя и субъективны по форме своего существования» (Колшанский, 1980, с. 10). Но так как «сущность языка состоит в том, что он нечто сообщает», то «полное рассмотрение языка во всех его функциональных свойствах должно исходить из системного и иерархического представления о языке с его коммуникативным назначением, что и определяет в итоге действительное место каждому элементу языка — фонеме, лексеме и словосочетанию, объединяя их каждый раз в четких границах коммуникативных фрагментов языка (высказываний)» (Колшанский, 1976, с. 22-23).

Опираясь на эти идеи можно установить соответствие стратификации языковой системы уровням знания. Нулевым уровнем языковой системы (соответствующим уровню различения понятий) будем считать фонологический уровень. Единица этого уровня — фонема — служит для различения значений слов и морфем путем различения их звуковых оболочек. Уровню знания, названному уровнем незавершенных понятий, в языке соответствует первый, морфологический уровень, единицы которого — морфемы — выражают эти понятия. Уровню знания, определенному как уровень понятий, соответствует в языке второй уровень — лексический с единицами — лексемами. Уровню суждений, как уровню знаний об объектах и отношениях между ними, в языке соответствует третий уровень — уровень предложений. Уровню фрагментов знания в языке соответствует четвертый уровень — уровень текста. Содержание текста отвечает относительно законченному фрагменту знания.

Г.В. Колшанский называет текст «главной единицей языка» (1979, с. 8). Уровень отрасли знания, включающий содержательные системы целых отраслей знания, соответствует пятому уровню — уровню области текстов. Каждый данный текст входит в какую-либо из этих областей. И, наконец, если можно говорить о совокупном знании о мире, то ему в языке соответствует уровень, условно называемый «вся совокупность текстов».

Таким образом, знание объективируется средствами языка, и потому структуры языка на всех уровнях отражают определенные уровни обобщенной структуры знания. При таком подходе устанавливаются соответствия между структурами знания, как результатом мыслительной деятельности, и языковыми структурами, то есть при описании уровней языковой системы на первый план выдвигается способность единиц языка объективировать элементы знания, в том числе для целей коммуникации :

Таблица 1

№ уровня	Уровни знания	Уровни языка
6	Совокупное знание о мире	Вся совокупность текстов
5	Отрасль знания	Область текстов
4	Фрагмент знания	Текст
3	Суждение	Предложение
2	Понятие	Лексический
1	Незавершенное понятие	Морфологический
0	Различение понятий	Фонологический

В основу классификации уровней положено соответствие уровней языка уровням знания, однако при этом соблюдается принцип конституентного отношения между единицами уровней языка, в том числе уровней предложения и текстового уровня. Сохраняется и принцип степени участия единиц отдельных уровней в коммуникативном процессе.

Текст представляет собой основную единицу коммуникации, а единицы нижележащих уровней языковой системы принимают участие в коммуникации лишь опосредованно. Текст рассматривается как целостная система, обладающая интегральными свойствами

ми и функционирующая во внешней по отношению к нему среде. Такой внешней средой является область текстов. Сам текст, в свою очередь, состоит из компонентов (субтекстов, предложений). Рассмотрение текста как системы позволяет ставить вопрос об интегральных свойствах этой системы, с одной стороны, и о компонентах этой системы и их отношениях, то есть о структуре текста, с другой. Рассмотрение текста как целостной системы, включающей актуализации единиц нижележащих уровней, дает возможность выявить и описать новые свойства этих единиц.

§ 3. Единица текстового уровня

Текст есть обладающий специфической структурой знаковый объект (знак), обеспечивающий выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора. Именно намерение породить текст и конституирует текст как таковой. «Текст есть то, что объявляет текстом или отмечает некоторыми специальными пограничными знаками говорящий», — пишет С.И. Гиндин и приводит определение Д.С. Лихачева: «Текст — это языковое выражение замысла его создателя» (с. 117).

Единица текстового уровня языковой системы включает типичные свойства текстов. Известно, что для идентификации однородных объектов, принадлежащих одному классу, существует два способа: конструктивный, когда объекты определяются путем задания списка, и аксиоматический, путем задания свойств, которыми должны обладать все объекты данного класса. Для нижних уровней языковой системы используется конструктивный способ, а для идентификации объектов более высоких уровней (предложения, текста) — аксиоматический. Статус единицы уровня текста определяется свойствами, присущими всякому тексту. Таким образом, единица уровня текста может быть определена как конструкт, конституируемый инвариантными свойствами текстов. Актуализацией такого конструкта будет конкретный текст, которому присущи инвариантные свойства единицы уровня текста.

Наиболее существенные инвариантные свойства текста проявляются в его целостности. Целостность текста есть прямое следствие целостности S-модели, объективируемой в нем, и определяется двумя атрибутами: (1) обособленностью, то есть наличием границ текста (начало и конец), позволяющих вычленить его как самостоятельный объект внутри области текстов и (2) связностью, проявляющейся в том, что все компоненты текста, лежащие внутри его границ, непосредственно или опосредованно взаимосвязаны

в некоторую структуру, с той или иной степенью адекватности отображающую структуру объективируемой С-модели. Благодаря целостности текст выступает и воспринимается как единое целое. Целостность означает также, что вследствие связей между его частями, текст обладает новыми интегральными свойствами, не являющимися суммой свойств его компонентов. Структура текста определяется совокупностью связей между предложениями. Эти связи специфичны и отличаются от связей между единицами других уровней при образовании единиц вышележащих уровней.

Структура текста слабо регламентирована законами языка и в значительной мере определяется автором текста. Именно это свойство позволяет в достаточно развернутом тексте описать самую сложную С-модель. Несмотря на слабую регламентацию структуры текста, связи между его компонентами обязательны, но они носят особый характер. Существуют правила организации текстов, хотя характер этих правил отличается от правил организации предложений. Они гораздо менее жесткие. У текстов нет общей схемы, нет конечного числа жестких моделей. Но ведь нет и общей схемы распространенного предложения. Тем более трудно ожидать жестких правил в организации текстов (Гиндин, с. 119). Наиболее существенные инвариантные свойства в организации текста заключаются в наличии внутритекстовых связей (эти связи осуществляются с помощью различных языковых средств — их роль в организации текста — вопрос особый) и дифференцированной структуры, отражающей семантическую структуру текста. По мере развития теории текста, по-видимому, будут установлены и другие закономерности.

Таким образом, структура С-модели должна быть отражена структурой внутритекстовых связей.

§ 4. Внутритекстовые связи

Наличие связей между предложениями текста или, короче, связность текста¹ есть одно из основных его свойств, так как всякий текст является совокупностью связанных между собой предложений. Однако связность присуща не только тексту. Те или иные виды связей между единицами нижележащего уровня при образова-

¹ Выражение «связность текста» употребляется здесь как синоним выражения «наличие связей между предложениями текста», а не в более широком значении, в котором этот термин иногда используется.

нии единиц данного уровня существуют на всех уровнях языковой системы. Так связь фонем при образовании морфем¹ выражается простым их соположением (расположением рядом). Связь морфем в слове выражается их дистрибуцией по нескольким (в основном — четырем) основным позициям в слове. Существуют также определенные виды синтаксических связей слов в предложении.

Однако, хотя в тексте наблюдается членение на предложения, предложений на слова, а слов на морфемы, элементарный анализ даже самых простых текстов показывает, что инструментарий, используемый для описания связей морфем в слова и слов в предложения, на уровне текста практически «не работает». Вместе с тем, существуют специальные типы связи между предложениями в тексте — внутритекстовые связи (ВТС)². Обоснование связности текста может быть сделано с разных позиций. Здесь будут рассмотрены два возможных подхода к такому обоснованию: эмпирический и коммуникативный.

Эмпирический подход основан на повседневной языковой практике, показывающей, что каждый человек достаточно легко и быстро отличает осмысленный текст (во всяком случае в известных ему предметных областях) от «не-текста» — набора последовательно написанных или произнесенных грамматически правильных и осмысленных предложений. Это же подтверждают многочисленные теоретические и экспериментальные исследования психологов и лингвистов, предпринятые в последнее время. Поэтому можно предположить, что должно существовать некоторое свойство, наличие которого интегрирует совокупность предложений в единое целое, называемое текстом. «Можно думать, что все более или менее разумные тексты, которые мы воспринимаем как тексты... имеют в своем устройстве какие-то общие признаки, а потому в принципе возможно отыскание таких строевых (структурных) особенностей текста, наличие которых будет достаточным условием его единства» (Гиндин, с. 119). Это специфическое свойство, отличающее текст от не-текста, обуславливает существование

¹ Здесь и далее вместо того, чтобы говорить о репрезентантах единиц уровня (фонах, морфах и т.д.) для простоты употребляется термин единица, а также фонема, морфема и т.д. Такое словупотребление вполне допустимо (Степанов Ю.С., 1975, с. 116).

² Другой термин — межфразовые связи (МФС).

вполне определенных «взаимоотношений» — связей — между предложениями текста. Одним из первых на наличие связей между предложениями текста указал В.М. Жирмунский.

К таким же выводам можно прийти и с коммуникативных позиций, рассматривая текст как единицу коммуникации, в которой объективирован некоторый фрагмент знания — С-модель. Поскольку всякий такой фрагмент представляет собой некоторую целостность, как отражение целостности объектов и явлений внешнего мира, текст должен быть связной структурой. При описании целостной С-модели автор в процессе порождения текста строит систему ВТС, отражающих связи, существующие в конкретной ситуации в предметной области (соответственно в С-модели). Автор последовательно описывает элементы С-модели, показывает как эти элементы агрегируются в более крупные части и, наконец, в объективируемую С-модель в целом. В результате восприятия подобной структуры текста, на основе многоуровневой системы связей, у реципиента инициируется представление как об отдельных частях С-модели, так и о всей С-модели в целом.

Как уже отмечалось, С-модели в большинстве своем многомерны, а текст линеен. Линейный текст позволяет достаточно адекватно передать лишь одномерные фрагменты сложной многомерной структуры С-модели. Поэтому при объективации С-модели в тексте автор вынужден линеаризовать С-модель, преобразуя ее в совокупность одномерных фрагментов (кортежей). Отсюда в тексте неизбежны последовательные переходы от описания одного фрагмента к описанию следующего и указания, как эти фрагменты связаны в единое целое. При этом предложения текста объединяются в субтексты. Разбиение текста на субтексты обусловлено самим процессом создания линейной структуры текста, являющейся «проекцией» многомерной структуры С-модели. Отдельные субтексты могут рассматриваться как корреляты содержательных частей текста, то есть подтем, входящих в основную тему.

По мере усложнения текстов и роста их объема возникла необходимость сделать переход от одного субтекста к другому более явным для реципиента. Это вызвало появление и развитие дополнительных средств организации текста — демаркаторов. Исторически, первыми использовались такие демаркаторы как красная строка, пробел между строк, пауза и интонация в устной речи. Позже появились и широко распространились специальные знаки — рубрикатеры.

Семантические связи в тексте реализуются с помощью различ-

ных языковых средств. Но так как основными носителями семантики в тексте являются слова¹, то общая семантическая картина обрисовывается в первую очередь за счет связей между словами текста. Каждое предложение текста должно быть «привязано» к определенному элементу или фрагменту С-модели. С целью такой «привязки» автор, строя очередное предложение, включает в него слова, обозначающие основные различительные признаки этого элемента, а также вводит в состав предложения различные новые слова, несущие новую информацию о вербализуемом элементе (фрагменте) С-модели. Для связи нового предложения с уже рассмотренным элементом С-модели в этом предложении повторяются слова, характеризующие этот элемент, или их семантические эквиваленты в виде других слов (например, связанных по тезаурусу). В результате повторения одних и тех же слов или их семантических эквивалентов в разных предложениях, образуются цепочки из слов, «привязывающие» как рядом стоящие, так и дистантно расположенные предложения к определенному элементу С-модели. Эти цепочки формируют как контактные, так и дистантные ВТС, объединяя группы предложений, описывающих тот или иной элемент или фрагмент С-модели.

В предложениях, описывающих один фрагмент С-модели, повторяется одна группа слов (в наиболее простом случае), а при описании другого фрагмента — другая группа слов. В силу этого возникает переменная плотность связей между предложениями текста. Вследствие этого в тексте возникают субтексты, описывающие фрагменты С-модели и тем самым создается членение текста на сверхфразовые единства (СФЕ), включающие несколько предложений. В силу целостности С-модели, проявляющейся в связи всех ее фрагментов, СФЕ в тексте также оказываются связанными между собой. Таков в общих чертах механизм формирования структуры текста, адекватной объективируемой структуре С-модели.

Обе изложенные точки зрения на структуру текста позволяют сделать следующие выводы: (1) текст есть структурированное образование, (2) структура текста задается связями между предложениями текста² — ВТС.

¹ Ю.С. Степанов пишет: «... отражение объективной действительности фиксируется как общественное достояние именно в словах...» (1981, с. 4).

² В предельном случае текст может состоять из одного сложносочиненного предложения может рассматриваться как состоящий минимум из двух предложений, т.е. этот случай — не предельный.

Важно отметить, что во всяком тексте связи устанавливаются по крайней мере два (а возможно и более) раза. Первый раз — автором в процессе порождения текста и второй раз (и далее) эти связи воссоздаются реципиентами в процессе восприятия текста. В некоторых случаях результаты этих процессов могут не совпадать и тогда структура и, возможно, содержание текста, восстановленные реципиентом, не будут совпадать со структурой и содержанием текста с позиций автора. Это обстоятельство обуславливает одну из основных причин возможных расхождений в понимании текста.

Наряду с различными видами связей существуют правила комбинирования единиц вышележащего уровня из единиц нижележащего уровня. «Язык понимается как некоторая совокупность знаков и связывающих их правил» (Степанов Ю.С. 1981, с. 8). Другими словами существуют определенные структуры на множестве элементов языковой системы, построенные с использованием разных видов связей. Степень жесткости правил образования структур на разных уровнях различна. Можно указать достаточно ограниченный круг закономерностей и правил построения грамматически правильных простых предложений и на этой основе разработать типологию предложений (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, О.И. Москальская).

До настоящего времени четко регламентированные правила составления текстов неизвестны. Организующее начало, связывающее отдельные предложения в единый текст должно опираться на достаточно «гибкий» принцип, «при котором тип и порядок частей заранее не регламентируются» (Гиндин, с. 119), но сами эти части, образуя некоторую структуру, должны находиться в каком-то определенном отношении друг к другу. Если бы существовала «жесткая последовательность некоторых определенных частей текста, все мыслимые структуры текстов можно было бы задать исчислением, подобно тому как в порождающей грамматике задаются структуры простого предложения. Для ограниченных групп текстов, относящихся к определенному «жанру» или предметной области, такие исчисления действительно строились или могут быть построены, но для более широких и неканонизированных классов текстов возможность построения подобных исчислений представляется сомнительной» (там же).

Исходя из концепции адекватности текста описываемой им S-модели, можно сделать вывод, что «жестких» правил, регламентирующих структуру текста, и не может быть. Число возможных структур S-моделей бесконечно разнообразно (что соответствует

бесконечному разнообразию мира). Несмотря на то, что в последнее время на изучение проблемы связности текста были направлены усилия многих исследователей, до настоящего времени не удалось сформулировать каких-либо жестких правил сочетания предложений в единый текст. Это отражает общую тенденцию: между усложнением единиц языка и жесткостью правил их комбинирования из единиц нижележащего уровня существует обратная зависимость. Чем выше уровень языковой системы, чем сложнее мыслительное содержание (знание), выражаемое единицей уровня, тем менее жесткими становятся правила их комбинирования из единиц нижележащего уровня. Это может быть объяснено тем, что более сложное мыслительное содержание (знание), обусловленное усложнением объектов и отношений между ними, требует для своего воплощения в языке большего числа «степеней свободы»¹.

Жесткость правил комбинирования элементов $n + 1$ уровня из единиц n -ного уровня зависит от соотношения числа единиц этих уровней.

Число слов превышает число морфем, но не настолько, чтобы нужно было отказаться от достаточно жестких правил комбинирования морфем в слова. Число простых предложений намного больше числа слов. Правил образования предложений становится меньше, а конструкция более гибкой. При образовании сложных предложений из простых основным ограничением становится длина предложения, то есть «разумное» (гипотеза Ингве) число блоков в нем.

Число текстов чрезвычайно велико по сравнению с числом предложений, множество текстов практически бесконечно. Поэтому ограничений на виды структур текстов не существует. Единственное требование состоит в наличии связей между предложениями текста. Отсутствуют также какие-либо ограничения на использование предложений с той или иной конструкцией или на количество предложений в тексте.

Построение/выявление структуры текста в процессе коммуникации, установление связей между предложениями текста, не является самостоятельным, обособленным процессом. Эта задача реша-

¹ Термин «степени свободы» заимствован из механики, где он используется для оценки подвижности механических систем. Чем больше степеней свободы у какого-либо механизма, тем более сложные и тонкие движения он может выполнять. В этом аспекте рассматриваются ВТС.

ются коммуникантами в процессе вербального общения параллельно с порождением/восприятием текста и составляет его существенную часть. Для решения этой задачи коммуниканты используют специализированные средства организации текста, которые в том или ином сочетании можно обнаружить в большинстве текстов. Эти средства разделяются на коннекторы и демаркаторы.

1. Коннектор

В общем случае следует различать связываемые компоненты текста и элементы, реализующие эту связь, то есть являющиеся средством связи компонентов текста. В некоторых случаях возможно совпадение связываемого компонента текста со связующим элементом. В наиболее простом случае связываемые компоненты текста — это предложения, а связи реализуются с помощью повторов слов. Однако, связываемые компоненты текста могут состоять и из блока, включающего несколько связанных между собой предложений.

Совокупность элементов, с помощью которых осуществляется связь между двумя или более компонентами текста, называется **коннектором**¹. Элемент коннектора, входящий в один из связываемых компонентов текста (иногда совпадающий с ним), называется компонентом коннектора. В зависимости от нахождения коннектора в одном предложении или распределении компонентов коннектора по двум и более предложениям, блокам предложений текста различаются одно-, двух- и многокомпонентные коннекторы. В дальнейшем, наряду с этими терминами будут для краткости использоваться термины моно-, би- и поликоннектор.

Для обозначения компонентов текста и коннекторов будут использованы следующие символы. Предложения текста обозначим символами $P_1, P_2 \dots$. Блок, состоящий из смежных предложений текста, обозначим $(P_k \dots P_l)$, где P_k и P_l соответственно первое и последнее предложение блока. Так как компонент коннектора может находиться в середине предложения, разделяя тем самым его на части, обозначим эти части $P_{a,1}, P_{a,2}$. Обозначим коннектор, связывающий предложения P_i и P_j — $con(P_i P_j)$, где $i, j = 1, 2 \dots$ — порядковый номер коннектора. В том случае, если предложения P_i и P_j

¹ Встречаются тексты, в которых отсутствуют явно выраженные коннекторы. В этом случае имеют место так называемые имплицитные связи между предложениями текста.

связаны только одним коннектором, символ может быть опущен.

Для представления структуры коннектора обозначим его компоненты $\text{con}(P_i P_j)$, $\text{con}(P_1 P_2)$, где подчеркнутый символ указывает предложение (предложения), содержащее соответствующий компонент коннектора. В случае моноконнектора подчеркнутый символ указывает, в каком предложении содержится этот коннектор. Расшифровка обозначений компонентов коннектора будет записываться после двоеточия.

Как уже упоминалось, в некоторых случаях встречается так называемый «размытый» коннектор, то есть такой коннектор, один из компонентов которого совпадает с одним из связываемых компонентов текста (предложением или блоком предложений). Компоненты такого коннектора будут обозначаться соответственно:

$$\text{con}(P_1 P_2) : P_1 \text{ и } \text{con}((P_3 P_4 P_5) P_6) : (P_3 P_4 P_5)$$

$\text{con}(P_1 P_2) : P_1$ обозначает, что первый компонент коннектора, связывающего предложения P_1 и P_2 , совпадает с предложением P_1 . $\text{con}((P_3 P_4 P_5) P_6) : (P_3 P_4 P_5)$ соответственно обозначает, что первый компонент коннектора, связывающего блок предложений $(P_3 P_4 P_5)$ и предложение P_6 , совпадает с этим блоком.

Проиллюстрируем применение введенной символики примером:¹

1. Сращивание средств телекоммуникации с машинной информатикой уже привело к появлению нового термина телематика. 2. Наиболее рьяные апологеты телематики предсказывают, что уже недалек тот день когда исчезнут обычные книги, газеты, журналы (Глушков, с. 537).

Связь между этими предложениями осуществляется за счет присутствия в каждом из них слова телематика. Структура этого фрагмента имеет вид :

$P_{1,1} - \text{con}(P_1 P_2) - P_{1,2}$. $P_{2,1} - \text{con}(P_1 P_2) - P_{2,2}$, где

$P_{1,1}$: сращивание средств телекоммуникации с машинной информатикой уже привело к появлению нового термина;

$\text{con}(P_1 P_2)$: телематика;

$P_{1,2}$: О (то есть соответствующая часть предложения отсутствует);

$P_{2,1}$: наиболее рьяные апологеты;

$\text{con}(P_1 P_2)$: телематики;

$P_{2,2}$: предсказывают, что уже недалек тот день, когда исчезнут

¹ В текстах примеров предложения обозначаются просто порядковым номером.

обычные книги, газеты, журналы.

В качестве компонентов коннектора могут выступать различные языковые средства. В наиболее простом случае связь двух предложений с помощью коннектора обусловлена наличием в связанных предложениях соответствующих «зацепленных», то есть грамматически или семантически связанных друг с другом слов или групп слов. Эти два слова (две группы слов) в совокупности и образуют коннектор, а каждое слово (группа слов) – компонент коннектора. Здесь важно обратить внимание на то, что компонент коннектора может состоять из одного слова или группы слов, не разделенных другими компонентами текста:

1. He had collected an armful of stuff and was ready to start back when he noticed a foggy spot over the end of the beach. 2. There the breakers crashed onto tall, dark rocks (Hayes, p. 8).

$\text{con}(\underline{P}_1\underline{P}_2)$: over the end of the beach;

$\text{con}(\underline{P}_1\underline{P}_2)$: there

Рассмотрим фрагмент текста, где в качестве компонента коннектора выступает предложение:

1. В результате возникает примечательная в диалектико-материалистическом плане трактовка семантической стороны языка как релятивизированной относительно концептуальных систем. 2. Тем самым автор решительно разрывает «порочный круг», в который неизбежно попадает выработка абсолютных критериев осмысленности языковых выражений в концепциях «семантики языка», сводящих мыслительные структуры к языковым (а так постоянно поступали представители неопозитивизма), не учитывающих знаний носителей языка об окружающем мире (Горский, 1983, с. 6).

Здесь $\text{con}(\underline{P}_1\underline{P}_2)$: P_1 , то есть первым компонентом коннектора является первое предложение, а $\text{con}(\underline{P}_1\underline{P}_2)$: тем самым.

Приведем пример, когда компонент коннектора совпадает с двумя предложениями:

1. Here we do the same things day after day, he thought. 2. Why can't life be different and exciting? 3. But whenever Corduroy tried talking to the other alligators about this, they only gave him funny looks (Hayes, p. 3).

$\text{con}(\underline{P}_1\underline{P}_2\underline{P}_3)$: $(\underline{P}_1\underline{P}_2)$;

$\text{con}(\underline{P}_1\underline{P}_2\underline{P}_3)$: this

Анализ структуры коннекторов русского, французского, английского и немецкого языков показывает, что в них существуют моно-, би- и поликоннекторы. Важно отметить также, что два компонента текста могут быть связаны несколькими коннекторами:

1. The Camels hump is an ugly lump
Which well you may see
at the Zoo;

2. But uglier yet is the hump we get
From having too little to
do (Kipling, p. 45).

Предложения связаны двумя коннекторами:

$con_1(P_1P_2)$: hump ;

$con_1(P_1P_2)$: hump

$con_2(P_1P_2)$: ugly ;

$con_2(P_1P_2)$: uglier

Компоненты би- и поликоннектора могут состоять из разных и одинаковых слов. В последнем случае слова в компонентах коннектора могут выступать в одном и том же или разных значениях. В процессе восприятия текста реципиент руководствуется презумпцией тождества или близости значений повторяемого слова, по крайней мере до обнаружения противоречия в структуре воссоздаваемой по тексту С-модели.

2. Общая характеристика внутритекстовых связей

Типология ВТС для современного¹ уровня развития языка приведена на с. . В основу этой типологии положен коммуникативный принцип, то есть классификация проводится на основе механизмов для установления связей, используемых коммуникантами. С этой точки зрения ВТС прежде всего разделяются на два типа: эксплицитные и имплицитные. Эксплицитными называются связи с явно выраженным коннектором, и поэтому они легко устанавливаются и распознаются коммуникантами. Можно постулировать наличие следующих видов эксплицитных связей: рекуррентные, координатные и инцидентные, устанавливаемые с помощью соответствующих коннекторов. К эксплицитным средствам организации текста можно также отнести демаркаторы — специальные знаки границ текста или субтекста. В случае имплицитных связей компоненты коннектора и характер «зацепления» между ними явно не выражены. Установление этих связей автором и распознава-

¹ Здесь говорится о «современном уровне развития языка», так как в процессе исторического развития, особенно под влиянием бурного роста научного знания (и, следовательно, соответствующего развития системы языка для вербализации этого знания) в последнее время возникают и утверждаются новые механизмы связей.

ние их реципиентом требуют от них соответствующего запаса знаний и определенных умственных усилий. Особенно наглядно это проявляется в научных текстах. В некоторых случаях восприятие реципиентом научного текста, в частности, восстановление связей, установленных автором, требует предварительного ознакомления со справочной, учебной или иной литературой в данной научной области, чтобы усвоить понятия, на которые опираются имплицитные связи.

Среди эксплицитных связей наиболее простым механизмом является рекуррентность — полная и частичная, а также координатные связи. Более сложен механизм инцидентных связей, к которым относятся связи на основе так называемого «грамматического тезауруса», известного всем носителям данного языка, в том числе а) с использованием юнктивов и б) связи с помощью проформ. Основанием для установления имплицитных связей между предложениями служит априорная уверенность реципиента, что он имеет дело с содержательным текстом.

Различаются три вида имплицитных связей: эллиптические, тезаурусные и транзитивные. Эллиптическая связь характеризуется наличием эллипсиса по крайней мере в одном из связываемых предложений. Тезаурусные связи — это такие связи, для установления которых автором и распознавания реципиентом необходимо, чтобы в их памяти содержались «списки» слов, относящиеся к различным классам инцидентности некоторого общего тезауруса, в том числе списки, основанные на обыденном знании. Класс инцидентности состоит из конечного множества слов, эквивалентных друг другу по некоторому признаку (совокупности признаков). Применение в двух предложениях двух слов из одного класса инцидентности означает наличие связи между этими предложениями.

Наряду с этим существуют классы инцидентности, входящие в специализированный, в том числе научный, тезаурус. Установление и распознавание основанных на них связей предполагает специальные знания. Транзитивной связью называется связь, возникающая в результате транзитивного замыкания тезаурусных связей¹. Переходим к рассмотрению конкретных типов ВТС.

¹ Между словами а и к, входящими в предложения P_1 и P_2 имеет место транзитивное замыкание тезаурусных связей, если существует такая цепочка слов (понятий), началом и концом которой являются слова а и к, а любые два соседних слова соединены тезаурусной связью.

3. Эксплицитные связи

Рекуррентия — наиболее очевидная и легко идентифицируемая связь¹. Рекуррентные связи хорошо изучены и им посвящена обширная литература. Рекуррентия представляет собой наиболее простой и исторически, по всей вероятности, наиболее ранний механизм связи между предложениями текста. Из анализа средств, реализующих рекуррентные связи, следует, что репертуар их весьма ограничен. Это обстоятельство послужило причиной формирования в системе языка в процессе его исторического развития принципиально иных механизмов для установления связи между предложениями в тексте.

¹ Интересно отметить, что рекуррентные связи в тексте могут быть выявлены чисто формальным путем даже реципиентом, не знающим языка, на котором написан текст. Для этого, в большинстве случаев, достаточно обнаружить в обоих исследуемых предложениях наличие совпадающих по форме знаменательных слов (то есть без понимания реципиентом значений этих слов). В некоторых случаях при использовании такого грубого «метода» могут быть допущены ошибки в установлении связей (особенно в случае омонимии), однако число их будет невелико. В общем случае омонимичное слово не употребляется, так как это может затруднить понимание текста.

Рекуррентные связи осуществляются с помощью би- поликомпонентного коннектора, компоненты которого состоят из одинаковых (с точностью до форм словоизменения) знаменательных слов или слов, имеющих одну и ту же корневую морфему. В наиболее простом случае рекуррентная связь осуществляется с помощью би-компонентного коннектора, оба компонента которого представлены одним и тем же словом в одном и том же значении, например:

1. Известно, что способность к изменчивости у живой природы и обеспечивает ее развитие. 2. Поэтому тщательное исследование механизма изменчивости — одна из важнейших задач биологов (Миронов, с. 34):

$\text{con}(P_1 P_2)$: изменчивости; $\text{con}(P_1 P_2)$: изменчивости.

В частном случае какое-либо слово одного из компонентов коннектора может выступать в составе сложного слова в другом компоненте коннектора:

1. In the sea, once upon a time, O my Best Beloved, there was a Whale, and he ate fishes. 2. He ate the starfish and the garfish, and the crab and the dab, and the plaice and the dace and the skate and his mate, and the mackereel and the pickereel, and the really truly twirly-whirly eel (Kipling, p. 30).

$\text{con}_1(P_1 P_2)$: fishes ;

$\text{con}_1(P_1 P_2)$: starfish ;

$\text{con}_2(P_1 P_2)$: fishes ;

$\text{con}_2(P_1 P_2)$: garfish

Различают полную и частичную рекуррентцию. При полной рекуррентции оба компонента коннектора состоят из одинаковых слов или выражений, которые могут различаться лишь формой словоизменения. При частичной рекуррентции оба компонента коннектора образованы словами, имеющими одну и ту же корневую морфему, но различающимися не только формами словоизменения (входящими в одну и ту же словообразовательную парадигму).

1. Петух собрал вокруг себя наседок и принялся разучивать с ними песни. 2. Культурно-массовая работа была в полном разгаре. 3. Правда, куры с трудом выкраивали минутку, чтобы посидеть на яйце (Кривин, с. 72):

$\text{con}(P_1 P_3)$: наседок;

$\text{con}(P_1 P)$: посидеть.

Инцидентными называются связи, устанавливаемые с помощью одно- или многокомпонентного коннектора, компоненты которого различны по своему лексическому составу. Число «степеней свободы», которыми обладает механизм инцидентных связей,

значительно больше, выбор этих связей шире, то есть инцидентные связи более разнородны, многообразны, чем рекуррентные.

Они реализуются в тексте с помощью специфических коннекторов — юнктивов и проформ, которые по своей сущности также представляют собой элементы некоторого тезауруса, и устанавливаются на основе списков, хранящихся в памяти коммуникантов. С тезаурусной точки зрения они принадлежат тому первичному «грамматическому тезаурусу», которым индивидуум овладевает, когда учится языку. В силу высокой степени обобщения выражаемых ими понятий юнктивы и проформы универсальны, то есть могут быть широко использованы, как в обыденных, так и научных текстах любых отраслей знания. Ими владеет подавляющее большинство носителей данного языка¹. Более того, они настолько универсальны, что могут использоваться как для связи слов и выражений внутри предложения, так и для связи между частями сложных предложений, а также и в качестве коннекторов.

В связи с этим можно высказать предположение, что исторически инцидентные связи возникли именно для связи слов и выражений внутри предложений, и лишь потом, в процессе развития языка, получили распространение и стали использоваться для связи частей сложного предложения и даже самостоятельных предложений, то есть в качестве коннекторов. Приведем некоторые примеры:

1. Вот пример из области биологических ритмов: давным давно известно, что листья растений складываются на ночь. 2. Но устойчивый ли это процесс? 3. Не может ли статься, что растение просто следует внешнему ритму изменения температуры и освещенности в дневное и ночное время суток? 4. И только поместив растения в постоянные условия температуры и освещенности, ученые обнаружили, что в урочный час листья все равно складываются. 5. Так они убедились, что складывание листьев — автономный процесс, не «затянутый» внешними «указателями времени», как выразились бы биологи (Войскунский, с. 34):

con(P₁P₂): но(юнктив);

con₁(P₄P₅): ученые;

con₂(P₄P₅): P₄;

con(P₃P₄): и(юнктив)

con₁(P₄P₅): они(проформа)

con₂(P₄P₅): так(проформа)

¹ Не исключены, конечно, случаи, когда используемые для связи конструкции оказываются непонятными для отдельных носителей языка.

Наиболее распространенными отношениями между объектами и явлениями окружающего мира являются аддитивность, альтернативность, противопоставление и зависимость (подчинение). В силу этого в языке сформировались канонические средства для обозначения этих отношений — юнктивы. В тексте юнктивы выступают обычно в качестве однокомпонентного коннектора, осуществляя «зацепление» двух предложений. Различаются следующие виды юнкции: конъюнкция, то есть отношение аддитивности событий; дизъюнкция, то есть выбор одного из событий (объектов); контраюнкция, предполагающая противопоставление двух сосуществующих событий; субординация, когда одно явление поставлено в зависимость от другого. Это может быть причинная зависимость, временные отношения, возможность и т.д. Для выражения этих отношений могут быть использованы следующие юнктивы¹:

Таблица 2

виды юнкции и юнктивы	русский	немецкий	английский	французский
конъюнкция	и вместе с тем кроме того сверх того	auch au er- dem daneben dazu	and moreover besides also	et d'autre part en outre
дизъ-юнкция	или либо-либо либо	oder sonst entweder- oder	or otherwise either... or but	ou ou...ou autrement
контра- юнкция	но а напротив тем не менее	aber doch dagegen nichtsdesto- weniger	on the contrary nontheless	mais nean- moins par contre
субордина- ция	так как тогда в то время как потом когда теперь итак	weil da deshalb dann seit als nun	because as thus after while	parce que quand tandis que

¹ Перечисленные юнктивы не обязательно являются переводными соответствиями.

Примеры юнктивов имеются в следующем тексте:

1. Яблоко пряталось среди листьев, пока его друзей срывали с дерева. 2. Ему не хотелось попадать в руки человека: попадешь, а из тебя, еще, чего доброго, компот сделают! 3. Приятного мало. 4. Но и оставаться одному на дереве — тоже удовольствие небольшое. 5. В коллективе ведь и погибать веселее. 6. Так, может быть, выглянуть? 7. Или нет? 8. Выглянуть? 9. Или не стоит? 10. Яблоко точил червь сомнения. 11. И точил до тех пор, пока от Яблока ничего не осталось (Кривин, с. 125):

соп(P_3P_4) : но ; соп(P_6P_7) : или;
соп(P_8P_9) : или; соп($P_{10}P_{11}$) : и.

На первый взгляд может показаться, что юнктивы лишь дополняют другие связи и могут быть опущены без ущерба для понимания смысла текста. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясным, что исключение юнктивов несколько меняет сам характер связи. Во-первых, автор, используя коннектор — юнктив, четко устанавливает связь между событиями (описываемыми в разных предложениях) для всех реципиентов, то есть и для тех, которые без соответствующего юнктива не сумели бы установить связь этих событий. В этой связи можно говорить об обучающей функции коннектора-юнктива. Во-вторых, с помощью коннектора-юнктива автор придает связи двух событий однозначное толкование. И, наоборот, желая создать простор для толкования реципиентом связи событий в тексте, автор может опускать юнктивы, предоставляя реципиенту возможность сделать собственные выводы об отношении событий в тексте на основе остальных сведений.

1. Он (С.Н. Рерих — О.К.) пояснил, что, по представлениям индусов, дом его отца — священный. 2. Поэтому каждый день вне зависимости от погоды местный пандит совершает ритуальный обход. 3. Такова традиция (Сидоров, с. 62).

Здесь связь первого и второго предложения обеспечивается коннектором-юнктивом *поэтому*. Даже в том случае, если реципиент не имеет в своей памяти тезаурусного списка, обуславливающего инцидентность слов *священный* и *пандит*, наличие коннектора *поэтому* позволяет ему установить связь этих предложений и ее характер. Реципиент может запомнить такую связь между событиями, то есть расширить свой тезаурус. В этом проявляется обучающая функция коннектора-юнктива *поэтому*.

Модифицируем теперь рассмотренный пример путем исключения из него коннектора *поэтому*:

1. Он пояснил, что, по представлениям индусов, дом его отца — священный. 2. Каждый день вне зависимости от погоды местный пандит совершает ритуальный обход.

Здесь возможны различия в понимании текста реципиентами. Если реципиент обладает достаточно развитым тезаурусом, то его понимание этого текста не изменится. Слова *священный* и *пандит* для него находятся в одном классе инцидентности, хранящемся в его памяти. Реципиент, не имеющий соответствующего тезауруса, но обладающий достаточно развитой общей эрудицией, сделает для себя вывод о возможной связи священности дома и пандита. Наконец, менее эрудированный реципиент может посчитать такой текст бессвязным, задавшись вопросом, кто такой пандит и как он связан с происходящим.

Опустив коннектор в тексте: 1. Не влезай. 2. Убьет, являющемся предупреждающей надписью на мачтах высоковольтных линий, автор предоставляет реципиентам возможность самим установить связь и ее характер между этими двумя событиями.

Для связи компонентов текста часто, вместо повторения содержательных элементов сообщения, коммуниканты лишь обозначают их с помощью специальных слов (входящих в грамматический тезаурус) бедных собственным содержанием — проформ. В возникающей при этом связи между предложениями (блоками предложений) один из компонентов коннектора — содержательный (автосемантический) имеет автономное содержание, а другой его компонент (синсемантический) представлен проформой, то есть словом, актуализирующим свое значение на основе содержательного компонента. При этом содержательный компонент коннектора может быть представлен словом, частью предложения, отдельным предложением или отрезком текста, включающим несколько предложений. Соответственно значение проформы актуализируется на основе слова, части предложения или предложения, а иногда оно может быть «размыто» по целому фрагменту текста.

Компонент коннектора, представленный проформой, может следовать за содержательным компонентом — такая проформа называется анафорой, или предшествовать ему (катафора). Языковые средства, используемые в качестве проформ в некоторых языках, приведены на с.70.

Рассмотрим пример:

1. А как же обстоит дело со сменой тактов диалога? 2. Ритмическое ли это чередование или оно чем-то «затянуто»? 3. Этим заинтересовался американский антрополог Элиот Чаплл. 4. Случилось

это поздней весной 1936 г. 5. Один из соратников Чаппла вспоминает, что идеи, давшие толчок многолетним исследованиям, оформились и созрели в беседах, местом которых были лужайки Гарварда. 6. Вскоре Чаппл доказал, что диалог — процесс ритмический. 7. Для этого ему пришлось подумать, как «измерять» диалог (Войскунский, с. 34).

con((P₁P₂)P₃) : (P₁P₂) ; con((P₁P₂) P₃) : этим

Таблица 3

виды проформ	русский	английский	немецкий	французский
местоименные существительные	он что кто некто тот	he who what	er was wer	il qui, ce celui-la
местоименные глаголы	делать	do	tun	faire
квази = местоимения	штука вещь	man thung one	Ding Sache	chause
местоименные прилагательные	такой	such	solch so ein	tel
местоименные наречия	так это	so this that	so	la ce cet

Перечисленные проформы не обязательно являются переводными соответствиями.

con(P₃P₄) : P₃ ; con(P₃P₄) : это

con₁(P₆P₇) : P₆ ; con₁(P₆P₇) : этого

con₂(P₆P₇) : Чаппл ; con₂(P₆P₇) : ему

Во всех этих коннекторах проформы употребляются анафорически. Приведем теперь пример употребления проформы-катафоры.

1. А еще он сделал для меня нечто необязательное, нечто доброе, на что способны только щедрые сердцем. 2. Нечто такое, чему нельзя научить ни в какой школе, ибо такие вещи делают по первому движению души, их не подсказывает никакой опыт. 3. Возле очага он обнаружил уютное местечко, которого я не заметила. 4. Туда он по собственному почину клал лучину и «средние» поленья, чтобы у меня всегда была наготове сухая растопка на случай сырой погоды (Роллингс, с. 13).

$\text{cop}_1(\underline{P}_1(P_3P_4))$: нечто ; $\text{cop}_2(\underline{P}_1(P_3P_4))$: нечто

Второе предложение связано с блоком (P_3P_4) двумя коннекторами :

$\text{cop}_1(\underline{P}_2(P_3P_4))$: нечто ; $\text{cop}_2(\underline{P}_2(P_3P_4))$: такие вещи

Второй компонент этих коннекторов один и тот же — блок (P_3P_4) . И проформы *нечто* в первом предложении и обе проформы второго предложения употреблены катафорически.

Координатные связи — это такие связи, в которых используется однокомпонентный коннектор. В качестве этого коннектора выступает специализированное словосочетание или предложение (часто с использованием числительных), вставленное в текст и непосредственно указывающее, более или менее точно, местоположение — координаты — в данном тексте того или иного его фрагмента. Этот фрагмент может состоять из предложения, блока предложений, формул, рисунков, графиков, чертежей и т.д. В некоторых случаях может быть указана координата фрагмента в каком-либо другом тексте или целого текста, с которым связано предложение (группа предложений) данного текста.

Например: см. выше; см. глава 2; см. 6; см. с. 87; см. сноску на с. 8; см. рис. 7; как видно из данных, приведенных в таблице; см. (1, 124) и т.д.

Механизм координатных связей создавался, по-видимому, отдельными авторами, но очень быстро распространился чрезвычайно широко и стал общеупотребительным. Являясь наиболее поздно возникшим типом связи, координатные связи менее всего изучены по сравнению с другими видами связи. Известные в настоящее время координатные связи позволяют разделить их на два вида:

— общие (слабые) координатные связи характеризуются тем, что местоположение фрагмента текста, с которым устанавливается связь (к которому отсылается реципиент), определяется коннектором лишь в общем виде. Например: выше, ниже, в дальнейшем, см. статью и т.д.

— специальные (сильные) координатные связи характеризуются, как правило, наличием в коннекторе точного указания на место в тексте (коннектор, как правило, включает числительное). Например: см. гл. III, ср. следующий абзац, см. предыдущий параграф и т.д. Следует обратить внимание на то, что иногда коннектор, например, см. (Петров, 1987), может означать слабую связь, ибо числительное указывает лишь на название всей книги в целом, а не является координатой фрагмента, который имеется в виду. С другой стороны, коннектор — (Петров, 1987, с. 14) означает сильную координатную связь, так как указана координата (номер страницы). Отметим, что указание на место или время в повествовании не будет координатной связью. Так, в предложении «В дальнейшем он часто вспоминал об этом случае» координатный коннектор отсутствует, в то время как в предложении: «В дальнейшем об этом будет сообщено подробно» — он налицо.

Особенно распространены координатные связи в научных текстах¹.

Проведем анализ текста с учетом эксплицитных связей:

1. А что происходит на конгрессах? 2. Вот типичная картина. 3. Несколько десятков «корифеев» выступают перед полутора-двумя тысячами слушателей, подавляющее большинство которых даже не пытается вступить с ними в аксиальную коммуникацию. 4. Такое присутствие на конгрессе ничем, пожалуй, не отличается от чтения статей в журналах. 5. Но ведь тогда конгресс придется отнести к подсистеме формальной коммуникации. 6. И такое решение будет справедливым (Войскунский, с. 112).

В анализируемом тексте коннектор, компоненты которого *конгрессах, конгрессе, конгресс* распределены по трем предложениям — P₁, P₄, P₅, трехкомпонентный. Двухкомпонентными являются коннекторы, компоненты которых:

— проформа *вот* и P₃ распределены по двум предложениям (второй компонент совпадает с P₃). Проформа употреблена катафорически.

¹ Появление, развитие и широкое употребление в настоящее время развитой совокупности координатных связей позволяет сделать вывод, что дальнейшее развитие может привести к возникновению и внедрению в систему языка новых искусственных средств связи между предложениями текста.

— P_5 и проформа *такое* распределены по двум предложениям (первый компонент совпадает с P_5). Проформа употреблена анафорически.

— *коммуникацию, коммуникации* распределены по двум предложениям — P_3 и P_5 .

Однокомпонентные коннекторы: *но, тогда* в P_5 , и в P_6 . Отметим, что P_4 и P_5 связаны тремя коннекторами, а P_5 и P_6 — двумя.

Таблица 4

№ связи- ваемых предло- жений	№ коннек- тора	Первый компо- нент	Второй компо- нент	Тип связи
1	2	3	4	5
P_1P_4	1	конгрессах	конгрессе	Полная рекуррентия
P_1P_5	1	конгрессах	конгресс	Полная рекуррентия
P_2P_3	1	вог	P_3	Проформа, второй компонент : P_3
P_3P_4	1	P_3	такое	Проформа, 1 компонент. P_3
P_3P_5	1	коммуникацию	коммуникации	Полная рекуррентия
P_4P_5	1		но	Юнктив
	2		тогда	Юнктив
	3	конгрессе	конгресс	Полная рекуррентия
P_5P_6	1		и	Юнктив
	2	P_5	такое	Проформа, 1 компонент : P_5

4. Имплицитные связи

Имплицитными называются связи, когда отсутствует явно выраженный коннектор. Основанием для установления имплицитных связей между предложениями является априорная уверенность реципиента, что он имеет дело с содержательным текстом — презумпция текстуальности — и поэтому связь между предложениями должна быть. Имплицитность — это проявление одной из наиболее общих тенденций, свойственных всем видам человеческой деятельности — тенденции к экономии используемых средств и времени. В частности в речевой деятельности экономия достигается применением наиболее «сжатых» текстовых конструкций¹.

Имплицитные связи — мощное средство сжатия текста. Однако формирование этих связей автором при порождении текста и распознавание их реципиентом в процессе восприятия требуют от них соответствующего запаса знаний и определенных умственных усилий. Тезаурусные связи, как правило, без труда устанавливаются большинством носителей языка. Установление этих связей в научных текстах требует специализированного знания в соответствующей области. В случае отсутствия такого тезауруса восприятие реципиентом текста, в частности, восстановление связей, установленных автором, требует предварительного ознакомления со специальной (справочной, учебной и т.д.) литературой. Цель такого предварительного обучения состоит в усвоении понятий, использованных автором текста.

Существование имплицитных связей связано с так называемой имплицитностью текста, проявляющейся в отсутствии в нем тех или иных элементов. Термин «элемент текста» используется здесь в широком смысле, под этим понимаются как слова в том или ином предложении текста, так и целые предложения (части предложений). Возможны три основных вида имплицитности текста:

- грамматическая имплицитность, когда в одном или нескольких предложениях текста пропущены те или иные члены;
- семантическая имплицитность, обусловленная тем, что в тексте отсутствуют (одно или несколько, в некоторых случаях доста-

¹ Сжатие текста есть проявление более общей тенденции к «экономии» языковых средств, в частности, в процессе вербальной коммуникации. О роли фактора экономии как одного из определяющих в развитии и изменении языка в целом, а также регулирующего языковое поведение носителя языка, пишет Б.А. Серебрянников (1983, с. 213-218).

точно много) предложения (части предложений) эксплицитно содержащие информацию, присущую данному тексту,

— сочетание первого и второго случаев.

Имплицитность текста обусловливается тем, что в нем не представлена вербально информация, которая должна присутствовать в сознании говорящих, обеспечивая адекватное понимание (Шендельс, с. 115). Нетрудно видеть, что первый из указанных случаев — грамматическая имплицитность — совпадает с так называемым эллипсисом и потому соответствующие имплицитные связи будем называть эллиптическими. Второй случай приводит к имплицитным связям, которые будем разделять на тезаурусные и транзитивные. И, наконец, в третьем случае будут присутствовать имплицитные связи обоих видов.

Имплицитные связи — наиболее сложный (с точки зрения коммуникативной, т.е. их установления и распознавания коммуникантами) вид связи из всех рассмотренных до сих пор. Как формирование имплицитных связей в процессе порождения текста, так и их восстановление в процессе восприятия (т.е. понимание текста, построение С-модели, соответствующей содержанию текста) требует от коммуникантов наличия достаточно развитого тезауруса личности (ТЛ)¹ в данной предметной области.

В чем же причина возникновения и развития имплицитных связей? По-видимому, дело в том, что эти связи чрезвычайно эффективны для «сжатия» текста, без изменения передаваемого объема информации. «Особенность языковой коммуникации и вербализации человеческого мышления заключается в том, — пишет в связи с этим Е.И. Шендельс, — что не все содержание мысли находит воплощение в особых языковых элементах, а наряду с эксплицитными способами выражения существует глубокая, лингвистами до сих пор не познанная, область имплицитной передачи информации. Она подобна той части айсберга, которая скрыта под водой» (там же, с. 109).

Из приведенных ниже примеров видно, что расшифровка используемых имплицитных связей приводит к значительному увеличению объема текста. В более сложных случаях, например, в со-

¹ Тезаурус личности (ТЛ) понимается как организованное знание, которым обладает субъект о словах и других вербальных символах. На каждом этапе речевой деятельности в сознании коммуниканта присутствует сформированный тем или иным способом фрагмент ТЛ. В наиболее простом случае этот фрагмент может быть представлен некоторым «списком» слов, называемым файлом.

временных научных текстах, такая детализация может привести к созданию необозримо громоздких текстов, использование которых было бы практически невозможно. «Если бы мы каждый раз должны были выражать свои мысли во всей своей полноте и с указанием всех существующих между ними взаимосвязей, — пишет по этому поводу Ш. Балли, — то речевое общение между людьми стало бы невозможным. Человеческий ум постоянно стремится к замене громоздких скоплений речевых фактов более краткими лингвистическими символами» (с. 321). Таким образом, рост объема и усложнение структуры передаваемой информации в процессе исторического развития человеческой коммуникации, с одной стороны, и необходимость ограничить практически целесообразными пределами объем текстов, используемых при вербальной коммуникации — с другой, и привело к возникновению имплицитных связей. То, что не эксплицируется, восполняется за счет ТЛ коммуникантов, который в случае имплицитных связей должен обладать более развитой структурой, чем в случае использования эксплицитных связей. Имплицитные связи осуществляются через ТЛ или так называемое транзитивное замыкание тезаурусных связей между словами, расположенными в нескольких «зацепленных» файлах ТЛ.

Эллиптические связи характеризуются наличием грамматической имплицитности, то есть эллипсиса, по крайней мере в одном из связываемых предложений. «Эллипсис — пропуск (выкидка) элемента (члена) высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте или ситуации (в данном речевом или бытовом контексте)» (Ахманова, с. 525). Например:

1. Je mène la lutte contre vous.
2. Contre moi ?
3. Contre le Régent et sa milice.
4. Contre votre mari et contre vos amis. (Sartre, p. 107)

Здесь предложения P_1 P_2 P_3 P_4 связаны эллиптической связью, ввиду наличия грамматического эллипсиса в предложениях P_2 P_3 P_4 . Элиминированные элементы в этом примере могут быть легко восстановлены из контекста. После такой реконструкции текст примет следующий вид:

1. Je mène la lutte contre vous.
2. (Vous menez la lutte) Contre moi ?
3. (Je mène la lutte) Contre le Régent et sa milice.
4. (Je mène la lutte) Contre votre mari et contre vos amis.

В таком тексте соответствующие эллиптические связи преобразуются в рекуррентные, устанавливаемые компонентами коннектора:

con (P₁P₂) : mène la lutte; con (P₁P₂): menez la lutte и т.д.

Таким образом, после реконструкции текста эллиптические связи становятся рекуррентными.

С коммуникативной точки зрения эллиптичность высказывания, в противоположность развернутому высказыванию, есть скорее норма, чем исключение, особенно в разговорной речи. Каноническое с грамматической точки зрения, развернутое высказывание, используемое там, где возможен эллипсис, производит впечатление искусственной, излишне усложненной «переутяжеленной» конструкции. Например:

— N'oubliez pas votre bouquet.

— Merci. Combien ? (pour le bouquet)

— Deux mille. (pour le bouquet)

— Voilà. (deux mille pour le bouquet) (G. = P. Le Chanois, p. 133)

Рассмотрим еще пример. С точки зрения грамматики предложение «Я был сегодня в театре» является каноническим, а просто «Был», в ответ на вопрос «Ты был сегодня в театре?», представляется «дефектным», так как в нем опущены важные члены предложения.

С точки зрения коммуникативной положение принципиально иное, можно сказать противоположное. Именно ответ «Был» на вопрос «Ты был сегодня в театре?» воспринимается коммуникантом как адекватный. В то же время ответ «Я был сегодня в театре» звучит уже с определенной эмоциональной нагрузкой (например, с раздражением).

Эллиптичность присуща не только разговорной речи, но и письменным, в том числе научным, текстам. Приведем пример из книги В.Г. Афанасьева (1980, с. 72). (Восстановленные слова стоят в скобках):

«В роли частей, компонентов целого могут выступать самые различные предметы и явления, отношения, процессы. Одни из них вещественны, телесны... Другие (из них) не имеют вещественного, предметного характера. Некоторые части социальной системы представляют собой не тела, вещи в их обычном понимании, а социальные, общественные явления. Третьи (из них), хотя и материальны по своей природе, но являются не вещами, а отношениями».

Эллипсис характерен и для художественных текстов. Приведем отрывок из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»:

«Но замечательно, что он все это умел облекать какою-то степенностью, умел хорошо держать себя. (Он) Говорил ни громко, ни

тихо, а совершенно так как следует. Словом, куда ни повороти, (он) был очень порядочный человек».

Вот пример из повести В. Сидорова (с. 62):

«Потом я узнал, что за два месяца до нашего приезда в дереву ударила молния. (Молния) Ударила странным образом, не обуглив его, а как бы прорезав (его) секирой».

Тезаурусные связи являются разновидностью имплицитных связей. Для выявления в тексте тезаурусных связей необходимо знание слов, входящих в файлы ТЛ. Как уже упоминалось, файлы хранятся в долговременной памяти коммуникантов. Если соответствующий файл в памяти коммуниканта отсутствует, то он вынужден обратиться в поисках необходимой информации к другим (то есть дополнительным к воспринимаемому тексту) источникам: словарям, энциклопедии, книгам по данной отрасли знания и т.д.

Следует иметь в виду, что деление связей на инцидентные и тезаурусные в достаточной мере искусственно. Это объясняется тем, что инцидентные связи (рассмотренные ранее) реализуются с помощью специальных слов и выражений, образующих сами по себе тоже некоторый тезаурус. Элементы этого тезауруса, вместе с правилами их применения, хранятся в виде файлов в памяти всех носителей данного языка, в том числе автора и реципиента.

Различные виды и разновидности тезаурусных связей изучались в последнее время многими учеными. В случае тезаурусных связей принадлежность компонентов коннектора к одному классу инцидентности устанавливается на основе файлов ТЛ коммуникантов. Компонентами коннектора могут быть как ассоциаты¹ файла, так и номинант¹ в сочетании с ассоциатами.

Необходимо отметить еще одну особенность при установлении тезаурусных связей. Во многих случаях реципиент не формирует более или менее развернутый файл на основе данного номинанта. Однако при предъявлении в тексте пар слов, например, *птица сорока*, *птица сова*, реципиенты в большинстве случаев без труда установят соответствующие связи, опираясь на существующий в их сознании в неявной форме файл. Определим такой способ использования файлов ТЛ как пассивный, в отличие от активного, при котором индивид может составить достаточно развернутый файл. Можно предполагать, что большинство коммуникантов при восп-

¹ На определенном шаге речемыслительной деятельности в сознании коммуниканта доминирует актуализируемое в данный момент слово. Доминирующее слово назовем номинантом, слова, образующие файл-ассоциатами.

приятию текста используют пассивный способ владения файлами ТЛ. (Это не означает, что восприятие текста не является творческим процессом!) Активный способ используется, по-видимому, авторами при порождении текста.

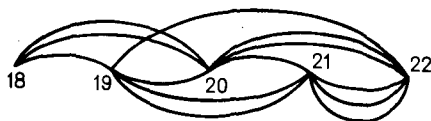
Проанализируем тезаурусные связи в фрагменте текста, состоящем из предложений P₁₈—P₂₂ (полный текст см.) и приведем схему этих связей на с.79

18. Сороки часто стали появляться в окрестностях больших городов. 19. Некоторые даже осмеливаются мастерить свои массивные гнезда рядом с многоэтажными зданиями. 20. Но чаще они все же наведываются к человеку осенью и зимой. 21. Вот уже который год я наблюдаю пернатую стрекотуху из окна своей квартиры. 22. Заглядывает сорока и на балкон, чтобы пожить кусочком сальца, сахарной косточкой или корочкой хлеба.

Таблица 5

№№ связи- ваемых предлю- жений	Поряд- ковый номер коннек- тора	Первый компо- нент	Второй компонент	Файл (фрагмент)
P ₁₈ P ₁₉	1	город	здание	/город (целое—часть): здание, человек/
P ₁₈ P ₂₀	1	город	человек	/город (целое—часть): здание, человек/
	2	появляться	наведыва- ться	/появляться (синоним): наведываться/
P ₁₉ P ₂₀	1	здание	человек	/город (целое—часть): здание, человек/
P ₁₉ P ₂₁	1	здание	квартира	/здание (целое—часть): квартира, балкон, окно/ » — » — » — »
	2	здание	окно	
P ₁₉ P ₂₂	1	здание	балкон	/здание (целое—часть): квартира, балкон, окно/
P ₂₀ P ₂₁	1	человек	квартира	/человек (ситуация жилья): квартира, балкон/ » — » — » — »
P ₂₀ P ₂₂	1	человек	балкон	
	2	наведыва- ваться	загляды- вать	/наведываться (синони- мич.): заглядывать/
P ₂₁ P ₂₂	1	квартира	балкон	/здание (целое—часть): квартира, окно, балкон/ » — » — » — »
	2	окно	балкон	
	3	стрекоту- ха	сорока	/стрекотуха (син.): сорока/

Схема
тезаурусных связей между предложениями P₁₈ P₂₂

Тезаурусные связи широко используются в практике речевой деятельности, поскольку, представляя в вербальной форме зафиксированный в памяти носителя языка прошлый опыт, они позволяют эффективно использовать этот опыт в процессе порождения/восприятия текста. Вместе с тем, можно показать, что наличие тезаурусных связей в тексте не является принципиально необходимым: всякую тезаурусную связь можно заменить цепочкой рекуррентных или других «явных» связей, дополнив соответствующим образом текст. Продемонстрируем это на конкретном примере, используя приведенный на с. 76 отрывок текста и дополнив его соответствующим образом (дополнения даны в скобках):

18. Сороки часто стали появляться в окрестностях больших городов (состоящих из высоких зданий). 19. Некоторые даже осмеливаются мастерить свои массивные гнезда рядом с многоэтажными зданиями. 20. Но чаще они все же наведываются к человеку (живущему в городе) осенью и зимой. 21. Вот уже который год я наблюдаю пернатую стрекотуху из окна своей квартиры (расположенной в многоэтажном здании). 22. Заглядывает сорока и на балкон (моей квартиры), чтобы поживиться кусочком сальца, сахарной косточкой или корочкой хлеба.

В модифицированном таким образом отрывке текста все тезаурусные связи заменены рекуррентными, однако объем текста увеличился. Таким образом, тезаурусные связи представляют собой эффективное средство «сжатия» текста.

Транзитивной называется такая связь, при которой зацепление между компонентами коннектора в обоих связываемых предложениях устанавливается в процессе транзитивного замыкания тезаурусных связей. Напомним, что между словами *a* и *b*, входящими в предложения P₁ и P₂ соответственно, имеет место транзитивное замыкание тезаурусных связей, если существует такая цепочка слов

(понятий), началом и концом которой являются слова *a* и *b*, а любые два соседних слова соединены тезаурусной связью. Таким образом, транзитивную связь можно интерпретировать как цепочку связей между несколькими «зацепленными» элементами ТЛ, принадлежащими различным, но семантически связанным файлам. Однако промежуточные звенья этой цепочки эксплицитно в тексте не выражены¹.

Транзитивная связь, наличие которой в тексте интуитивно ощущается, с одной стороны, и в существовании которой реципиент уверен, с другой, может быть проявлена в процессе транзитивного замыкания этих промежуточных звеньев. При восприятии (порождении) текста реципиент (автор), используя свой ТЛ, восстанавливает в процессе осмысления текста все «зацепленные» понятия из смежных файлов и, таким образом, устанавливает связь между предложениями. Если коммуникант сумеет это сделать, то вся цепь промежуточных понятий оказывается замкнутой, а эксплицитно не обозначенная транзитивная связь между двумя предложениями — установленной. В противном случае коммуникант обращается к другим источникам информации² с целью расширить и пополнить свой ТЛ, делая в первую очередь (презупция содержательности) предположение, что имеющийся у него запас знаний недостаточен для понимания данного текста. И только в исключительных случаях реципиент делает вывод, что текст, которым он располагает, бессодержателен и потому установить связи между его предложениями невозможно.

Таким образом, всякую транзитивную связь можно «расшифровать», указав в явной форме «зацепленные», но опущенные в тексте понятия из смежных файлов ТЛ. После подобной расшифровки транзитивная связь будет заменена цепочкой тезаурусных связей. Если результаты подобной расшифровки эксплицитировать в первоначальном тексте, то это потребует дополнить текст одним или несколькими предложениями, которые в нем отсутствуют (семантическая имплицитность). Использование транзитивных связей воз-

¹ Именно это обстоятельство обуславливает «сжатие» текста при использовании транзитивных связей.

² Автор часто облегчает эту задачу, снабжая текст разного рода примечаниями и другой дополнительной информацией, на основе которой транзитивная связь может быть сведена к цепочке тезаурусных связей, доформировывая таким образом ТЛ реципиента для понимания данного текста.

можно только при наличии у коммуникантов общего для них (достаточно развитого) ТЛ в тех предметных областях, которые охвачены данным процессом коммуникации.

Процессы обучения в значительной мере сводятся к тому, что преподаватель формирует у учащихся необходимый для той или иной отрасли знания ТЛ. Файлы этого ТЛ в дальнейшем служат информационной базой для выявления транзитивных связей в соответствующих текстах. Приведем пример: 1. Был мороз. 2. Трубы лопнули. Для установления связей между этими предложениями необходимо знание следующих фактов, информация о которых содержится в соответствующих файлах ТЛ:

Факты

1. Речь идет о трубах отопления
2. Трубы отопления наполнены водой
3. При морозе вода превращается в лед
4. Замерзая, вода расширяется
5. Расширение воды приводит к разрыву труб

Файлы

1. /сосуд (род — вид): трубы/
2. /трубы (понятие-типичный признак понятия): жидкость, газ/
3. /жидкость (род-вид): вода/
4. /мороз (понятие-типичный признак понятия): замерзнуть/
5. /вода (ситуация заморозки): расширяться/
6. /расширение (понятие-типичный признак понятия): разрывать оболочку/
7. /оболочка (род-вид) труба/
8. /разрываться (синоним): лопаться/

Используя эти файлы можно установить транзитивную связь между предложениями P_1 и P_2 , осуществив транзитивное замыкание связей между словами *мороз* и *лопнуть*.

Рассмотрим отрывок из трех предложений:

1. Главную пищу пустельги составляют жуки. 2. Она охотится на насекомых после заката солнца. 3. С наступлением темноты летит на ночлег.

Если реципиент не знает, что пустельга — это птица, то он не может установить связь между словами *пустельга* и *летит* (тем самым между предложениями P_1 и P_3). Исходя из презумпции текстуальности и, следовательно, предполагая наличие этой связи, ре-

ципиент должен обратиться к дополнительным источникам информации, с помощью которых он выяснит, что *пустельга* — это вид птиц. На этом основании он установит связь *пустельга летит*, сформировав цепочку зацепленных файлов: /птица (род-вид):пустельга/, /птица (целое — часть) : крыло/, /крыло (понятие — типичный признак понятия): летать/

В книге Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» есть такой фрагмент:

1. Путешествие от Пречистенки до Новой Басманной по мерзлым лужам, конечно было длинно, но ведь не длинней же пути от Тифлиса до Москвы. 2. И все-таки оно было длиннее. 3. Сашка сидел на козлах с надменным видом, как статуя. 4. В этом полагал он высшую степень воспитания.

Из анализа текста следует, что связь предложений P_1 и P_3 описывается на связь слов *путешествие* и *козлы*. Промежуточное слово, с помощью которого можно установить транзитивное замыкание этих слов — это слово *карета*, как средство передвижения при путешествии, с одной стороны, и как предмет, имеющий козлы для кучера — с другой. Знание реципиента отражается в следующих файлах его ТЛ: /путешествие (понятие — типичный признак понятия): способ передвижения/, /способ передвижения (род-вид): карета/, /карета (часть-целое): козлы/.

Знание этих файлов позволит реципиенту в дальнейшем устанавливать эту связь между словами *путешествие* и *козлы*, как тезаурусную.

Из приведенных примеров видно, что реципиент вынужден использовать процедуру транзитивного замыкания при восприятии текста в том случае, если в его ТЛ отсутствуют необходимые файлы, на основе которых рассматриваемая связь может быть интерпретирована как тезаурусная. Таким образом, между транзитивными и тезаурусными связями существует тесное взаимодействие. Действительно, установив в процессе транзитивного замыкания связь между двумя словами (понятиями) и запомнив эту связь, реципиент тем самым дополняет (расширяет, уточняет) свой ТЛ. Встретив в дальнейшем эти слова, он сможет не прибегать к процессу транзитивного замыкания, а использовать сформированный заранее файл своего ТЛ. В итоге, эксплицировав транзитивную связь в процессе транзитивного замыкания и преобразовав ее тем самым в тезаурусную, реципиент «улучшил» свой ТЛ, расширив, углубив или детализировав его.

С другой стороны, некоторые файлы ТЛ, в случае если у реципиента не было необходимости прибегать к их активизации дли-

тельное время, могут быть утрачены из памяти («забыться»). Встретив в тексте слова, установление связей между которыми базируется на утраченных файлах ТЛ, реципиент не сможет эти связи установить, то есть они окажутся для него не тезаурусными, а транзитивными.

Таковы в общих чертах основные особенности транзитивных связей и их взаимосвязь с тезаурусными.

Подводя итоги рассмотрению различных видов связи следует отметить, что в любом тексте (за счет увеличения его объема) все виды связей могут быть сведены к простейшим — рекуррентным.

5. Границы текста и демаркаторы

Наряду с рассмотренными средствами организации текста — коннекторами, в современных текстах, особенно научных, широко используется другая группа средств — демаркаторы. Демаркатор — это специальный графический или просодический (в устной речи)¹ знак, указывающий на наличие в месте его нахождения в тексте некоторой границы, отделяющей одну часть текста от другой (один субтекст от другого) или один текст от другого. В связи с этим различаются внутритекстовые демаркаторы (ВД) и граничные демаркаторы (ГД).

Исторически первыми появились ГД, носившие по большей части материальный характер, совпадая с границами текstonосителей своего времени (края каменной плиты или глиняной таблички, начало и конец свитка и т.д.). В настоящее время в качестве ГД также используются материальные объекты: обложка, титульный лист (он входит в текст) и др. В подавляющем большинстве случаев границы текста специально обозначаются. Для этого используются следующие ГД:

— специальные слова и выражения. Наиболее широко для обозначения начала текста используется особое слово или предложение — заголовок. Заголовок специально выделяется типом шрифта (в типографском и машинописном тексте), увеличением пробелов между словами и расстояний между строками, написанием слов в разрядку и т.д. Иногда (особенно в рукописных и машинописных текстах) заголовок выделяется подчеркиванием. Почти всегда для выделения заголовка используется сочетание нескольких из перечисленных способов (например, шрифт и разрядка в типограф-

¹ В данном случае под просодическими знаками понимаются различные средства, используемые для создания интонационного контура текста в устной речи.

ском тексте; шрифт и подчеркивание в машинописном тексте).

В начале дневниковых записей обычно стоит дата. Тексты личных и деловых писем часто начинаются с обращений. Во многих случаях для указания на начало текста используются специальные слова и выражения, связанные с членением текста: I глава (акт, часть и т.д.).

Выражения, употребляемые для обозначения конца текста, можно разделить на две основные группы: 1) выражения, указывающие на окончание повествования, например, слово *конец* и 2) группа выражений, связанная с указанием автора текста. В конце текста (особенно часто это встречается в газетных и журнальных статьях) может стоять фамилия и инициалы автора. В переводных текстах употребляются выражения: перевод с английского, или перевод с английского такого-то. Для обозначения конца текста могут быть использованы выражения, указывающие место или время написания текста: Москва — Переделкино, май 1975; Ялта, август 1907г. и т.д.;

— специальные начертания букв и специальные знаки. Для обозначения начала текста может применяться специальное начертание букв первого слова или первой буквы первого слова. Особенно часто этот прием использовался в старинных рукописях и книгах, где эти буквы зачастую представляли собой художественные миниатюры. Для обозначения конца текста употребляется знак черты, звездочка, три звездочки;

— стереотипные выражения особенно часто обозначают границы текста в сказках и других произведениях народного творчества. Многовековая традиция выработала здесь почти канонические формы обозначения границ текста. Например: «В некотором царстве, в некотором государстве», «жили-были» — для начала текста и «и я там был, мед, пиво пил ...» или «стали жить да поживать ...» для его конца.

Использование стереотипных высказываний для обозначения конца текста встречается и в научных текстах, например, математических — «что и требовалось доказать». К специфическим ГД относятся кавычки, выделяющие внутри данного текста начало и конец фрагмента (заголовка, цитаты), заимствованного из другого текста.

Внутритекстовые демаркаторы (ВД) получили широкое распространение в современных текстах. Это обусловлено диалектическим единством «мира текстов» и характером процесса познания внешнего мира. Необходимость применения ВД обусловлена дис-

кретным характером процесса познания. Хотя внешний мир непрерывен и все его объекты взаимосвязаны и взаимообусловлены, процесс познания дискретен, и познающий индивидуум членит внешний мир в своем сознании. Процесс познания осуществляется в виде последовательной цепи познания дискретных фрагментов объективной реальности. Очевидно, что такой же дискретной структурой должна обладать и информация, в которой представлены или передаются результаты процесса познания. Отсюда следует, что в системе языка необходимы механизмы, позволяющие отделить один субтекст, содержащий описание какого-либо фрагмента знания о мире, от другого субтекста, описывающего другой фрагмент. Для этого и используются ВД.

Многочисленные исследования и эксперименты показывают, что переход от одной подтемы в тексте к другой, от одного субтекста к другому, сопровождается ослаблением связности, уменьшением плотности связей. По мере накопления коллективного и обогащения индивидуального знания происходило усложнение продуцируемых в процессе коммуникации текстов и увеличение их размерности. Семантическое членение становилось все более трудно обнаруживаемым в процессе восприятия текста. Вместе с тем, все чаще стали возникать ситуации, в особенности применительно к научным текстам, когда реципиента интересовал не весь текст, а только определенные его фрагменты, содержащие нужную для него информацию. Выделение в тексте нужных субтекстов на основе семантического анализа — сложная и трудоемкая задача: необходим по крайней мере предварительный просмотр, а во многих случаях предварительное прочтение всего текста. Возникла социально обусловленная необходимость в ВД, обеспечивающих ускорение процесса восприятия текста.

Исторически более ранними графическими ВД являются: красная строка; специальное начертание (в дальнейшем специальный шрифт) заглавной буквы (иногда первого слова или, реже, нескольких первых слов) нового абзаца; пробел между строками (из одной или нескольких строк); специализированные знаки — звездочки, черта и др. Наблюдаются случаи сочетаний ВД. Все эти ВД не являются упорядочивающими, то есть они не указывают расположения выделяемого ими субтекста в целом тексте. Позднее возникли и широко распространились упорядочивающие ВД или рубрикаторы, представляющие собой сочетание некоторого слова (часть, глава, пункт) или знака () с порядковым числительным или буквой алфавита. Такие ВД указывают на порядок расположения субтек-

стов внутри текста. К рубрикам относятся такие обозначения как часть II, глава 6, § 7, а) и др., которые в настоящее время общепотребительны, особенно в научных текстах.

Использование развитой системы ВД в современных, в частности, научных текстах позволяет сделать оглавление текста. Оглавление можно рассматривать как упрощенную модель текста в виде так называемой «скелетной» структуры, позволяющей сделать обозримой внутреннюю организацию даже больших текстов. Знание такой структуры значительно сокращает время и трудоемкость отыскания в тексте нужной информации, давая возможность заменить последовательный перебор всех субтекстов (в том числе чтение) целенаправленным поиском нужного субтекста. В заключение отметим, что типология ГД и ВД еще далеко не разработана и требует дальнейших исследований.

§ 5. Анализ внутритекстовых связей

Проведем анализ ВТС в конкретном тексте «Говорящая сорока» (Знание — сила, декабрь, 1984). Связанные предложения приводятся в порядке их следования при восприятии текста, то есть рассматривается связь каждого предложения с предшествующими, например, сначала P_3P_4 , потом P_2P_4 . ВТС для предложений $P_1—P_5$ представлены в таблице 6.

При тезаурусной связи ее конкретный вид не указывается, как и при транзитивных связях цепочки файлов не эксплицируются. Подробный анализ некоторых тезаурусных и транзитивных связей приводится на с. 89.

Говорящая сорока

1. Мы привыкли к сорокам и порой мало обращаем на них внимания. 2. А ведь это одна из самых красивых и своеобразных птиц средней полосы России. 3. Трудно даже представить заснеженную русскую деревню без сороки, сидящей где-нибудь на заиндевелой яблоне, плетне или частоколе. 4. Длинный ступенчатый хвост, короткие округлые перья, пестрая окраска делают сороку необычной, ни на кого не похожей и во время ее тяжелого волнообразного полета. 5. Вот уж поистине, чем не украшение зимнего пейзажа! 6. Да и не только зимнего... 7. Всем хороша птица. 8. Только вот замашки у нее воровские. 9. Даже у злобного пса лакомый кусочек отобрать ситруется. 10. Польза от сороки немалая. 11. Я видел, как она охотилась за полевками. 12. Сядет неподалеку от норки и ждет, когда рыдатель появится. 13. А то и прямо с дерева спикирует на грызу-

на. 14. Да и насекомых уничтожает. 15. Ведь птенцов она выкармливает разными личинками, куколками, майскими хрущами и другими жуками-вредителями. 16. Полезна сорока еще и тем, что в ее старых гнездах поселяются сова, пустельга и другие хищные птицы. 17. Особенно большую услугу в этом важном деле она оказывает в степных районах. 18. Сороки часто стали появляться в окрестностях больших городов. 19. Некоторые даже осмеливаются мастерить свои массивные гнезда рядом с многоэтажными зданиями. 20. Но чаще они навешиваются к человеку осенью и зимой. 21. Вот уже который год я наблюдаю пернатую стрекотуху из окна своей квартиры. 22. Заглядывает сорока и на балкон, чтобы поживиться кусочком салца, сахарной косточкой или корочкой хлеба.

Таблица 6

№№ связан- ных предло- жений	№ коннек- тора	Первый ком- понент	Второй ком- понент	Тип связи
P ₂ P ₁	1	сорока	это	проформа
	2	сорока	птица	тезаурусная
	3		а	юнктив
P ₂ P ₃	1	Россия	русскую	рекуррентная
	2	птиц	сороки	тез.
P ₁ P ₃	1	сороки	сороки	рекурр.
P ₃ P ₄	1	сорока	перья	транзитивная
	2	сорока	сорока	рекурр.
	3	сорока	полет	транз.
	4	сорока	хвост	транз.
P ₂ P ₄	1	птица	перья	тезаурусная
	2	птица	сорока	тезаурусная
	3	птица	полет	транзитивная
	4	красивая	окраска	рекуррентная
	5	птица	хвост	тезаурусная
P ₁ P ₄	1	сорока	перья	транз.
	2	сорока	сорока	рекурр.
	3	сорока	полет	транз.
	4	сорока	хвост	транз.
P ₄ P ₅	1	P ₄	вот	проформа
P ₃ P ₅	1	заснежен- ный	зимний	тез.

Приведем подробный анализ некоторых связей:

а) тезаурусных	файл (фрагмент)
P ₂ P ₃ птица — сорока	/птица (род-вид): сорока/
P ₂ P ₄ птица — перья	/птица (понятие — типичный признак понятия): перья
P ₃ P ₅ заснеженный — зимний	/зимний (понятие — типичный признак понятия): заснеженный/
б) транзитивных	цепочка зацепленных файлов
P ₄ P ₁₆ перья — пустельга	/птица (род-вид): пустельга/ /птица (понятие-типичный признак понятия): перья/
P ₄ P ₁₆ полет — пустельга	/пустельга (вид-род): птица/ /птица (целое-часть): крыло/ /крыло (понятие-типичный признак понятия): полет/

В таблице приводится количество связей между предложениями анализируемого текста.

№№ предложений	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	∅	2	1	4	—	—	1	—	—	1	—
2		∅	2	5	1	—	1	—	—	1	—
3			∅	4	1	—	1	—	—	1	—
4				∅	1	—	4	—	—	4	—
5					∅	3	—	—	—	—	—
6						∅	—	—	—	—	—
7							∅	1	—	1	—
8								∅	2	—	—
9									∅	—	1
10										∅	1
11											∅
12											
13											
14											
15											
16											
17											
18											
19											
20											
21											
22											

№№ предло- жений	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
1	—	—	—	1	5	—	1	1	—	1	1
2	—	—	—	1	5	—	1	1	—	1	1
3	—	—	—	1	5	—	1	1	2	1	1
4	—	—	—	4	17	—	4	4	—	4	4
5	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
6	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
7	—	—	—	1	5	—	1	1	—	1	1
8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	—	—	—	1	1	—	1	1	—	1	1
11	6	3	2	1	—	—	—	—	—	—	—
12	∅	2	1	4	—	—	—	—	—	—	—
13		∅	2	—	—	—	—	—	—	—	—
14			∅	5	—	—	—	—	—	—	—
15				∅	5	—	1	1	—	1	1
16					∅	2	5	5	—	5	5
17						∅	—	—	—	—	—
18							∅	2	4	3	3
19								∅	1	3	2
20									∅	2	2
21										∅	3
22											∅

Внутритекстовые связи служат основой других направлений в исследовании структуры текста, в частности, его семантической структуры. Переменная плотность связей обуславливает формирование СФЕ, в которых проявляется структурированность С-моделей. Семантическая структура текста, тесно связанная с объективируемой С-моделью, коррелирует со структурой ВТС текста (структурой текста) и строящейся на этой основе иерархией СФЕ.

Анализ даже коротких текстов показывает, что количество ВТС в несколько раз превосходит число предложений в тексте¹. Непосредственный анализ таких труднообозримых структур практически невозможен². Даже для приближенного анализа структуры ВТС возникает задача уменьшения размерности — замены большого числа элементов и еще большего числа связей между ними меньшим числом анализируемых факторов при соответствующем со-

¹ В примере на с. 84 текст из 22 предложений имеет более 100 связей.

² Такой анализ, если методы анализа структуры ВТС и будут найдены, потребует, по-видимому, использования ЭВМ.

кращении числа связей. Применительно к тексту эта задача может быть решена путем рассмотрения вместо предложений — СФЕ, а вместо системы ВТС — иерархии СФЕ — СФЕ-структуры текста. Можно предположить, что в любом тексте количество СФЕ меньше числа предложений, количество связей между СФЕ существенно меньше числа ВТС, а их структура проще. Поэтому можно ожидать, что проблема анализа СФЕ-структуры текста менее трудоемка по сравнению с анализом структуры ВТС. Для членения текста на СФЕ и анализа их структуры могут быть использованы специальные графы — дендроструктуры текста, которые строятся на основе ВТС с помощью специальных алгоритмов (Каменская, 1977, 1980).

ГЛАВА III

ТЕКСТ В КОММУНИКАЦИИ

§ 1. Речемыслительная деятельность и память

В процессе РМД носитель языка оперирует как ментальными конструктами (С-моделями и их элементами), так и средствами языка, а также соответствующими операциональными правилами. Все эти процессы, как правило, пролонгируются на весьма длительные промежутки времени. Таким образом, РМД требует от носителя языка вовлечения в операциональную сферу значительных пластов прошлого опыта как языкового, так и когнитивного, что возможно лишь при наличии памяти. Тем самым память, одна из основных функций индивидуального сознания, есть необходимое условие коммуникации.

Память можно определить как форму существования индивидуального знания во времени. «Самое существенное свойство знания, — пишет В.А. Звегинцев, — заключается в том, что оно обязательно должно опосредоваться памятью. Это значит, что знание лишь постольку знание, поскольку оно способно сохраниться человеческой памятью. Все, что не прошло испытания памятью, не может быть знанием. И если память не сохранила его, разум оказывается безоружным и обессиленным — ему нечем оперировать, он лишается «материальной» опоры для его функционирования, ему нечем руководствоваться для обеспечения «целесообразной деятельности человека» (с. 75).

Одной из важнейших функций памяти, которую можно назвать языковой памятью, является хранение многообразной и разносторонней информации, обеспечивающей РМД индивида. В языковой памяти хранятся сведения о фонетике, лексике, грамматике и других средствах как родного, так и иностранного (иностраных) языков, а также вся та информация, которая необходима для целенаправленного управления этими средствами в процессе РМД. О существовании специальной языковой памяти С.Д. Кацнельсон: «В мозгу индивида сознание и язык образуют две относительно автономных области, каждая из которых обладает своей памятью, в которой хранятся относящиеся к ней знания, и своими средствами активации, способными извлечь из памяти и привести в движение

необходимые в данный момент фрагменты знаний»¹ (1984, с. 4). Наряду со знанием о языке, в памяти хранится много других видов знания. Это прежде всего общее и специальное знание о мире, составляющее содержание так называемой «энциклопедической памяти». Объем информации, хранимой в памяти, значительно превосходит то знание, которое может быть вербализовано. «...Не все то, что имеется в человеческом сознании, может непосредственно выражаться в языке, — указывает Б.А. Серебренников (1970, с. 40). Можно отметить также так называемую «личностную память» (личностную функцию памяти)². По-видимому, знания, хранящиеся в личностной памяти, еще в большей степени невербализуемы. «Личная память может сохранить и музыкальный мотив, и аромат цветка, и вкус плода, которые непередаваемы, лишены дискретности и не допускают материальной репрезентации» (Звегинцев, с. 75).

Таким образом, если языковая память служит для актуализации РМД, то содержание порождаемого текста («предмет говорения»), а также его восприятие определяются функциями памяти — энциклопедической памятью, личностной памятью и т.д. И хотя языковая память представляется более простой, чем механизм функционирования памяти в целом, задачи создания моделей как одного, так и другого механизмов во многом тождественны: необходимо объяснить, каким образом обеспечивается долговременное хранение огромного количества разнородных сведений и знаний, с одной стороны, и быстрый, оперативный поиск и использование нужных сведений в процессе различного рода деятельности индивида, в том числе коммуникативной (речемыслительной) с другой³...

¹ Говоря о сферах сознания и языка в мозгу индивида С.Д. Кацнельсон подчеркивает, что он не имеет ввиду их локализации в отдельных «центрах» во френологическом смысле. Как показали современные нейрофизиологические исследования, эти сферы представляют собой сложные функциональные системы, координирующие работу многих взаимодействующих и отчасти компенсирующих друг друга динамических структур в коре головного мозга.

² Вопрос о целесообразности вычленения еще каких-либо функций и, соответственно, видов памяти остается открытым как лежащий вне рамок данной книги. Рассматриваются только указанные виды индивидуальной памяти: языковая, энциклопедическая и личностная.

³ Психологами установлено, что речевая деятельность является реализацией общественно-коммуникативной деятельности людей в процессе общения (Жинкин, 1958).

В 60-е годы в психологии повысился интерес к ряду фундаментальных проблем, формировавшихся на базе осмысления большого экспериментального материала, полученного на протяжении предыдущих десятилетий. Именно в эти годы возникли буквально десятки конкурирующих моделей и концепций памяти, многие из которых, отражая важные аспекты и свойства памяти, были предназначены, однако, для решения частных задач. Разнообразие моделей памяти свидетельствует о том, что удовлетворительного, хотя бы с позиций психологии, решения проблемы памяти все еще нет. Одна из причин сложности создания достаточно репрезентативной модели памяти — ее многоаспектность, обусловленная разнородными видами информации, воспринимаемой и хранимой в индивидуальной памяти, а также многочисленными способами использования этой информации.

В 70-е годы одну из успешных попыток построить модель памяти на базе достаточно общих концепций предпринял Р. Аткинсон. В настоящее время модель, предложенная Аткинсоном¹, принята в качестве базовой большинством исследователей памяти и получила признание советских психологов (Залевская, 1982, с. 54). Основными компонентами этой модели являются: сенсорные регистры (СР), кратковременная память (КВП) и долговременная память (ДВП), включающая лексическое хранилище (ЛХ ДВП). Схема преобразования информации в блоках этой модели такова: информация (в том числе и в вербальной форме) поступает из окружающей индивида среды через различные рецепторы и проходит первичную обработку в так называемых сенсорных регистрах, каждый из которых образован тем или иным рецептором совместно с внутренними структурами нервно-мозговой системы индивида.

Поступающая из нервных рецепторов в СР информация может иметь различную модальность: зрительную, слуховую и т.д. Таким образом, формируемый в СР «образ» не обязательно предполагает зрительное представление. Даже при запоминании, например, буквенно-цифровых сочетаний сохраняющийся в памяти образ, помимо образов непосредственно букв и цифр, может включать информацию о размере бумаги, на которой изображено это сочетание,

¹ К сожалению Аткинсону неизвестны исследования советских психологов (Л.В. Занков, Л.И. Зинченко, А.А. Смирнов и др.) в области сознательно контролируемой и произвольной памяти, что приводит к преувеличению им роли произвольного контроля в системе памяти. Не учтены в модели Р. Аткинсона и некоторые другие аспекты, разработанные представителями советской психологии (Забродин и др. С. 12, 20).

шрифте, а также значении входящих в него символов, различные семантические коды и множество других элементов информации (Аткинсон, с. 29). В СР мозаичная сенсорная информация подвергается обработке способами в какой-то мере аналогичными алгоритмам, рассматриваемым в теории распознавания образов, но гораздо более мощными. В результате извлекаются типичные признаки, и в процессе синтеза этих признаков формируются некоторые ментальные коды. Поступающая в СР информация быстро утрачивается вследствие либо стирания, либо замены вновь поступившей информацией. Из СР предварительно обработанная информация передается в систему КВП, играющую особую роль в системе памяти. Именно процессы в КВП находятся под непосредственным контролем индивида, оказывая значительное влияние на его поведение и деятельность. Таким образом КВП можно рассматривать как оперативную память индивида (там же, с. 57).

Процессы управления в КВП могут быть весьма различны. Общее для этих процессов состоит в том, что они вводятся в действие, используются по усмотрению индивида. Повторяя один или несколько элементов, индивид может удерживать их некоторое время (длительность которого зависит от психофизиологических особенностей данного индивида) в КВП. Целый ряд экспериментов различного рода показывает, что емкость КВП ограничена и для большинства людей характеризуется известным числом 7 ± 2 (гипотеза Ингве). При этом может происходить (и очевидно играет важную роль при вербальной коммуникации) перекодирование информации из одной модальности в другую. «Например, слово, представленное визуально, может быть передано посредством перекодировки из зрительного СР в кратковременную слуховую память» (там же с. 57).

Слуховая КВП играет важную роль в процессе запоминания вербальной информации. Вычленив отдельные функции «слуховой вербально-языковой (СВЯ) системы» непросто, поэтому в дальнейшем эта система будет рассматриваться как некоторое функциональное целое. Имеющиеся данные показывают, что время хранения в КВП информации, представленной в СВЯ форме, составляет 15-30 секунд. Время сохранения информации других модальностей достоверной оценки не имеет (там же, с. 58). Целый ряд экспериментальных данных показывает, что время извлечения из КВП такой информации как буквы и числа составляет 10-30 мсек на один элемент.

Последним из основных компонентов рассматриваемой моде-

ли памяти является ДВП. Вся информация, поступающая в СР и далее в КВП в конечном счете полностью утрачивается, тогда как в ДВП информация сохраняется на протяжении всей жизни индивида, хотя и может модифицироваться с течением времени или временно оказаться недоступной для оперативного использования в КВП. Что касается формы хранения информации в ДВП, то она весьма разнородна. «Большинство описанных в литературе экспериментов по изучению ДВП относится к хранению в СВЯ форме; однако ДВП очевидно существует и в отношении информации любой другой сенсорной модальности, как об этом свидетельствует способность к распознаванию стимулов, предъявляемых соответствующим органам чувств. В ДВП может содержаться также информация, которую нельзя отнести ни к одной из сенсорных модальностей, примером чего является память о времени» (там же, с. 58). ЛХ ДВП реализует «языковую» память индивида. В нем содержится память о словах, об их значениях, об отношениях между ними и о правилах и алгоритмах, используемых при манипулировании этими символами, понятиями и отношениями (там же, с. 369).

Процесс жизнедеятельности индивида связан с последовательным решением ряда моторно-ментальных и ментальных задач. При решении каждой такой конкретной задачи активно используется весьма ограниченный объем знаний из всего «информационного багажа» индивида. В связи с этим возникло понятие оперативной памяти (ОП), в которой содержатся те фрагменты знания, которые необходимы для решения конкретной задачи или элементарной подзадачи. Решение такой задачи базируется, как правило, на привлечении ограниченного объема сведений, которыми индивид активно оперирует на протяжении ограниченных интервалов времени. Затем возникает потребность в решении очередной задачи, для чего необходимо привлечь другие фрагменты знания и т.д.

Некоторые психологи, например, Н.И. Жинкин, говорят о «специальных видах» оперативной памяти, формирующихся, в частности, у диспетчеров наземного, водного или воздушного транспорта. Такая память обеспечивает определенные виды конкретной деятельности (1982, с. 47). В рассматриваемой нами модели функции оперативной памяти отождествляются с КВП. С КВП отождествляется также феномен «сознание», то есть предполагается, что ментальные конструкты и другое знание, осознаваемое индивидом в каждый конкретный момент времени, содержатся в КВП.

Основной принцип функционирования механизма памяти состоит в практически непрерывном обмене информацией между СР

и КВП, с одной стороны, и КВП с ДВП, с другой. Следует иметь в виду, что КВП и ДВП отнюдь не обязательно должны соответствовать различные неврологические структуры. Вполне возможно, что функции КВП и ДВП обусловлены различными фазами активации одной и той же структуры (Аткйнсон, с. 277). Однако именно КВП играет роль оперативной памяти и на этой основе задается направление потокам информации. Таким образом, информация, поступающая в память непрерывно взаимоорганизуется и интегрируется с другой информацией, уже находящейся в памяти.

§ 2. Словарь личности и тезаурус личности

Механизм воздействия слова на человека основан на взаимодействии слова со знанием, обусловленным прошлым опытом человека, закрепленным в его памяти. Можно указать две формы знания: (1) Знание в неосознаваемой форме и (2) знание осознанное, в котором можно выделить чувственно-эмоциональное знание (эмоции, впечатления); невербальное знание (образное, двигательное) и вербальное знание (знание слов и их значений).

В соответствии с формами знания существуют различные плоскости воздействия слова на личность. Слово может оказывать большое влияние на наше подсознание, определяя слова и поступки, хотя это во многих случаях и не осознается (например, внушение в гипнотическом состоянии). Слово воздействует на чувства и эмоции человека как своим звучанием, так и своим значением. Наибольшее воздействие слово оказывает на интеллектуальную сферу человека, в частности на вербальное знание, своей семантикой. Это происходит в результате взаимодействия значения воспринимаемого слова с прошлым опытом индивида, закрепленным в памяти. Говорящий стремится с помощью выбора соответствующих слов привлечь внимание партнера, заставить его себя слушать, добиться понимания и нужного ответа. Реципиент, со своей стороны, воспринимая слова, имеет возможность прогнозировать дальнейший смысл сообщения, воссоздавая его общий смысл, анализировать замысел автора.

Взаимопонимание коммуникантов предполагает пересечение их знаний, в частности, выраженных в вербальной форме. Взаимодействие слова и индивида в плоскости вербального знания сказывается в том, что каждое порождаемое автором текста слово, а также каждое услышанное (прочитанное) реципиентом слово текста активизирует в его памяти некоторую группу слов, семантически свя-

занных, зацепленных с этим словом. Многочисленные группы слов, хранящиеся в памяти каждого носителя языка, образуют сложную систему, которую в дальнейшем будем называть тезаурусом личности (ТЛ).

Основой вербальной коммуникации является соответствующий словарный запас, которым должен обладать каждый из коммуникантов. Без этого участие в коммуникации невозможно. Словарный запас или словарь личности (СЛ) начинает формироваться с самых ранних лет развития личности и, пополняясь и модифицируясь, хранится в ДВП на протяжении всей жизни. При использовании в многочисленных актах коммуникации внутри социума, словарные единицы из СЛ индивидуальных носителей языка проходят своеобразный «естественный отбор». Те из них, которые выдерживают это испытание временем, пополняют лексику языка. Будучи пролонгированными на временные интервалы, превосходящие жизнь одного поколения, эти «малые приращения», накапливаясь во времени и интегрируясь в системе языка, обогащают его словарный состав. Вот как описывает этот процесс А. Моль: «Вокруг не меняющегося веками ядра словаря и слоя разговорных слов, который постоянно изменяется, в чем и проявляется самостоятельная жизнь языка, возникает колоссальный фонд в несколько десятков тысяч слов, намного превосходящий словарный запас, доступный одному человеку» (1973, с. 41).

Какова количественная величина словарного состава того или иного языка? На это трудно дать однозначный ответ¹. Наиболее известные словари фиксируют в составе языка от 120 тысяч слов (словарь современного русского языка 1948-1964 г. в 17 томах) до 600 тысяч слов (второе издание словаря Вебстера 1934 г.). СЛ среднего носителя языка составляет 10^4 — 10^5 слов (Величковский, с. 190). Нижний предел (10^4 слов) подтверждает также А. Моль (1975, с. 166).

В процессе РМД (порождение/восприятие текста) в каждый момент времени активно используется весьма незначительная часть СЛ. Большая его часть находится в ЛХ ДВП, что обычно не осознается индивидом в явной форме. Длительное хранение СЛ в ДВП, с одной стороны, и последовательная активизация нужных фрагментов СЛ в процессе РМД, с другой, являются одной из слабоизученных функций индивидуального сознания. «Никто не зна-

¹ См. по этому поводу интересную статью М. Арпова «Сколько слов в языке?...» (Знание—сила. 1984. № 2. С. 23).

ет, — пишет Ю.Н. Караулов, — как, в каком виде существует словарь в голове индивида, в сознании носителя языка: то ли слова распределены по гнездам, так или иначе соответствующим «узлам» в структуре словаря; то ли они «подобно мозаике покрывают сферу понятия», воссоздавая в целом «картину мира», то ли, наконец, способ существования словаря непохож ни на то, ни на другое» (1976, с. 247).

Большая часть экспериментального материала в этой области получена на основе коммуникативного контакта с информантами в процессе прохождения ими различных психологических тестов. При этом информанты естественно оперируют той информацией, которая уже будучи «вызванной» из ДВП, представлена в КВП. Поэтому основным, если не единственным способом исследования ДВП, является изучение форм и способов представления соответствующей информации в КВП.

Многочисленные попытки экспериментального выявления принципов организации так называемой семантической памяти были предприняты в последние годы, в особенности, представителями когнитивной психологии. «При этом было получено, — пишет о результатах этих исследований Б.М. Величковский, — огромное количество данных. Так, например, оказалось, что за время, равное примерно одной секунде, испытуемые могут установить правильность предложения «Дятел — это птица» или назвать растение, название которого начинается с буквы «п». Столь небольшое время ответов было бы невозможным, если бы не высокая степень эффективности использования долговременных компонентов нашего лексического знания. Более удивительным, впрочем, является то обстоятельство, что мы способны за то же самое время определить отсутствие слова «мантинас» среди 10^4 — 10^5 известных нам слов родного языка» (с. 190).

Анализ этих данных приводит к выводу, что словарный запас хранится в памяти в виде упорядоченных структур. Это упорядочивание значительно сложнее одномерной структуры простого следования на основе какого-либо отношения порядка, например, алфавитного списка, извлечение из которого нужного слова возможно только способом последовательного перебора всех членов списка. Последнее положение наглядно иллюстрируется тем обстоятельством, что человек практически не может более или менее быстро «вспомнить» некоторый список слов (например, названия всех известных птиц) сразу в алфавитном порядке. Если информант получит такое задание, он сначала составит список нужных

слов в некоторой произвольной¹ последовательности, а затем уже упорядочит его в соответствии с алфавитом.

Сопоставление объема СЛ (от 10^4 до 10^5) для ординарного носителя языка, с одной стороны, и времени нахождения нужного слова или массива слов (доли секунды или секунды), с другой, приводит к выводу, что внутри СЛ существует достаточно развитая структура и функциональный механизм, без которых было бы невозможно необходимое «быстродействие» в процессе речевой деятельности. Именно структурированность СЛ делает правомерной постановку вопроса о существовании ТЛ.

Термин «тезаурус» широко используется в лингвистике для обозначения специального типа словарей, в той или иной степени отражающих «картину мира», «языковую модель мира» (Караулов, 1981, с. 190).

Как считает Ю.Н. Караулов: «Древнегреческое слово «тезаурус», означавшее буквально «сокровищница» почти на наших глазах выросло в своем смысловом объеме, получило новое значение. Им стали называть словарь, не просто вбирающий в себя все лексические богатства языка, а упорядочивающий их определенным логико-системным образом. В словаре-тезаурусе слова сводятся в группы, а объединение это происходит на основе способности того или иного слова передавать определенное понятие (1984, с. 7).

Тезаурус-словарь всегда рассматривался в лингвистике как некоторая универсальная система, обеспечивающая хранение коллективного (для того или иного социума) знания о мире в вербальной форме. В отличие от других словарей в тезаурусе-словаре это знание хранится в структурированной форме, отражающей наши представления о «структуре мира». Впервые термин «тезаурус» применил еще в XIII веке Брунетто Латини, озаглавив так свою систематизированную энциклопедию. В лингвистике термин «тезаурус» использовал Л.В. Щерба в первом, исконном значении этого термина — «хранилище», «сокровище», применительно к так называемому словарю употреблений, то есть словарю, который фиксировал по возможности все контексты, в которых встречается данное слово. Второе значение этого термина связано с имеющим широкую известность словарем «Тезаурусом» Роже. В этой трактовке термин «тезаурус» обозначает определенный способ организации, рас-

¹ Или, возможно, упорядоченной на основе неизвестных нам индивидуальных принципов.

положения лексического состава в словаре.

Третье значение термина «тезаурус» связано с всеобщим признанием такого способа организации лексического состава, которая позволяет экономно моделировать «мир». С этой точки зрения тезаурус-словарь представляет собой систематическое упорядочение лексики какой-либо научной или технической области, а в наиболее общем виде — общелитературной лексики и, более того, всей лексики данного языка. «Общезыковой тезаурус, фиксируя в структуре и взаимоотношениях своих рубрик, разделов, зон, областей широкие возможности «невербального» соединения идей» (Локк) обеспечивает учет человеческих ценностей» (Караулов, 1981, с. 224). В таком расширительном понимании тезаурус-словарь «может трактоваться как своего рода языковая память, в которой с помощью (и на материале) лексики закодированы системы правил, регулирующих применение в речи единиц фонологического, морфологического, синтаксического, семантического и прагматического уровней» (там же, с. 232). Аналогичные принципы должны лежать и в основе организации ТЛ. Как уже говорилось, наличие ТЛ делает возможным оперативное использование СЛ.

Таким образом, если термин СЛ обозначает множество слов в ЛХ ДВП, то говоря о ТЛ, мы имеем в виду некоторые структуры на этом множестве, наличие которых обуславливает возможность одновременного активного использования тех или иных подмножеств этого множества (то есть СЛ) в процессе РМД. Отметим также, что в современной лингвистике имеется еще более широкое толкование термина «тезаурус». Вот что пишет по этому поводу Г.Г. Воробьев: «В словаре русского языка тезаурусу более всего соответствует одно из значений слова мир: например, мир подростка, мир робота» (с. 3). В таком же расширительном аспекте рассматривает тезаурус в некоторых случаях и Ю.Н. Караулов (1976).

Основное отличие описания языка как большой системы от описания «языка в действии» (то есть при порождении и восприятии текстов) состоит в том, что при описании процесса коммуникации исследуются локальные структуры языковой системы, принимающие участие в конкретном акте коммуникации. Одновременно следует отметить, что информация о слове в лексиконе человека организована заведомо не так, как статья в толковом словаре и вообще не так как в каком бы то ни было печатном словаре (Залевская, с. 47).

ТЛ будет рассматриваться как «субъективный тезаурус, то организованное знание, которым обладает субъект о словах и других

вербальных символах, об их значениях, об отношениях между ними, и о правилах, формулах и алгоритмах, используемых для манипулирования этими символами, понятиями и отношениями» (Величковский, с. 184).

§ 3. Организация тезауруса личности

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению структуры и функционирования ТЛ в процессе РМД. ТЛ есть инструмент установления семантических связей в динамическом процессе порождения/восприятия текста. При этом в практике речевой деятельности никогда не возникает потребности обращения к ТЛ в целом. В каждый момент речевой деятельности коммуникант обращается к тому или иному фрагменту своего ТЛ, содержащему слова, находящиеся в некоторой семантической «окрестности». Этот фрагмент ТЛ находится в КВП и осознается или может быть осознан носителем языка. Он всегда представляет собой лишь незначительную часть ТЛ, основной массив которого в неосознанной, пассивной форме сохраняется в ЛХ ДВП. При порождении/восприятии последующих слов текста активизируются и вызываются из ДВП в КВП другие фрагменты ТЛ, связанные с этим словом, а предыдущие — стираются.

В каком виде хранится в ЛХ ДВП тезаурус личности? Ответа на этот вопрос мы дать не можем. В рамках принятой модели памяти можно лишь предполагать, что формирование новых структур при обогащении ТЛ в процессе развития личности происходит в КВП. Затем эти вновь сформированные структуры передаются в ЛХ ДВП для длительного хранения. Происходит ли при этом в ДВП какое-либо преобразование структуры запоминаемого фрагмента ТЛ? Или эта структура сохраняется неизменной и запоминается в том виде, в котором она сформировалась в КВП? Ответов на эти вопросы в настоящее время нет.

Точно так же нельзя пока дать и ответ на вопрос, когда, где и как формируется тот фрагмент ТЛ, который одновременно используется носителем языка при речевой деятельности. Находится ли этот фрагмент в ЛХ ДВП уже в готовом виде? Или его структура формируется в ДВП по сигналу вызова из КВП и уже в сформированном виде фрагмент ТЛ передается КВП? Или, наконец, по запросу КВП нужный массив слов каким-то неизвестным образом извлекается из ЛХ ДВП, передается в КВП и там уже приобретает структуру и становится тем фрагментом ТЛ, который нужен коммуниканту? Не имея ответов на эти вопросы, будем, однако, пред-

полагать, что на каждом этапе речевой деятельности в КВП присутствует сформированный тем или иным способом необходимый фрагмент ТЛ. В наиболее простом случае можно себе представить, что этот фрагмент задан некоторым «списком» слов в КВП. Список, репрезентирующий фрагмент ТЛ, называется файлом.

В каждый момент речевой деятельности в сознании коммуниканта доминирует актуализируемое в данный момент слово. При восприятии текста доминирующим является то слово, которое в данный момент воспринято реципиентом. При порождении текста доминанта определяется актуализируемым автором словом текста. Наряду и параллельно с этим процессом в КВП актуализируется соответствующий фрагмент ТЛ — файл. Назовем доминирующее слово **номинантом**, а слова, образующие файл, — **ассоциатами**. Разделение слов на номинанты и ассоциаты в процессе РМД является динамическим процессом, непрерывно сопровождающим линейное развертывание текста при его порождении/восприятии. Другими словами, файл можно интерпретировать как некоторую вербальную «ассоциативную систему», ассоциаты которой сгруппированы вокруг «тематического центра» (Моль, 1973, с. 42) — номинанта. Количество ассоциатов в файле не очень велико и по некоторым оценкам не превышает тридцати (Моль, 1975, с. 148).

В дальнейшем, имея в виду процесс взаимодействия между номинантом и файлом, будем говорить, что номинант инициирует (порождает) файл, или, что файл инициируется (порождается) номинантом. Какова процедура, обеспечивающая в процессе речевой деятельности отбор из всего множества слов, хранящихся в ЛХ ДВП, нужных ассоциатов и формирование из них соответствующего файла? В последние десятилетия усилия многих ученых как психологов, так и лингвистов были посвящены исследованию этого и смежных вопросов. Существенным недостатком этих исследований было то, что они основаны почти исключительно на изучении семантики языка. При таком подходе, как отмечает Б.М. Величковский, из рассмотрения исключался «гигантский пласт опыта, который начинает формироваться с самого рождения и специфически связан с деятельностью и действиями» (с. 195).

Сегодня приходится констатировать, что ни одна из многочисленных моделей и теоретических схем, предложенных за последние десятилетия, не дает ответа на поставленный вопрос. Можно лишь указать два основных момента, которые должны входить в процедуру формирования файлов: во-первых, «знание о мире» и, во-вторых, знание значений слов. «Мыслительное содержание во

всех его аспектах, — пишет в связи с этим А.В. Бондарко, — включается (в преобразованном языковой системой виде) в языковое содержание в качестве его мыслительной основы (когнитивного компонента)» (1983, с. 62).

Основная задача коммуникации — передать средствами языка все многообразие и сложность явлений как внешнего, так и внутреннего мира человека, а также огромного пласта отвлеченных понятий и категорий, может быть решена только при использовании ТЛ, обладающего развитой динамичной структурой. Это приводит к динамическому разнообразию файлов, совокупность которых и составляет ТЛ.

В основе формирования файла в наиболее простом случае лежит элементарное «знание о мире», выраженное некоторым простым отношением. Совокупность отношений, определяющих файлы ТЛ, является одним из проявлений связи языка и мышления или, в субъективном плане, концептуальной системы личности, с одной стороны, и средств языка, которыми располагает эта личность как носитель языка, — с другой. «Мыслительное содержание... связано с языковым содержанием, реализуется в нем, находит в нем один из способов своего представления, оказывает влияние на функционирование языковых единиц» (там же, с. 62).

Множество всех возможных отношений, реализуемых в множестве файлов ТЛ носителя языка, и образует структуру ТЛ. Она представляет совокупность понятийных категорий, лежащих в основе функционирования концептуальной системы личности.

Д.А. Поспелов (с. 14) считает, что множество отношений между элементами действительности, выражаемых языком, может быть сведено к некоторому ограниченному набору базовых отношений, общее число которых не превышает двухсот. В настоящее время можно привести лишь отдельные примеры типовых сочетаний фундаментальных понятийных категорий или групп категорий, являющихся базисом для формирования файлов ТЛ (Бондарко, с. 46—64), (Чейф, с. 17). Множество файлов ТЛ, адекватное «картине мира» в концептуальной системе личности, едва ли может быть исчерпывающе классифицировано, хотя в литературе описаны попытки создать классификации (Поспелов с. 114). Можно только указать некоторые классы файлов.

В дальнейшем будем записывать файлы в виде:

/ N (Rel) : A₁, A₂, ... , A_n /, где N — номинант, иницирующий файл; (Rel) — содержание отношения, определяющего файл; A₁, A₂, ... , A_n — ассоциаты, составляющие файл. Например, номинант *мебель* порождает файл,

состоящий из ассоциатов *стол, стул, шкаф* и т.д., связь которых с номинантом может быть определена как «род — вид». Этот файл записывается следующим образом: /мебель (род — вид): стол, стул, шкаф.../ Для обозначения номинанта будем использовать символ N, где в скобках указано значимое слово. Например, запись N (мебель) означает, что слово *мебель* является номинантом. Точно так же будут использоваться символы A() или A₁(), A₂(), A₃() для обозначения ассоциатов. Так, ассоциаты приведенного файла будут записаны в виде A (стол, стул, шкаф) или A₁ (стол), A₂(стул), A₃ (шкаф).

Многие фрагменты ТЛ эксплицируются в простых по структуре, так называемых бинарных файлах. Бинарный файл характеризуется тем, что все ассоциаты находятся в одном и том же отношении с номинантом. В этих файлах закреплены в словесной форме наиболее простые и вместе с тем широко распространенные виды отношений, используемые носителями языка в повседневной речевой деятельности.

В дальнейшем будут рассмотрены следующие виды отношений:

— часть — целое (целое состоит из разнородных частей), например, /рука (целое — часть): палец/;

— общее — специальное или род-вид, например, /работать (общее — специальное): пилить/, /птица (род — вид): сорока/;

— понятие — типичный признак понятия; признак считается типичным, если по нему само понятие может быть однозначно восстановлено, например, /ноги (типичный признак): ходить/ или /жидкость (типичный признак): течь/, так как ходить можно только ногами, а течь может только жидкость; или наоборот, если этот признак может быть однозначно восстановлен по названию понятия: /горение (типичный признак): огонь/, /ветер (типичный признак): дуть/. Отметим, что, например, связь *солнце — греть* не является связью на основе отношения понятие — типичный признак понятия, так как согревание не будет типичным признаком солнца в смысле приведенного определения, греть может не только солнце, но и печка, а солнце может не только греть, но и освещать. То же самое относится и к связи *сорока летать*, так как сорока может не только летать, а летать может не только сорока;

— деятель — действие, например, /пилот (деятель — действие): управлять/;

— действие — объект действия /управлять (действие — объект действия): самолет/.

В каждом из этих бинарных отношений первый член определяется номинантом, второй же член определяет ассоциаты файла. Так, определив «род» словом *мебель* можно сформировать приведенный файл:

/мебель (род — вид): стол, стул, шкаф.../ или

/птица (род — вид): сорока, ворона, сова, пустельга.../

Этот же файл может быть порожден и в том случае, если номинантом будет один из элементов, выражающий «вид», например, *сорока*. Однако в этом случае файл будет формироваться на основе уже другого отношения, в данном случае — (вид — виды того же рода). Например: /сорока (вид — виды того же рода): ворона, сова.../. Такие файлы могут быть названы **видовыми**.

Можно предполагать, что видовые файлы обуславливают появление в языке новых слов, обозначающих собирательно-абстрактные понятия. Так, появление и развитие многочисленных средств для перевозки грузов и людей, обозначаемых словами, входящими в файл с ассоциатами *повозка, паролод, поезд* ..., породило слово *транспорт*.

Файлы могут формироваться из ассоциатов, которые совместно с номинантом обладают одним или несколькими общими признаками. Например, /стол (общий признак — деревянный): лыжи, ящик, табуретка, доска/.

Один и тот же номинант может инициировать файлы различных «направлений». Так, номинант *сорока*, характеризуемый как умеющий летать, инициирует файл: /сорока (общий признак — уметь летать): бабочка, стрекоза, жук, сова, пустельга/. Номинант *сорока* может инициировать не только «птичий» и «летательный» файл, но и «охотничий», то есть связанный с ситуацией охоты: /сорока (ситуация охоты): охотиться, полевка, насекомое, ждть, пикировать, грызун/. Файлы, определяемые ситуацией, могут быть названы **ситуативными**. Слова *полевка* и *пикировать* не связаны сами по себе никакой связью. Однако в ситуации охоты сороки (сорока пикирует на полевку) между этими словами устанавливается связь «по ситуации», то есть они являются ассоциатами одного файла.

Наряду с файлами, непосредственно отражающими те или иные отношения, существующие во внешнем мире, можно указать несколько классов файлов, выражающих отношения, закрепленные в категориях языка. В качестве примера назовем класс словообразовательных файлов. Формирование такого файла не требует знания о мире, а основано в большинстве случаев на знании сово-

купности аффиксов данного языка и правил их употребления. Например, /дерево (словообразование): деревянный, деревенеть, древовидный/. Такие файлы могут быть названы **формальными**, в отличие от рассмотренных ранее **концептуальных** файлов. К числу формальных файлов относятся также такие, в которых закреплено знание носителя языка о правилах использования средств языка. Например, файл /N (местоимение): он, тот, этот/, где N произвольный номинант, выраженный существительным мужского рода.

Промежуточное положение между формальными и концептуальными файлами занимают **релятивные** файлы, выражающие наиболее общие отношения внешнего мира, которые нашли свое воплощение в категориях синонимии и антонимии. Например, /мешать (синоним): препятствовать, противодействовать/; /высокий (антоним): низкий/.

Важно отметить, что свойственная мышлению способность к обобщению и абстрагированию позволяет формировать **смешанные** файлы. Ассоциаты такого файла находятся в различных отношениях с иницирующим их номинантом. Примеры таких файлов приводит Ю.Н. Караулов (1984, с. 7). Номинант *болезнь* иницирует смешанный файл с ассоциатами: *ангина, боль, грипп, насморк, кашлять, чихать, болеть, страдать, ломать, температура, тревога, простужаться, старость, больница, врач, забота, рецепт*. Номинант *думать* иницирует смешанный файл с ассоциатами: *задумываться, представлять, голова, мышление, человек, сознание, ум, мысль, взгляд, обсуждать, мечта*. Номинант *учеба* — файл с ассоциатами: *техникум, учебный год, училище, класс, урок, учитель*.

Из всякого смешанного файла можно выделить ряд бинарных файлов. Например: /болезнь (род — вид): *ангина, грипп*/, /болезнь (понятие — типичный признак понятия): *насморк, температура, кашлять, чихать*/, /болезнь (общее-специальное): *болеть, ломать, страдать*/, /болезнь (ситуация): *простуживаться, рецепт, больница, забота, старость, врач*).

Подкласс специальных файлов связан с некоторыми специфическими задачами РМД, имеющими ограниченное распространение. Приведем два примера: во-первых, файл **рифм**, ассоциаты которого связаны с порождающим этот файл номинантом отношением рифмования. Многочисленные примеры такого рода файлов содержит словарь рифм.

Вторым типом является **кроссвордовый** файл. Этот файл, как показывает само название, иницируется в ТЛ носителя языка в

процессе разгадывания кроссворда. Номинантом в этом случае будет какое-либо слово, уже вписанное в кроссворд. Ассоциатами становятся слова, удовлетворяющие требованиям данного кроссворда, например: слова из пяти букв, в которых на третьем месте стоит буква «ч»: *дочка, точка, пачка, кочка, тачка* и т.д. Отметим, что рядовой носитель языка сравнительно редко обращается в своей языковой практике к специальным файлам. Поэтому объем их у него невелик, и время формирования может быть значительно. С другой стороны, тренированные индивиды (пишущие стихи или любители составлять и решать кроссворды), очевидно, характеризуются лучшими значениями показателей (объем и время) составления специального файла.

Количество файлов, которые могут быть сформированы для данного номинанта, «глубина» и степень детализации, определяемые градациями и различиями тех отношений, которые положены в основу формирования файлов, их объем¹ и, наконец, состав слов-ассоциатов, используемых для образования файлов, в значительной мере определяются индивидуальными особенностями носителя языка. Однако, несмотря на значительную роль субъективных факторов в процессах функционирования ТЛ вообще и в процессах формирования файлов, в частности, можно указать на некоторые общие свойства файлов, являющиеся по-видимому результатом особенностей мыслительной деятельности, по крайней мере в той ее части, которая связана с формированием и функционированием файлов в процессе РМД.

Прежде всего укажем на одно свойство файлов ТЛ, обусловленное наличием так называемого коллективного и индивидуального знания. Рассмотрим вкратце эту проблему, следуя В.А. Лекторскому (1980). Знание коммуникантов составляет важнейший компонент их РМД. Оно формируется на основе практической деятельности людей в окружающих их конкретных социальных, производственных, географических и других условиях. Конечно, личный опыт каждого индивида уникален и отличается от опыта других индивидов; так же своеобразно и знание каждого из них. Но в этом субъективном знании репрезентирован один и тот же внешний мир объектов и отношений между ними. «Я могу знать об этом мире больше или меньше, чем другой субъект, но сами типы объектов остаются для нас одними и теми же. Те предметы, которые входят в опыт другого субъекта, могут быть включены и в мой опыт.

¹ Объем файла может оцениваться числом ассоциатов в нем.

Иными словами наши разные опыты принципиально соизмеримы: общая система объектов обеспечивает между ними непрерывную связь» (там же, с. 207).

Наличие общей системы объектов и отношений между ними для всех членов некоторого социума зафиксировано в их коллективном знании. Вместе с тем, каждый индивид имеет свой собственный жизненный опыт, особенности личности и биографии. И это обуславливает его индивидуальное знание. «Индивидуальные особенности моего восприятия, мои субъективные ассоциации относятся к знанию важному лично для меня и доступному только мне. Они не входят в систему знания, являющегося достоянием всех индивидов и включенного в структуру коллективного субъекта» (там же, с. 282). Таким образом, индивидуальное и коллективное знание находятся в тесной взаимосвязи, предполагая и дополняя друг друга. «Различие смысловых оттенков, характеризующее опыт разных субъектов, само возможно лишь на фоне существенно общих смысловых структур, лежащих в основе реальной предметно-практической и языковой коммуникаций» (там же, с. 234).

В ТЛ две рассмотренные разновидности знания приводят к наличию ядра в так называемых эквивалентных файлах. Два или несколько файлов называются эквивалентными, если они заданы одним и тем же отношением и тем же номинантом, но эксплицированы разными, двумя или более носителями языка. Ассоциаты эквивалентных файлов можно разделить на две группы: 1) устойчивые ассоциаты, встречающиеся во всех эквивалентных файлах или по крайней мере в большинстве из них (например, более, чем в 50%), 2) неустойчивые ассоциаты, к которым можно отнести все остальные. Сопокупность устойчивых ассоциатов и образует ядро данного (то есть иницированного данным номинантом и отношением) файла. Можно предположить, что чем выше частотность номинанта и чем более простым является отношение, определяющее файл, тем больше объем ядра¹. Существование ядра файла есть следствие единой основы формирования файлов у всех носителей языка — знания реальной действительности и языка.

Наличие ядер в эквивалентных файлах подтверждается экспериментальными данными (Залевская, 1978, с. 73).

Укажем на еще одно общее свойство файлов — флюктуацию файлов. Сущность этого явления иллюстрируется простым экспе-

¹ Объем ядра файла, как и объем файла измеряется количеством в нем ассоциатов.

риментом. Поставим перед информантами задачу зафиксировать (в письменной или устной форме — в магнитной записи) ассоциаты некоторого файла, например, инициируемого номинантом *комната*. Если повторить это же задание для тех же информантов через некоторое время, то можно будет обнаружить, что повторная реализация файлов не совпадает с первоначальной. Это может быть как несовпадение в порядке расположения ассоциатов в списке файла, так и в количестве ассоциатов в обеих реализациях, а также и содержательное несовпадение, то есть наличие/отсутствие в одной реализации ассоциатов, имеющих в другой. Таким образом, повторные реализации одним и тем же информантом одного и того же файла могут не совпадать. В этом и заключается явление флюктуации файлов.

Еще одно общее свойство, связанное с процессом формирования и функционирования файлов, состоит в способности порождать своеобразную «цепную реакцию», образуя цепочку зацепленных друг с другом файлов. Сущность процесса состоит в том, что один из ассоциатов сформированного файла выступает в роли номинанта, порождающего следующий файл и т.д. Таким образом могут быть получены двух- трех- и более файловые цепи. Например: /сорока (вид-род): птица/; /птица (общий признак — летать): насекомые, самолеты, дирижабли/, /насекомые (род-вид): жук, бабочка, стрекоза/; /жук (общий признак — вредитель в сельском хозяйстве): полевка/. Представленная цепочка файлов иллюстрирует возможность установления связи между номинантом *сорока* и ассоциатом *полевка*.

Способность к формированию файлов является одним из основных свойств индивида как носителя языка. Насколько известно, лингвистика на современном этапе не располагает даже приближенной оценкой возможного количества наиболее простых бинарных отношений, используемых для формирования файлов естественного языка. Однако приведенных выше приближенных сведений о процессах функционирования ТЛ уже достаточно, чтобы сделать хотя бы на интуитивном уровне некоторые суждения об индивидуальном коммуникативном «портрете» носителя языка. Для иллюстрации этого положения обратим внимание, что специфику ТЛ можно характеризовать двумя параметрами:

K_N — количество номинантов, используемых для порождения файлов, характеризует такое свойство как богатство словаря.

K_F — средний объем файла, характеризующий глубину знаний.

Будем считать, что параметр K_N характеризует «структуру» ТЛ

«по горизонтали», а параметр K_F — «по вертикали». В этих координатах интересующие нас типы речемыслительной индивидуальности будут выглядеть следующим образом:

K_N — мало K_F мало

Индивид с «бедным» СЛ — малое количество номинантов — и с ограниченным знанием — малое число ассоциатов в файлах.

K_N — мало K_F — велико

Узкий специалист с «бедным» языком, но с глубокими знаниями в специальной области.

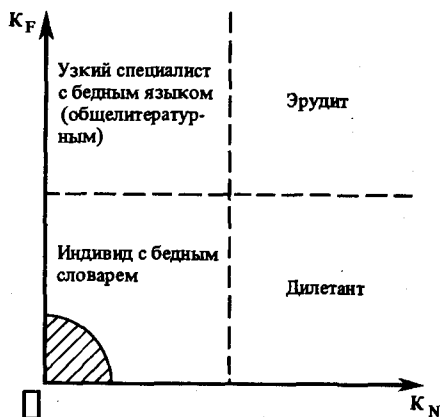
K_N — велико K_F — мало

Дилетант с широким кругом знаний, но ограниченной глубины (поверхностные знания)

K_N — велико K_F — велико

Эрудит — личность, обладающая глубокими знаниями во многих областях.

Эти результаты можно представить в графической форме. Для этого используем прямоугольную систему координат (рис. 5). На горизонтальной оси (оси абсцисс) отложим в некотором условном масштабе параметр K_N . На вертикальной оси (оси ординат) — параметр K_F . Полученный таким образом квадрант разделим двумя взаимно-перпендикулярными прямыми на четыре части.

Тогда значения параметров K_N , K_F в каждой из четвертей определяют тот или иной «тип» носителя языка. Заштрихованная об-

ласть в окрестности начала координат не рассматривается, так как значения K_N и K_F равные (близкие) нулю соответствуют отсутствию какой бы то ни было речевой способности.

В заключение можно указать следующие основные свойства ТЛ:

— ТЛ представляет собой структуру на множестве слов СЛ, организирующую словарный запас носителя языка.

— В практике речевой деятельности не возникает необходимости обращения к ТЛ в целом. На каждом этапе процесса речевой деятельности носитель языка оперирует с фрагментом ТЛ — файлом.

— Ассоциаты — слова, образующие файл — иницируются актуализируемым (порождаемым/воспринимаемым) словом текста — номинантом.

— Один и тот же номинант может иницировать два и более файлов, отличающихся видом отношения лежащего в их основе.

— Файлы, иницируемые носителем языка для данного номинанта, при повторной его актуализации могут не совпадать как по числу ассоциатов, так и по их составу (флюктуация файлов).

— Файлы, иницируемые разными носителями языка для данного номинанта, различны — у разных людей разный ТЛ. Вместе с тем, вследствие единой основы формирования файлов — знание реальной действительности и знание языка, — файлы носителей языка имеют общую часть — ядро файла.

— Специфика ТЛ может быть определена двумя параметрами: количеством номинантов, характеризующим богатство словаря личности, и средним объемом файла, характеризующим глубину знания.

— Количественная оценка этих параметров позволяет определить некоторые типы речемышлительной индивидуальности.

§ 5. Порождение текста как процесс

Предпосылки и общая схема порождения текста

Порождение текста является одной из составляющих двуединого процесса порождения/восприятия текста, лежащего в основе вербальной коммуникации. Наиболее общую схему процесса порождения текста предложил А.А. Леонтьев (1956, с. 133, 153). Анализ и обобщение существующих психолингвистических схем речепорождения с учетом «принципиальной структуры любого интеллектуального акта» позволили определить «принципиальную структуру» любой модели порождения текста, которая должна

включать следующие основные фазы: (1) мотивация и замысел (программа, план), (2) осуществление (реализация плана), (3) сопоставление реализации с замыслом.

Первая фаза этой структуры — фаза мотивации — определяет «изначальный» мотивационно-побуждающий уровень процесса порождения текста. С другой стороны, именно эта фаза связывает процесс порождения текста (во всяком случае его начало) как единицы коммуникативной деятельности с другими видами деятельности — предметно-практической и познавательной. В советской психологии в качестве основных компонентов структуры деятельности выделяются: действия, задачи и операции. Единицей деятельности является действие, направленное на достижение некоторой конкретной осознаваемой цели. Мотивация трактуется как побуждение, вызывающее целенаправленную активность организма и определяющее ее направленность, а мотив — как побуждение к действию, связанному с удовлетворением той или иной потребности субъекта. Таким образом, формирование мотива к действию можно рассматривать как реакцию субъекта на возникновение той или иной потребности.

Специфика текстопорождающего действия как одного из видов коммуникативной деятельности, в отличие от предметно-практической и познавательной деятельности, заключается прежде всего в том, что это действие (и, соответственно, его результат — текст) в подавляющем большинстве случаев не является самоцелью. В коммуникативном акте действия коммуникантов, как правило, направлены на достижение целей, лежащих в русле других, не коммуникативных видов деятельности (то есть предметно-практической или познавательной). «...С одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по разному использоваться в разных видах деятельности», — пишет А.А. Леонтьев (там же, с. 27).

Цель каждого конкретного коммуникативного акта, обычно, является одной из промежуточных целей в системе целеполаганий некоторого более общего действия, относящегося к предметно-практической или познавательной деятельности. Поэтому мотив текстопорождающего действия, то есть тот начальный импульс, который «запускает» весь самый сложный аппарат РМД коммуникантов (и соответственно процесс порождения/восприятия текста) есть, фактор не только экстралингвистический, но и экстракоммуникативный. Таким образом, мотивация коммуникативной деятельности — это категория, рассматриваемая в рамках предметно-практи-

ческой или познавательной деятельности. Правда есть случаи, когда текстопорождающая деятельность мотивируется психическим состоянием личности (разговор с самим собой вслух, дневник-исповедь), а в некоторых психопатологических случаях происходит без учета ситуации. Тексты, порождаемые в таких случаях, нельзя считать компонентами коммуникативного акта и в дальнейшем они рассматриваться не будут.

Из всего этого следует, что проблему мотивации текстопорождающего действия следует рассматривать с позиций комплексного анализа предметно-практической, познавательной и коммуникативной деятельности индивида. Целевая установка конкретного действия формируется в сознании индивида в соответствии с его РС-моделью и связана с образом предвидимой и прогнозируемой цели. Как правило, всякое целенаправленное действие сопровождается предварительным/параллельным мысленным¹ прогнозированием («проигрывается в уме»), в процессе которого предстоящее действие разлагается на ряд задач, решение которых, в соответствии с конкретной предметной или коммуникативной ситуацией, обеспечивает достижение некоторой промежуточной частной цели.

Часто по ходу действия возникает необходимость привлечь к процессу действия одного или нескольких (иногда многих) партнеров. В этом случае целью соответствующей частной задачи становится целенаправленное воздействие на потенциальных партнеров с помощью коммуникативного акта, а решение задачи осознается как побуждение к коммуникативной деятельности — порождению текста. Это побуждение формируется в сознании индивида в виде соответствующего концепта — коммуникативного вектора — КВ². Здесь еще раз проявляется специфика коммуникативной деятельности, которая в отличие от предметно-практической и познавательной деятельности заключается прежде всего в том, что она, и, соответственно, ее результат — текст, в подавляющем большинстве случаев не является самоцелью³.

¹ В некоторых, особо сложных видах деятельности результаты прогнозирования выражаются с помощью внешних (не мыслительных) средств: планов, графиков и т.д.

² КВ является одной из составляющих более общей системы векторов вида «мотив-цель», которая может быть использована при анализе целенаправленной деятельности индивида в целом.

³ Здесь не рассматривается такая специфическая разновидность деятельности как «общение ради общения», направленная на установление и развитие межличностного контакта, коммуникативной и эмоциональной близости.

Вопросы программированного воздействия на слушающего изучаются риторикой, основы которой были заложены еще в античности. Одной из основных проблем современной риторики, подлежащей решению в целях оптимизации речевой коммуникации, является проблема экономии времени на речевую коммуникацию и действенности содержания различных речевых актов. Современная риторика ставит своей задачей формирование речевого искусства личности с этих позиций (Рождественский, с. 7-8).

Как всякий процесс, порождение текста протекает во времени. Продуцирование текста во внешней речи может быть отделено от формирования КВ промежутком времени (запаздывание) иногда весьма значительным — до нескольких лет. Запаздывания может и не быть, тогда фазы процесса порождения текста следуют одна за другой. Во многих случаях нельзя указать четкое окончание одной фазы и столь же четкое начало другой. Граница между фазами размыта во времени и в каждый данный момент можно говорить лишь о доминирующей роли, доминанте той или иной фазы.

Коммуникативный вектор и речемыслительная деятельность

«Источниками» формирования КВ, обусловливающего РМД, является сознание индивида (в котором происходит программирование целенаправленной деятельности), в том числе КС, определяющая его знание о мире, и рС-модель индивида, определяющая его самосознание, то есть представление о себе и о своем месте в мире в рамках программируемой им деятельности. Коммуникативная установка потенциального автора не сводится к абстрагированному порождению текста «вообще», она сопровождается конкретной целью и, в связи с этим, намерением, что и кому сказать. В большинстве случаев автор имеет в виду конкретного реципиента (индивидуального, группового или коллективного) и ставит перед собой задачу генерировать с помощью текста в КС реципиента ту или иную конкретную С- или рС-модель (совокупность моделей). Таким образом, мотивация коммуникативной деятельности, как правило, включает в более или менее осознанной форме информацию в виде замысла (плана) текста, то есть представление о том, что именно следует изложить в будущем тексте, и кому этот текст предназначается.

Замысел можно определить как самый общий нерасчлененный смысл, общую концепцию (Дридзе, 1984, с. 71) будущего текста, задаваемый автором в его индивидуальном внутреннем коде (Зимняя, с. 93).

Компонентами КВ (определяющими его параметризацию и адресацию) являются: 1) цель и в связи с этим общий замысел будущего текста; в некоторых случаях так называемой «продвинутой» мотивации выраженный в виде 2) подмножества так называемых виртуальных С-, рС-моделей (вС-моделей), среди которых может находиться С-, рС-модель, подлежащая в дальнейшем вербализации. Совокупность вС-моделей, как правило, бывает нечетким множеством, хотя в некоторых, наиболее простых случаях, оно может быть достаточно детерминированным, 3) прогнозируемый облик будущего реципиента, в том числе его предполагаемый «коммуникативный портрет» (квази-портрет), включающий представления автора о личности реципиента, его КС и ТЛ, 4) прогнозируемая рС-модель будущего общения (прС-модель), в рамках которой автор рефлексировывает ситуацию будущего общения и свое, а также реципиента, место в этой ситуации. Другими словами, прС-модель определяет более или менее конкретную экстралингвистическую ситуацию предстоящего коммуникативного акта. Необходимо отметить, что прС-модель на этой ранней стадии процесса порождения текста может формироваться в весьма обобщенной форме. В этом случае прС-модель не содержит компонентов, определяющих конкретную обстановку «текстового» общения с будущим реципиентом, а выражает лишь общую «идею» ситуации, содержит ее необходимые условия (конфиденциальный разговор, публичное выступление, создание письменного текста для дальнейшей публикации и т.д.), то есть является по-существу фреймом. Первый и второй компоненты определяют параметризацию КВ, а третий и четвертый — его адресацию.

Рассмотрим более подробно компоненты КВ. Множество действий и связанных с ними целеполаганий, то есть праксиологический аспект коммуникативной деятельности, может быть классифицирован по трем основным направлениям, которые можно назвать информационным, побудительным и аффективным, в зависимости от той частной цели, которую автор ставит перед коммуникативным актом. Информационная цель инициирует текст, основная задача которого состоит в передаче реципиенту некоторой информации, то есть сообщение ему нового знания (обыденного, научного). Побудительная цель инициирует текст, задача которого состоит в конечном счете в непосредственном или опосредованном побуждении реципиента к некоторым целенаправленным действиям в русле предметно-практической, познавательной или коммуникативной деятельности. Аффективная цель инициирует текст,

116

задачей которого является воздействие на эмоциональную сферу психики реципиента с целью изменить или, наоборот, стабилизировать его эмоциональное состояние¹.

Целенаправленность одного и того же содержательного текста может быть различна. Сообщение о пожаре, адресованное возможному потерпевшему, продиктовано побудительной целью. Тот же текст, адресованный лицам, непричастным к пожару — информативной. Таким образом, мотивация коммуникативной деятельности уже на самой ранней стадии своего формирования связана с достижением некоторой конкретной цели, которая по существу неотделима от самого мотива и инициирует предстоящий коммуникативный акт. Эта же цель (система целей) определяет общий замысел текста и, соответственно, совокупность ВС-моделей, формируемых в процессе порождения текста.

Процесс формирования ВС-моделей протекает одновременно с этапом мотивации или с небольшим отставанием от него. Его сущность в рамках рассматриваемой модели сводится к тому, что из ДВП извлекаются и эксплицируются в оперативной памяти ряд С-, рС-моделей. Из этих моделей извлекаются те, которые подлежат (могут подлежать) передаче реципиенту в процессе предстоящего коммуникативного акта. Отобранная таким образом совокупность С-моделей и образует подмножество ВС-моделей. Формирование КВ может быть отделено от момента начала собственно РМД длительным (до нескольких лет, а иногда и десятилетий) интервалом времени.

Развитие дальнейших мыслительных операций с подмножеством ВС-моделей зависит от временных форм процесса порождения текста. При запаздывании, в процессе порождения данного текста наступает перерыв, обычно заполненный другими видами деятельности, в том числе и коммуникативной, но связанной с порождением других текстов. При отсутствии же запаздывания, процесс порождения текста переходит во вторую фазу — фазу реализации замысла.

Вопрос о переходе ко второй фазе процесса порождения текста — реализации текста в виде внешней речи — решается потенциальным автором на основе сопоставления двух рС-моделей, прС-модели будущего коммуникативного акта, составляющей один из ком-

¹ Сюда же относятся те случаи, когда цель автора состоит в получении определенного эмоционального результата общения («общение ради общения»).

понентов КВ, и текущей рС-модели, в которой автор рефлексировал в каждый момент времени свое состояние и положение во внешнем мире. Если автор в результате сопоставления этих моделей определит их совпадение или достаточную близость, в его сознании формируется речевая интенция — импульс к реализации текста во внешней речи, определяющий переход ко второй фазе процесса порождения текста — РМД. В противном случае речевая интенция не формируется, и переход ко второй фазе откладывается, то есть происходит запаздывание. В течение времени запаздывания автор может модифицировать или изменять первоначальную прС-модель вплоть до образования совершенно новой. В этом случае момент формирования речевой интенции определяется уже новой прС-моделью. В еще более «продвинутых» случаях изменение прС-модели может привести к «снятию» мотива данного коммуникативного акта вообще или к коренному изменению компонентов КВ (замысла, реципиента и т.д.).

Однако в любом случае необходимым условием формирования речевой интенции является совпадение или по крайней мере достаточная близость прС-модели (первоначальной или измененной) и текущей рС-модели потенциального автора. Тождество обеих рС-моделей на практике очень редко имеет место (практически никогда), так как вероятность такого события весьма мала. При отсутствии запаздывания в сознании автора формируется речевая интенция, определяющая начало непосредственно РМДа. С этого момента мышление автора в значительной (если не в полной) мере направлено на порождение текста во внешней речи.

Содержание второй фазы процесса порождения текста — реализации замысла — состоит в РМДа, приводящей на своем заключительном этапе — речи (точнее, внешней речи), к созданию отчужденного от автора текста. «Речевая интенция» определяется как направленность мышления автора на ментальный процесс, ориентированный в общем направлении «от мысли к тексту». Формирование речевой интенции является непосредственным началом РМДа. При этом в ОП автора эксплицируются компоненты КВ (находящиеся до этого в ДВП): (1) общий замысел будущего текста, обусловленный и взаимосвязанный с целью предстоящего коммуникативного акта; (2) подмножество вС-моделей, которые (или некоторые из них) подлежат в дальнейшем вербализации, (3) более или менее подробный коммуникативный портрет будущего реципиента, 4) прС-модель коммуникативного акта, о роли которой уже говорилось. Если на предыдущем этапе коммуникативного акта

(мотивации и замысла) прС-модель была сформирована в виде фрейма, то к моменту формирования речевой интенции этот фрейм уже доопределен в сознании автора на основе его текущей рС-модели, его терминалы заполнены конкретными означиваниями и, таким образом, на этом этапе в сознании автора присутствует законченная прС-модель.

Основными компонентами РМДа или, другими словами, задачами, решаемыми на этом этапе, являются: (1) подробный реципиентный анализ, (2) корректировка и уточнение подмножества вС-моделей, (3) предварительный выбор стиля и жанра, (4) редукция подмножества вС-моделей к конкретной С-модели, подлежащей вербализации, (5) линейаризация вербализуемой С-модели и построение соответствующего кортежа, (6) мыслительно-языковая деятельность, включающая выбор лексических средств, грамматических конструкций и других средств языка, и (7) фонацию устного или моторику письменного текста.

Из всех факторов, влияющих на процесс порождения текста, два являются основными, определяющими все другие характеристики этого процесса. К ним относятся: (1) цель коммуникативного акта, репрезентируемая в замысле текста и реализуемая в течение всего процесса порождения текста (вплоть до его отчуждения от автора) и (2) коммуникативный портрет реципиента, создаваемый автором текста на основе всей имеющейся у него информации, начиная с априорной и кончая самой «последней», получаемой автором в процессе коммуникативного контакта с реципиентом.

Коммуникативный портрет реципиента

В наиболее общей постановке коммуникативный портрет реципиента представляет собой упорядоченную и взаимосвязанную совокупность необходимых автору сведений о тех сторонах личности реципиента, которые обуславливают его свойства как приемника текста.

В рамках коммуникативной деятельности текстопорождающее действие автора всегда стимулируется и направляется четко выраженной установкой на возможно более полное доведение до реципиента авторского замысла, установкой на то, чтобы реципиент его (автора) понял. Внешняя речь должна быть ориентирована на слушателя, «говорящий должен считаться с уровнем знаний слушателя, учитывать, что ему известно и что неизвестно, и в зависимости от этого строить свою речь (Кацнельсон, 1984, с.7). Естественным следствием такой установки является намерение автора использо-

вать такие содержание и структуру прогнозируемого текста, а также такие средства языка для их выражения, которые в своей совокупности были бы доступны¹ пониманию реципиента, которому адресован текст.

Перечислим основные «слагаемые» личности реципиента, определяющие его коммуникативный портрет: КС, в том числе наличие достаточного объема специальных знаний (то есть совокупность С-моделей) в той области, в рамках которой будет протекать предстоящий коммуникативный акт. Объем активного ТЛ² реципиента, лабильность его мыслительного аппарата и, наконец, совокупность текущих рС-моделей реципиента на протяжении коммуникативного акта.

КС реципиента определяет объем и содержание знаний, которыми он располагает о действительном или возможном мире. КС реципиента (точно так же как и автора) образует базис, с которым он будет в явной или неявной форме соотносить ту новую информацию, которая будет получена им из текста. При отсутствии достаточного «пересечения» новая информация будет отторгнута³. С другой стороны, если вся информация, которую несет текст, уже содержится в КС реципиента, то такой текст для него «не интересен», то есть не стимулирует, а наоборот угнетает РМД реципиента по восприятию текста. Другими словами, это ведет к «потере интереса», к снижению мыслительной активности в процессе РМДр (то есть утрате РМДр своего доминирующего значения) и, в конце концов, приводит к переключению личности реципиента на другие действия.

Наличие/отсутствие у реципиента специальных знаний (то есть совокупности соответствующих С-моделей) в области предстоящего коммуникативного акта учитывается автором по двум основ-

¹ Так автор в явной или неявной форме предполагает, что реципиент является носителем языка, на котором автор собирается излагать текст. В противном случае автор прибегнет не к вербальному тексту, а будет использовать какие-либо другие знаки, понятные, по его мнению, реципиенту.

² Так определяется та часть ТЛ, которую реципиент сумеет использовать в процессе данного коммуникативного акта. Объем активного ТЛ в большой мере определяется ситуацией общения.

³ Например, излагать текст об устройстве паровоза реципиенту, в КС которого отсутствует идея о возможности движения без участия «живой» силы, бесполезно. Такой текст будет его сознанием «отторгнут» с момента начала его восприятия.

ным направлениям. В том случае, если С-модель, используемая автором в тексте, известна (по мнению автора!) реципиенту, то она может быть в тексте только обозначена (названа); в противном случае в тексте будет приведено более или менее подробное описание С-модели, такое, чтобы реципиент мог построить эту С-модель в процессе восприятия текста.

Совокупное представление автора о КС реципиента и его знаниях в области предстоящего коммуникативного акта, с одной стороны, и о сложности/простоте С-моделей, подлежащих объективации в тексте, с другой, определяют структуру текста и номенклатуру внутритекстовых связей. Структура текста должна быть в «обратной» зависимости от сложности (для реципиента) объективируемой в тексте С-модели: чем сложнее и «непонятнее» С-модель, тем более простой и «прямолинейной» должна быть структура текста. Предельный случай — научные тексты по математике, которые имеют наиболее простую структуру для описания очень сложных С-моделей.

ТЛ реципиента в представлении автора определяет состав используемой им лексики (терминов, иностранных слов и т.п.) Словарный состав, используемый для передачи содержания текста и организации внутритекстовых связей, должен соответствовать СЛ и ТЛ реципиента. Иначе говоря, в тексте не должно быть слишком много «непонятных»¹ тезаурусных и, тем более, транзитивных связей. Наконец, текст должен соответствовать рС-модели будущего общения, которую автор сначала прогнозирует (прС-модель), а потом корректирует в процессе коммуникативного акта. Так, если реципиент по каким-либо причинам не располагает временем для восприятия данного текста, последний либо вообще не будет выслушан (прочтен) до конца, либо, если реципиент все-таки это делает, текст все равно будет воспринят «плохо». Таким образом, в идеальном случае коммуникативный портрет представляет собой упорядоченную и взаимосвязанную совокупность сведений о реципиенте, необходимых автору для продуцирования текста «понятно» реципиенту.

Коммуникативный портрет потенциального реципиента включает ряд компонентов, каждый из которых имеет сложную параметрическую структуру и может стать предметом специальных те-

¹ Предельным случаем будет текст на неизвестном реципиенту языке, когда «все непонятно».

оретических и экспериментальных исследований¹ С другой стороны, ясно, что, в повседневной практике вербального общения никаких специальных исследований, связанных с реципиентом, при подготовке или в процессе РМДа не производится². Автор, как правило, не располагает нужным объемом объективной информации о реципиенте для построения его коммуникативного портрета. В силу этого он вынужден довольствоваться формированием коммуникативного квази-портрета потенциального реципиента на основе своих субъективных представлений о нем. Таким образом, в повседневном общении наиболее часто используется коммуникативный квази-портрет (в дальнейшем просто квази-портрет).

Квази-портрет — это субъективное представление автора, полученное на основе всей имеющейся у него информации о тех сторонах личности потенциального реципиента, которые характеризуют свойства последнего как «приемника текста». Наиболее просто вопрос о квази-портрете решается в том случае, если автор имел в прошлом длительные и разносторонние контакты с потенциальным реципиентом. Информации, полученной в процессе таких контактов, обычно бывает достаточно для построения С-модели личности реципиента, которая, как правило, включает большой массив сведений, входящих в квази-портрет реципиента. Аналогичным является опосредованный контакт с реципиентом, однако достоверность информации в этом случае снижается. При увеличении числа посредников в цепи контактов достоверность информации быстро падает.

Источником сведений при составлении квази-портрета могут быть также априорные, обычно фрагментарные, слабо систематизированные (не систематизированные) экстралингвистические данные о реципиенте, которыми автор почти всегда в той или иной мере располагает. К ним относятся сведения о личности реципиента, его принадлежности к той или иной социальной группе, о роде профессиональных занятий и т.д. Источником информации может быть также предварительное знание автором каких-либо устных или письменных высказываний реципиента. Важную роль в подобных случаях играет также внешний облик (выражение лица, ми-

¹ См.: *Богин Г.И.*, 1985.

² Хотя в некоторых случаях возможно, что автор, прежде чем приступить к порождению «основного» текста, задает предварительно реципиенту некоторые вопросы или проводит короткую беседу, имеющую «исследовательский» характер.

мика, характер паравербального поведения) и другие факторы, характеризующие реципиента в представлении автора. И, наконец, в ходе самого коммуникативного акта автор постоянно корректирует и дополняет квази-портрет потенциального реципиента, которым он руководствуется.

Наиболее сложно выявить коммуникативный портрет группового и, в особенности, коллективного реципиента. До последнего времени при составлении коммуникативного портрета таких реципиентов потенциальные авторы руководствовались, как правило, своими субъективными оценками, строящимися примерно на тех же факторах, что и в случае индивидуального реципиента, то есть квази-портретом. Исторически первыми попытками получения предварительных сведений о групповом или коллективном коммуникативном портрете являются опросы общественного мнения. В настоящее время этой проблеме посвящаются специальные исследования. В нашей стране специальные социологические исследования такого рода проводились в связи с проблемами массовой информации. Таким образом, квази-портрет реципиента представляет собой многокомпонентную сложную С-модель в КС автора. Во многих случаях построение такой С-модели производится методом итерации и занимает длительное время. Начальные стадии этого процесса могут совпадать по времени с началом формирования коммуникативного вектора в сознании автора, а его окончание — с завершением коммуникативного акта. Если процесс порождения текста характеризуется более или менее значительным запаздыванием, то формирование квази-портрета будет, как правило, процессом дискретным, перемежающимся с другими коммуникативными или некоммуникативными действиями автора.

Речевая деятельность автора и порождение текста

Вместе с формированием квази-портрета реципиента и на этой основе происходит уточнение содержания и формы (тип, стиль) порождаемого текста. Как уже отмечалось, «предмет говорения» формируется в сознании автора в виде нечеткого множества вС-моделей, одна из которых и подлечит в дальнейшем вербализации. Выбор из подмножества вС-моделей С-модели (совокупности С-моделей), подлежащих дальнейшей вербализации, назовем редукцией. В результате процесса редукции однозначно определяется «предмет говорения».

Задача преобразования многомерной С-модели в линейный текст решается в два этапа:

— мыслительная линейаризация С-модели — построение кортежа. В свою очередь фрагменты кортежа тоже могут линейаризоваться. При этом происходит их членение на субкортежи, приближающиеся по своей длине к возможности вербализации в пределах предложения. Таким образом, в процессе речемыслительной деятельности происходит многоступенчатая линейаризация вербализуемой С-модели. Признак окончания операции — получение субкортежа, каждый или хотя бы один фрагмент которого может быть вербализован в рамках одного предложения;

— языковая линейаризация, то есть формирование во внешней речи линейной структуры предложения путем использования слов в определенной синтаксической конструкции (Кубрякова, 1986, с. 106).

Таким образом, внутренняя программа текста формируется в процессе построения иерархии субкортежей и определяется содержательной стороной вербализуемой С-модели, рС-моделью процесса общения и коммуникативным портретом реципиента. Внутренняя программа текста непрерывно корректируется автором на основе обратных связей.

Для вербализации фрагмент субкортежа должен удовлетворять трем условиям:

- возможности объективации в пределах одного предложения;
- соответствию той или иной пропозиции (Кацнельсон, 1984, с. 6);
- детерминированности элементов вплоть до возможности их номинации.

Отметим, что слова могут присутствовать с самого начала РМД как элементы С-модели и эти вербальные составляющие могут сохраняться на всех этапах, вплоть до вербализации фрагмента субкортежа, однако на каком-то этапе они могут исчезать, а также заменяться другими. Количество слов, сопоставляемых фрагменту субкортежа, определяет возможность/невозможность его объективации в рамках одного предложения. Малое число слов определяется более точно, большое — приближенно. Сопоставление значений слов вербализуемому фрагменту субкортежа происходит на всех этапах построения иерархии субкортежей, управляя этим процессом. «Значение опосредствует мысль на пути к словесному выражению» (Тихомиров, 1984, с. 182). Использование слов в рамках той или иной синтаксической конструкции позволяет вербализовать фрагмент субкортежа во внешней речи.

Задачи, решаемые на втором этапе, состоят в следующем: вы-

бор, с учетом вербализуемых фрагментов кортежа и коммуникативного портрета реципиента, конкретных лексических средств, подбор синтаксических конструкций, формирование внутритекстовых связей, порождение предложений текста во внешней речи. Многократное повторение этого цикла, начиная с этапа линеаризации (то есть кортежа), обеспечивает порождение текста в целом.

В процессе РДа реализуются одновременно (или с небольшим сдвигом во времени) две программы, в совокупности обеспечивающие порождение корректного текста. Одна из них — «прямая» — осуществляет поиск и выбор той или иной лексической единицы или грамматической формы из ЛХ ДВП. Отобранные единицы фиксируются в ОП и включаются, наряду с найденными и отобранными ранее, в процесс формирования внешней речи, в соответствующее место линейно развертывающейся цепи речевых единиц, образующих текст.

Место каждой единицы фиксируется в ОП автора¹ и с помощью второй — «обратной» программы проводится проверка правильности продуцированного фрагмента текста, выбора той или иной грамматической формы или лексической единицы. Такое взаимодействие прямой и обратной программ обеспечивает порождение корректного текста. Таким образом, в механизме порождения текста помимо прямой цепи взаимосвязанных между собой процессов, ведущих «от мысли к тексту», параллельно функционирует цепь обратных процессов («от текста к мысли») так называемый контур (или цепь) обратной связи. Первичное звено этого контура в сознании автора непрерывно соотносит уже порожденную часть текста с целью коммуникативного акта, оценивая соответствие/несоответствие порожденной части текста этой цели, формируя, таким образом, своеобразную функцию «рассогласования» для данного коммуникативного акта и имея в виду интегральную минимизацию этой функции. Исходя из этого непрерывно корректируется программа текстопорождения вплоть до остановки этого процесса, если становится ясным, что коммуникативная цель достигнута быть не может.

§ 6. Восприятие и понимание текста

Общая схема восприятия текста и коммуникативный вектор реципиента

¹ Автор в процессе порождения текста как бы слушает себя или читает написанное, выступая таким образом в роли реципиента.

Восприятие текста — процесс обратный процессу порождения. Если порождение характеризуется общей направленностью «от мысли к тексту», то процесс восприятия имеет обратную направленность «от текста к мысли». Со структурной точки зрения задача носителя языка при восприятии состоит в «свертывании» линейной структуры текста в структуру С-модели.

Как и при порождении, частные процессы, в своей совокупности обеспечивающие восприятие, включая понимание (а затем и творческую переработку) реципиентом текста, могут быть объединены в РМД, внутри которой, в достаточной мере условно, может быть выделена РД. Однако, учитывая, что при восприятии текста конкретное содержание обоих видов деятельности, их взаимодействие и порядок следования в общей цепи перцептивно-ментальных актов, отличается от соответствующих процессов при порождении текста, в дальнейшем, при анализе процесса восприятия будем говорить о РДр и РМДр соответственно.

Следует отметить, что термин «восприятие текста» трактуется широко, включая не только перцептивные действия, понимание и всю дальнейшую мыслительную переработку информации, подчерпнутой из текста, но и предшествующие им этапы. Такое толкование термина «восприятие» имеет давнюю традицию в отечественной науке. С.Л. Рубинштейн пишет: «Сам термин «восприятие» имеет двоякое значение. Он обозначает, с одной стороны, образ предмета, который возникает в результате процесса восприятия, но он обозначает также и сам этот процесс восприятия... Для того, чтобы правильно понять восприятие, надо обе эти стороны — акт и содержание восприятия — брать в их единстве» (1940, с. 198). О едином процессе взаимодействия собственно восприятия и понимания пишет И.А. Зимняя (с. 6).

Можно выделить следующие основные фазы процесса восприятия:

Первая фаза — фаза «мотивации», как и при порождении, определяет «изначальный» мотивационно-побуждающий уровень процесса восприятия. **Вторая фаза** — интенция и РДр — охватывает в основном процессы непосредственного взаимодействия реципиента с текстом (т.е. аудиовизуальное восприятие сенсорными рецепторами), а также «ближайшие» ментальные процессы по обработке полученной информации — С-модель I уровня (формирование содержательно-фактуальной информации (СФИ) по И.Р. Гальперину).

И, наконец, третья фаза связана с глубинными процессами понимания текста, которые могут привести к изменению (развитию) как тезауруса, так и концептуальной системы личности реципиента. Вторая и третья фаза в их взаимодействии характеризуют РМДр.

Побудительный мотив к восприятию текста реципиентом формируется как решение одной из частных задач того или иного некоммуникативного действия. Этот мотив обычно включает более или менее осознанное представление о той отрасли знания, к которой должен принадлежать предполагаемый текст, и эксплицируется в сознании реципиента как необходимость получения некоторой информации, отсутствующей у него на момент формирования мотива к восприятию текста. Иначе говоря, мотивация к восприятию текста осознается как необходимость заполнения «информационного вакуума» (удовлетворения некоторой информационной потребности) в рамках какого-либо целенаправленного действия, относящегося обычно к другому (некоммуникативному) виду деятельности (то есть познавательной или предметно-практической). Диапазон этого «информационного вакуума» может быть чрезвычайно широк, начиная от необходимости определения значения бинарной (да-нет) переменной и до познания многомерных абстрактных моделей в различных областях знания.

Возможную схематичную модель формирования мотива восприятия текста можно себе представить следующим образом. Всякая предметно-практическая или познавательная деятельность сопровождается предшествующими или одновременными ментальными операциями с С-моделями или фреймами различных степеней абстракции. При этом во многих случаях оказывается необходимым доопределить некоторые компоненты С-моделей или означить терминалы фреймов, без чего становится невозможным достижение цели актуализируемого действия. Если в ДВП личности необходимые знания отсутствуют, то возникшее противоречие осознается как потребность в получении соответствующей информации извне. Возможны два основных пути получения информации: (1) целенаправленное взаимодействие с объектами внешнего мира (экспериментальный путь), (2) обращение к результатам прошлого социального опыта. Получение новой информации экспериментальным путем сосредоточено, в основном, в специализированных ячейках социальной структуры — в научно-исследовательских и производственных организациях.

Второй путь основан на использовании результатов прошлого опыта, осмысленного и систематизированного в виде обыденного и

научного знания о мире. Это знание зафиксировано в большом числе письменных и устных текстов, содержащих информацию, позволяющую заполнить «информационный вакуум» самой различной направленности в очень широких пределах, начиная от конкретных сведений о реалиях повседневной жизни и кончая космогоническими гипотезами. Поэтому, в подавляющем большинстве случаев, получение недостающего знания связывается с обращением к некоторому тексту, что осознается как мотив к восприятию текста, содержащего с точки зрения реципиента, потенциально нужную информацию. Отсюда следует, что можно говорить о коммуникативном векторе реципиента (КВр), который так же параметризован и адресован как и коммуникативный вектор автора текста (КВа).

Компонентами коммуникативного вектора реципиента (определяющими его параметризацию и адресацию) являются:

(1) — цель прогнозируемого восприятия, то есть его информационная направленность — более или менее конкретное представление о содержательном аспекте той информации, которая необходима реципиенту (по его мнению). Информационную направленность предстоящего восприятия можно интерпретировать как фрейм (той или иной степени абстракции). Может иметь место также обратная информационная направленность, когда реципиент ставит перед собой задачу найти в подмножестве виртуальных текстов информацию о нескольких С-моделях (фреймах), на основе которой он сможет построить С-модель или фрейм более высокой степени абстракции. В некоторых случаях целевая установка будущего восприятия формируется в сознании реципиента как побуждение к удовлетворению некоторой эмоциональной потребности (почитать что-нибудь веселое, послушать стихи, прочесть детектив, чтобы отвлечься и т.д.). К числу эмоциональных побуждений к восприятию текста можно отнести и любознательность, то есть такой мотив, который можно выразить как желание «узнать что-то новое, интересное».

(2) — более или менее четко очерченное в сознании реципиента подмножество виртуальных текстов, которые могут содержать необходимую информацию и, на этой основе, отличительные признаки корпуса текстов, интересующих реципиента. Подмножество виртуальных текстов, как компонент КВр, может репрезентироваться в сознании реципиента в самых разнообразных формах, начиная от осознания потребности в конкретном тексте, вплоть до слабоосознаваемой (неосознаваемой) потребности в новой информации.

Можно указать некоторую условную шкалу, приближенно характеризующую размерность подмножества виртуальных текстов.

(3) — прогнозируемая рС-модель предстоящего акта восприятия (библиотека, лекция, чтение книги, устный текст и т.д.). Отметим, что в КВр фактически отсутствует (а если и присутствует, то сравнительно редко и в малой степени) аналог «коммуникативного портрета реципиента» — коммуникативный портрет автора. Реципиента, как правило, прежде всего интересует текст в его уже отчужденной от автора форме. Если даже в сознании реципиента и присутствует в явной форме информация об авторе (фамилия, имя отчество, (визуальный) портрет и т.д.), то она выступает как идентификатор¹ некоторого корпуса текстов, а не собственно личности автора. Исключения составляют литературоведы и историки науки, специально изучающие личность того или иного автора и обстоятельства, связанные с созданием конкретного текста (корпуса текстов)².

Интенция при восприятии

Как уже говорилось, первый компонент КВр — цель предстоящего восприятия текста или его информационно-содержательная направленность, как правило, составляют одну из промежуточных целей в системе некоторого, обычно некоммуникативного действия, принадлежащего к области предметно-практической или познавательной деятельности. Поэтому прагматический анализ при восприятии столь же затруднителен, как и в случае порождения текста. В самом общем случае мотивы восприятия текста могут быть классифицированы по двум основным направлениям, которые можно, в достаточной мере условно, интерпретировать как интеллектуальное и эмоциональное, о чем уже упоминалось ранее.

Рассмотрим схематизированную модель коммуникативного взаимодействия реципиента с текстом. Текст, как объект восприятия, можно охарактеризовать двухкомпонентным вектором текста (ВТ). Первый компонент ВТ — информационно-содержательный компонент (ИСК) характеризует содержательную сторону текста. Второй компонент ВТ — пространственно-временные координаты

¹ В качестве такого же идентификатора могут выступать и другие личности, так или иначе связанные с данным корпусом текстов/текстом, например, их владелец или тот, кто «посоветовал прочитать/послушать» и т.д.

² См., например, А.А. Нестеренко (с. 71) о проблеме «авторского начала» в художественном творчестве Л.Н. Толстого.

(ПВК) — характеризуют прогнозируемые реципиентом место и время предъявления текста реципиенту.

Объем корпуса текстов, интересующих реципиента, условно говоря, «обратно пропорционален» точности знания ИСК текста. Можно указать условную шкалу, позволяющую приближенно оценить размерность корпуса текстов (в направлении увеличения информационной энтропии): конкретный микро-субтекст известного текста. (В предельном случае — нужное число в справочнике, слово в словаре и т.д.); конкретный макро-субтекст — абзац, глава, раздел известной книги; конкретный текст (статья, книга и т.д.); конкретный корпус текстов (книги известного автора, книги по данной проблеме и т.д.); корпус текстов данной отрасли знания (например, по лингвистике); корпус текстов нескольких (обычно смежных) отраслей знания (лингвистика, психология). Необходимость обращения к корпусу текстов, содержащему все знание о мире, практически не возникает.

ПВК характеризуют экстралингвистические факторы (место и время) той обстановки, в которой реципиент может иметь контакт с текстом. В какой-то мере ПВК отражаются в прС-модели восприятия текста. Сочетания ИСК и ПВК в рамках модели взаимодействия «реципиент-текст» позволяют определить различные случаи формирования речевой интенции при восприятии:

(1) **Мотивированная** интенция — когда реципиент в фазе мотивации достаточно точно прогнозирует оба компонента ВТ и

(2) **программируемая** интенция, формируемая при взаимодействии реципиента с одним из компонентов ВТ, в соответствии с чем имеет место ПВК- или ИСК-интенция. В случае ПВК-интенции реципиенту заранее (на этапе мотивации) известно место и время предъявления ему текста. Однако, вплоть до начала процесса восприятия реципиент не имеет никакого¹ представления о содержании текста. (Пример ПВК-интенции: сообщение по радио или телевидению: «Внимание! В 20 часов будет передано важное сообщение»). При ИСК — интенции² реципиент знает содержательную направленность нужного ему текста, но не знает ПВК его предъявления (что заставляет его в некоторых случаях предприни-

¹ Точнее реципиент имеет лишь общее представление о той области знания, к которой принадлежит текст.

² Формирование этого вида интенции имеет много общего с формированием интенции при порождении текста.

мать активный поиск текста или ведет к пассивному ожиданию «встречи» с ним). В обоих случаях происходит соответствующее большее или меньшее запаздывание.

Примерами как ПВК-, так и ИСК- интенции может служить интенция, формируемая у реципиента при его взаимодействии с текстом очередного номера периодического издания. Идеализируя реальную ситуацию, можно рассматривать очередной номер газеты как формирование речевой интенции на основе ПВК: известно ориентировочное место и время получения очередного номера газеты, хотя содержание ее, как правило, неизвестно. Другими примерами формирования ПВК-интенции являются случаи прослушивания теле- и радиопрограмм (например, «последние известия») или прослушивание систематического курса лекций, посещение занятий в школе и т.д. С другой стороны, точное время поступления очередного номера журнала неизвестно, хотя известна тематически содержательная направленность издания (ИСК-интенция). Другим примером формирования интенции на основе ИСК будет случай, когда реципиент в процессе какой-либо деятельности (не обязательно коммуникативной) сталкивается с текстом по интересующему его вопросу.

(3) *Спонтанная интенция* характеризуется тем, что в этом случае предваряющая другие виды интенций фаза мотивации в каком бы то ни было виде отсутствует. Сигналом для формирования спонтанной интенции служит неожиданное предъявление реципиенту некоторого специфического аудиовизуального знака (например, обращение: «Послушайте!», надпись: «Внимание!» и т.д.) иногда невербального. В частности, таким случаем может быть неожиданное предъявление реципиенту текста для восприятия – текст рекламы в так называемых «мыльных операх» в зарубежных ТВ-программах. К текстам, воспринимаемым на основе спонтанной интенции, относятся афиши, рекламные вывески, а также тексты теле- и радиопрограмм при спонтанном (заранее не запрограммированном) включении этих устройств или случайно услышанный (увиденный) текст, не обращенный к реципиенту. В заключение отметим, что в случае программируемой ПВК-интенции и спонтанной интенции, может формироваться отрицательная интенция, приводящая к отказу реципиента воспринимать предъявленный ему текст.

Речемыслительная и речевая деятельность реципиента

Формирование в том или ином виде речевой интенции являет-

ся началом собственно РМДр. Однако в отличие от процесса порождения текста первый этап РМДр составляет РДр. РДр включает два основных подпроцесса, следующих параллельно, но с некоторым, как правило, очень малым временным сдвигом (запаздыванием) один относительно другого. О существовании двух подпроцессов в едином процессе восприятия речи пишет, например, Н.И. Жинкин: « При декодировании слова располагаются в строчку, следуют друг за другом в порядке времени. Для интеграции их в этих условиях придется каждое текущее слово как-то пристраивать к предшествующему, уже ушедшему. Это можно сделать, если остановить в памяти поток слов и приступить к интеграции. На приеме речи неизбежно возникнут вынужденные остановки, момент появления которых будет очень трудно определить говорящему. Фактически таких остановок не бывает. Вот почему признают, что в процессе приема речи происходит не просто мимолетное узнавание слов, но и обработка в особой, так называемой операционной, иконической памяти» (1982, с. 44).

Первый подпроцесс — назовем его позлементным восприятием — сводится к тому, что реципиент идентифицирует предъявляемые ему элементы текста (то есть буквы письменного или звуки устного текстов) как слова (или, проще говоря, читает/слышит). Позлементное восприятие определяется двумя факторами: качеством элементов текста и темпом их восприятия. Под качеством элементов текста понимаются такие их свойства, которые позволяют реципиенту без особых усилий однозначно их идентифицировать в процессе восприятия текста. Таким образом, текст, состоящий из «хороших» элементов — это текст, напечатанный достаточно четким шрифтом, без чрезмерного количества опечаток, или рукописный текст, написанный более или менее разборчивым почерком. В случае устного текста, текст из «хороших» элементов проговаривается (диктуется) четко артикулированными звуками. Другими словами, позлементное восприятие текста из «хороших» элементов при соответствующем темпе восприятия не вызывает у реципиента особых затруднений.

Темпazoleментного восприятия может быть измерен количеством элементов (то есть букв или звуков), содержащихся в отрезке текста, воспринятом в единицу времени. При восприятии письменного текста реципиент сам устанавливает этот темп (один читает быстрее, другой — медленнее). При восприятии устного текста этот темп, как правило, навязывается реципиенту извне (собеседником или звуковоспроизводящим устройством) и может изме-

няться не в очень больших пределах. Просьба говорить медленнее обычно выполняется собеседником в течение короткого времени, после чего он сбивается на привычный темп речи.

Второй подпроцесс процесса восприятия текста — семантическое восприятие — есть процесс установления значений слов, связей между словами в предложении, предложениями и дальнейшего построения на этой основе сначала фрагментов С-модели первого уровня, их перестроение вплоть до формирования целостной интегральной С-модели первого уровня, отвечающей данному тексту. С-модели I уровня, построенные в процессе восприятия текста, соответствуют СФИ (по И.Р. Гальперину). Как правило, темп семантического восприятия текста не ниже его поэлементного восприятия, хотя второй процесс протекает с некоторым запаздыванием по отношению к первому. Другими словами, мы «понимаем» текст по мере того, как читаем (слышим) его. Отсюда следует, что количественной мерой темпа семантического восприятия может служить темп поэлементного восприятия текста. «Механизм языка устроен так, что любой человек, усвоивший его в детстве, при самых ограниченных возможностях будет принимать речь точно по ходу ее временного следования... При этом не следует забывать, что слушающий не старается делать никакого грамматического анализа, ...а просто принимает мысль, содержащуюся в сообщении», — пишет Н.И. Жинкин (1982, с. 45).

Отметим, что основываясь на понятиях поэлементного и семантического восприятия текста, можно указать объективный критерий наличия транзитивных связей в тексте, а именно: в том или ином субтексте существует транзитивная связь между предложениями, если темп семантического восприятия текста для данного реципиента ниже его поэлементного восприятия. Таким образом, для обнаружения транзитивных связей в тексте могут служить следующие, поддающиеся регистрации объективными средствами контроля, признаки: замедление восприятия текста на фоне обычного (среднего для данного реципиента) темпа восприятия «обдумывание» прочитанного или услышанного в процессе восприятия), обращение к дополнительным (помимо воспринимаемого текста) текстам (источникам информации): справочникам, словарям, разговору с более осведомленным человеком.

Семантическое восприятие текста представляет собой сложный многоуровневый процесс, реализуемый тесно взаимодействующими механизмами ОП (КВП) и ДВП. Основное содержание этого процесса состоит в осмыслении перцептируемой последовательно-

сти буквенных/звуковых элементов текста. Осмысление — это ментальная обработка последовательности графических или звуковых элементов текста, направленная на получение следующих результатов: идентификацию слов и их значений, установление связей и отношений между словами предложения, установление связей между воспринимаемым предложением и предыдущей частью текста. Положительный результат процесса осмысления текста на всех уровнях определяется как понимание (И.А. Зимняя, с. 5), в противном случае — непонимание текста. Отметим, что изучению процесса восприятия в лингвистике и психолингвистике посвящено большое количество исследований, что нашло свое отражение в большом числе научных работ на эту тему. (Например, Новиков, с. 34).

Динамический процесс восприятия текста реципиентом может быть описан следующей схемой: элементы текста воспринимаются аудиовизуальными рецепторами и, преобразованные на основе внутреннего кода, транслируются в КВП реципиента. С другой стороны, туда же поступают из ДВП данные о предшествующем языковом опыте личности. Сопоставление этих двух информационных потоков позволяет реципиенту сначала опознать слова, то есть идентифицировать последовательность текстовых элементов как слова, затем приписать этим словам соответствующие значения (то есть осмыслить их). Параллельно, вызывая из ДВП в КВП грамматическую информацию, реципиент устанавливает связи внутри предложения и, на этой основе, осмысливает содержание предложения, то есть строит в своем сознании фрагмент С-модели I уровня, адекватный кванту СФИ, содержащейся в воспринимаемом предложении текста. Таким образом, в КВП в каждый данный интервал времени «присутствует» лишь относительно небольшое количество слов текста, актуализируемых реципиентом. При перцепции последующих отрезков текста предыдущая информация транслируется в ДВП.

Итак, при восприятии текста информация совершает путь из КВП в ДВП. Этот процесс наглядно описан Г. Граником и С. Бондаренко (с. 145). В цитируемом отрывке речь идет о восприятии диктуемого текста, но все сказанное может быть отнесено к любому виду восприятия текста. «Во время записи, в каждый ее момент ни одно предложение, кроме самых коротеньких, не присутствует в сознании все целиком, с одинаковой ясностью. Записываемая фраза движется через сознание пишущего, как ночной поезд через освещаемый туннель: отчетливо видна та часть, которая находится в

туннеле. Начало фразы, как первые вагоны поезда, уже ушло за пределы отчетливой видимости, а конец еще не «въехал» в освещенное пространство». Таким образом, новое предложение (новая часть предложения, если предложение достаточно длинное) стирает в КВП следы от предшествовавшего.

Установление связей перцептируемого предложения с предыдущей частью текста составляет содержание третьей стадии РДр, отвечающей уровню СФИ, направленной на интегрирование семантики текста как тематически единого целого.

Естественно возникает вопрос, каким образом реципиент, воспринимающий текст в непрерывном потоке слушания/чтения в достаточно быстром темпе, успевает выявить, проанализировать и, наконец, осмыслить все разнородные, многочисленные связи, начиная от самых очевидных рекуррентных, включая самые разнообразные тезаурусные и, наконец, самые сложные — транзитивные, связи, зачастую простирающиеся через весь текст от последнего предложения до первого? Ответ на этот вопрос заключается в том, что реципиент такой задачи перед собой не ставит и потому ее не решает. Выявленная при рассмотрении примеров структура связей объективно присутствует в тексте и, как показывает проведенный анализ, может быть эксплицирована с помощью формальной процедуры. Но из этого отнюдь не следует, что реципиент при восприятии текста решает такую же задачу. Повседневный речевой опыт показывает, что для того чтобы последовательность предложений воспринималась как текст, достаточно в большинстве случаев установить хотя бы одну связь актуализируемого (воспринимаемого в данный момент) предложения текста с одним из предшествующих. Причем в качестве такого предшествующего предложения выступает обычно ближайшее, то есть предыдущее предложение, или предложение, отделенное от актуализируемого одним, может быть, двумя предложениями.

Исходя из свойств КВП можно предполагать, что более дистантные предложения к этому моменту уже забыты. При этом нельзя ожидать, что они могут быть воссозданы в КВП путем «вызова» их из ДВП. Это объясняется тем, что в процессе восприятия текста предложения как таковые в ДВП не сохраняются. На это прямо указывает Н.И. Жинкин (1982, с. 79): «... Возникает парадоксальное положение — из долговременной памяти нельзя воспроизвести в том же виде те несколько предложений, которые были в нее только что направлены для хранения. Можно путем ряда повторений заучить эти предложения и тогда память сможет их репроду-

цировать. Однако в такой операции мало смысла». Что же остается в ДВП при восприятии текста? Н.И. Жинкин так отвечает на этот вопрос: «Но если невозможно буквальное воспроизведение группы только что воспринятых предложений, то вполне удастся воссоздание по смыслу. В этом собственно и заключается сущность коммуникации в процессе речи» (1982, с. 80). С нашей точки зрения «воссоздание по смыслу» сводится к построению С-модели. Именно С-модель, которую реципиент строит в процессе восприятия текста, и есть тот ментальный объект, который сохраняется в ДВП.

Отсюда следует, что если реципиент в процессе восприятия данного предложения текста, не может установить его связь с близлежащими предложениями, то он переходит к следующему этапу и начинает искать связь между данным предложением и построенной на основе ранее воспринятой части текста С-моделью. В рассмотренном выше примере (с.) непосредственная связь предложения P_7 с близлежащими предложениями отсутствует. Однако, в этом предложении есть слово *птица*. Это же понятие *птица* — *сорока* — один из основных элементов С-модели, построенной реципиентом ранее. На этом основании устанавливается связь предложения P_7 со всей предшествующей частью текста.

Уровни понимания текста

Понимание текста происходит на нескольких уровнях (Бондарко, 1978).

Все уровни понимания текста определяются взаимодействием ТЛ и КС реципиента с содержанием текста. Психолингвистические исследования показывают, что «осмысление» текста, то есть его семантический анализ начинается сразу после восприятия первых слов текста (или его заголовка). Первый результат такого взаимодействия определяется реципиентом как антиципация пока еще неизвестного содержания текста. Содержательным аспектом антиципации в рассматриваемой модели восприятия текста является извлечение из ДВП (и, соответственно, трансляция в КВП) некоторого фрейма или сценария, отвечающего содержанию текста. Структура фрейма, как и сценария¹ содержит минимально необходимый набор признаков, позволяющий идентифицировать этот

¹ В дальнейшем, там где это не может привести к разночтениям, будет употребляться, как более общий, термин «фрейм». При этом будет иметься в виду не только собственно фрейм, но и скрипт (сценарий).

фрагмент среди других. Вместе с тем, фреймы содержат множество не определенных однозначно терминалов, характерных для данного фрагмента знания. Доопределив эти терминалы содержательной информацией, получим С-модель, репрезентирующую конкретный фрагмент знания из класса фрагментов, характеризующихся данным фреймом.

Как правило, фрейм хранится в ДВП с терминалами, заполненными априорными означиваниями («следами» предыдущего информационного воздействия), которые, однако, в отличие от С-моделей слабо с ним связаны¹. При получении новой информации (например, из текста) они легко заменяются на другие, лучше соответствующие ситуации. Системы фреймов и скриптов связаны сетью извлечения информации, позволяющей найти нужный фрейм в ДВП, инициировать его и транслировать в КВП.

В многочисленных системах фреймов (входящих в КС реципиента) зафиксировано как результат прошлого опыта экстратекстовое знание (применительно к воспринимаемому тексту), привлекаемое реципиентом к осмыслению воспринимаемого текста. Таким образом, прочитав (услышав) первые слова (предложения) какого-либо текста, реципиент антиципирует тему и, в какой-то мере, содержание текста, что выражается в вызове из ДВП в КВП соответствующей системы фреймов. Осмысление, понимание текста приводит к означиванию терминалов, в соответствии с информацией, получаемой в линейном процессе восприятия текста. Если фрейм, привлекаемый к осмыслению текста, этому тексту не соответствует, то есть в том случае, когда в содержании текста не удастся выявить информацию, удовлетворяющую условиям означивания терминалов используемого фрейма, информационная сеть КС поставляет в КВП другой фрейм.

Процесс подбора нужного фрейма направляется как информацией, содержащейся в тексте, так и целевой функцией реципиента, сформированной в отношении воспринимаемого текста. Если выбранные таким образом фреймы не адекватны тексту и не удастся найти новый фрейм, отвечающий «требованиям» текста, то модифицируется один из наиболее подходящих фреймов из числа тех, которыми располагает реципиент в своей КС. В случае неудачи всех этих попыток реципиент должен сформировать совершенно

¹ Эти означивания часто проявляются как полезные, а иногда вредные стереотипы (Минский).

новый фрейм, что представляет собой « заметное интеллектуальное событие» (Минский) в развитии его КС. Новый фрейм, необходимый для осмысления данного текста, может быть также позаимствован из других источников информации (учебная и справочная литература, консультации специалистов и т.д.). Если все эти попытки не дали положительных результатов, а от дальнейших попыток реципиент отказывается, то он квалифицирует такой текст как непонятный.

Восприятие последующих частей текста может привести к развитию использованной системы фреймов или к дополнению ее новыми фреймами, что в свою очередь потребует означивания терминалов этих новых фреймов и т.д. Если на каком-то этапе этот процесс прерывается, то реципиент оценивает это как непонимание (неполное понимание) содержания текста. В этом случае он вынужден корректировать значения слов (и связанные с ними понятия), использованные для означивания терминалов фрейма-операнда, а если это не приводит к успеху, то прибегнуть к корректировке используемой системы фреймов или, в предельном случае, обратиться вообще к новой системе фреймов из числа существующих в его КС. Если почерпнутая из воспринятой части текста информация позволяет непротиворечивое означивание терминалов новой системы, то процесс восприятия продолжается вплоть до построения конечной С-модели, адекватной воспринимаемому тексту. В противном случае процесс повторяется. Количество подобных итераций характеризует степень трудности понимания текста. В результате этот процесс (после восприятия текста в целом) приводит к формированию совокупности С-моделей, адекватных содержанию текста в его понимании данным реципиентом. Этим исчерпывается восприятие текста на уровне СФИ.

Отметим, что для адекватного восприятия текста, все значения слов этого текста, используемые реципиентом для означивания терминалов фреймов, должны присутствовать в ТЛ реципиента как результат прошлого опыта. Роль текста сводится к формированию в КВП реципиента своеобразного «запроса», по которому из ДВП вызываются в КВП соответствующие значения и понятия, которые собираются в единый фрагмент С-модели. Таким образом, текст играет роль «инструкции по сборке» С-модели, достаточно адекватной замыслу автора, из элементов, уже имеющихся в СЛ, ТЛ и КС реципиента.

При восприятии творческое начало человеческого сознания реализуется в итеративном подборе системы фреймов, отвечающих

данному тексту, и означивании его терминалов. Обычно человек воспринимает текст в рамках фреймов своей КС (стереотипов обычного или научного знания). Формирование новых фреймов требует больших творческих усилий.

На основании вышеизложенного можно произвести своеобразное «шкалирование» текстов по качественным признакам. Описанный процесс понимания текста, заключающийся в означивании терминалов базовой системы фреймов данного текста, можно представить как среднюю точку шкалы, характеризующей взаимодействие реципиента с текстом. Одна из крайних точек шкалы соответствует случаю, когда в КС реципиента уже содержится система С-моделей, передаваемых текстом. Реципиент осознает этот факт как повторное предъявление ему уже известной текстовой информации. Другая крайняя точка шкалы соответствует случаю, когда в КС реципиента отсутствует система фреймов, которая может служить базой для восприятия предлагаемого текста. Такова, например, ситуация при попытке понять научный текст, не имея специальных знаний. Таким образом, трудность восприятия текста находится в обратной зависимости от его новизны.

Проведенные исследования показывают, что в «хорошем» тексте количество новой информации не должно превышать некоторый порог (Моль, 1973, с. 143, 158), если в основе этого текста лежит известная реципиенту система фреймов. Если базовая система фреймов недостаточно знакома реципиенту, то количество новой информации должно быть меньше. И, наконец, если задача состоит в формировании у реципиента новых фреймов (обучение), то можно предположить, что текст должен содержать информацию, описывающую эти фреймы.

В процессе РМДр элементы текста (слова, грамматические конструкции) трансформируются через означивание терминалов базовой системы фреймов, отвечающей воспринимаемому тексту, в соответствующие фрагменты С-моделей и, таким образом, происходит построение системы С-моделей I уровня, непосредственно фиксирующих СФИ текста. Дальнейшие операции с этой системой С-моделей происходят уже в рамках мыслительной деятельности, анализ которой не входит в задачи этой книги¹. Однако в этой связи

¹ Эти проблемы исследуются в рамках новых направлений современной психологии (Величковский, с. 237).

можно сделать некоторые замечания. В результате мыслительной обработки С-моделей I уровня, как правило, происходит построение С—моделей более высоких уровней обобщения, соответствующих СКИ (по И.Р. Гальперину). Построение этих С-моделей может происходить параллельно с созданием С-модели I уровня, но может и отставать от него во времени. При этом формирование С-моделей более высоких уровней может происходить без обращения к тексту (обдумывание прочитанного или услышанного) или с повторным обращением к нему. «Часто концептуальная информация, получаемая из беглого ознакомления с текстом, обретает более глубокое содержание при повторном чтении...» (И.Р. Гальперин, 1981, с. 29).

С-модели более высоких уровней, отвечающих данному тексту, формируются, как правило, в следующих направлениях: (1) расширение предметной области, в которую встраивается С-модель I уровня, за счет вовлечения в нее новых объектов и отношений между ними, (2) объединение в классы нескольких элементов С-моделей I уровня, иницируемых воспринимаемым текстом, либо этих же элементов с элементами других С-моделей, содержащихся в КС реципиента и, тем самым, формирование С-моделей более высокой степени абстракции, (3) формирование классов С-моделей по принципу аналогии: отношений между элементами; самих элементов.

Отметим также, что иерархия уровней понимания соотносится с иерархией уровней абстракции и обобщения. Как пишет А.И. Новиков: «Понимание имеет определенные уровни ... они соответствуют степени переконструирования, свертывания исходного сообщения» (с. 84).

Если при формировании С-моделей I уровня, ее вербальные элементы обычно являются словами (словосочетаниями) языка текста, а при восприятии текста на иностранном языке они могут выступать в виде эквивалентов — слов родного языка, то для построения С-моделей более высокого уровня обобщения язык текста уже не имеет значения. При повторном обращении к содержанию текста, извлекая из ДВП в КВП соответствующую С-модель любого уровня, реципиент может даже не помнить, на каком языке был им воспринят соответствующий текст. Содержание текста (СФИ) на иностранном языке может быть спустя некоторое время изложено реципиентом как на родном, так и на иностранном языке.

Подчеркнем, что различие С-моделей первого и более высоких уровней ни в коей мере не соответствует различию языкового и неязыкового уровней понимания текста, так как построение С-

модели любого уровня предполагает взаимодействие текста с ТЛ и КС реципиента, то есть предполагает как знание языка, так и знание носителя языка о мире. «Осмысление первых же знаковых выражений сразу требует обращения к сфере знаний, к экстралингвистической ситуации, то есть к надъязыковому уровню», — отмечает А.И. Новиков (с. 84).

В некоторых случаях процесс восприятия текста может инициировать в сознании реципиента ментальный объект, называемый подтекстом. «В процессе анализа понимания текстов, — пишет А.А. Брудный, — встает вопрос о том, что они содержат нечто, находящееся вне непосредственно данного содержания; значительному числу читателей знакомо ощущение, что, кроме текста, существует и подтекст» (с. 152).

Категория подтекста трактуется разными исследователями по-разному, термин «подтекст» многозначен. Наряду с построением С-моделей в одной предметной области (С-модели первого, второго и т.д. уровней), возможны случаи, когда текст может быть воспринят параллельно в какой-либо другой предметной области¹, эксплицитно в тексте не обозначенной. Понимание в этой предметной области может происходить как путем формирования С-модели первого уровня (СФИ), так и С-моделей более высоких уровней (СКИ различных уровней). В этих случаях можно говорить о подтексте. Таким образом, результатом восприятия текста является формирование в КС реципиента С-модели (совокупности С-моделей), относящейся к предметной области, эксплицитно представленной в тексте. Результат восприятия подтекста — в наиболее общем случае — формирование иной (чем в случае восприятия текста) С-модели (совокупности С-моделей), принадлежащей соответственно другой предметной области, в тексте явно не обозначенной.

В большинстве случаев предметная область и фрагменты ТЛ, необходимые для понимания подтекста, известны меньшему числу реципиентов, по сравнению с теми, кто понимает только содержание текста. Подтекст, таким образом — это интерпретация СФИ и ее обобщений в другой, в тексте явно не эксплицированной, предметной области.

Приведем пример (Богуславская, с. 30):

— Я лично с этим не сталкивался, — сказал он мрачно ...

¹ Предметная область понимается широко: от отрасли знания до «плоскости восприятия действительности» (Гальперин, 1981, с. 40).

— Да, милый, — сказала она уныло. — В этом твоя главная прелесть. Ты никогда ни с чем не сталкиваешься.

У нее развилась эта неинтеллигентная манера переходить на личности. Конечно, он понимал, что ее выпады имели под собой другую почву, не стоило в это углубляться, иначе Митин неизбежно получил бы в ответ — ее действительный счет к отцу. Он отступал, счет был слишком велик. «Ни с чем не сталкиваешься», — это значило: «Ты ничего про меня не знаешь», — вот что это значило. Он и вправду недостаточно вникал в ее жизнь.

В приведенном тексте подтекст эксплицирован самим автором. Если это разъяснение исключить, то подтекст будет обусловлен второй предметной областью (сферой отношений в семье), не представленной в тексте, понятный лишь тому, кто обладает знанием в этой предметной области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На всех этапах развития общества вербальная коммуникация осуществляется с помощью текстов, которые формируются с применением естественного языка, а также специализированных языков науки. Язык, рассматриваемый как специфическая замкнутая система, характеризуемая своими единицами и их отношениями, функционирует как подсистема в рамках более широкой системы — системы вербальной коммуникации. К настоящему времени языкознание вышло за рамки описания языка как замкнутой, самодостаточной системы. Стало ясно, что для дальнейшего развития языкознания необходимо преодоление ограничений внутрисистемного подхода к изучению языковых явлений. Так начало формироваться новое научное направление, ставящее своей задачей изучение форм и процессов функционирования языка в его социальной обусловленности и взаимосвязи с коммуникативными факторами.

Новое направление исследований потребовало формирования нового концептуального аппарата. В первую очередь необходимо было определить объект исследования, которым не мог быть ни текст, ни корпус текстов. Рассматриваемая в книге элементарная коммуникативная цепочка — автор — текст — реципиент — в известной мере упрощение, но упрощение, необходимое на первых этапах исследования. Этот квант коммуникации составляет достаточно сложный новый объект исследования. Важно также определить формы и способы связи индивидуального знания коммуникантов с актуализируемыми текстами. Было постулировано, на основе ленинской теории отражения, наличие идеальных моделей в индивидуальном сознании — С-моделей, которые служат объектом вербализации. Антиномия линейной структуры языкового знака и многомерной структуры С-модели определила необходимость рассмотрения важного концепта — линейной модификации С-модели — кортежа.

Коммуникативный подход дал возможность по новому определить такие свойства текста как его связность и обособленность — инвариантные структурные свойства, позволяющие идентифицировать единицу уровня текста в системе языка.

Изучение внутритекстовых связей с точки зрения использования их коммуникантами позволило построить типологию внутри-

текстовых связей, а также обнаружить возможность редукции сложных транзитивных и тезаурусных связей к простейшим — рекуррентным.

Рассмотренные в книге модели РМД определяют лишь некоторые узловые моменты процессов порождения/восприятия текста и нуждаются в дальнейшем развитии. Однако даже эти простые модели определили с единых позиций роль и место таких факторов как мотивация, различные виды речевой интенции, а также новых компонентов РМД: ТЛ и коммуникативный портрет.

Задачи дальнейшего развития коммуникативной теории текста диктуются как внутренними задачами языкознания, так и основными направлениями социального развития общества в целом. Первая задача состоит прежде всего в дальнейшем углублении коммуникативной теории текста. Изучение таких проблем как тезаурус личности, мотивация и интенция в речемыслительной деятельности, коммуникативный портрет реципиента и ряда других, только затронутых в книге, нуждается в дальнейшем углублении и развитии, что должно повести к построению на коммуникативной основе современной теории текста.

В целом развитая коммуникативная теория текста должна стать основой для совершенствования методики преподавания как родного, так и иностранного языков, исследования эффективности средств массовой информации, построения различных информационно-поисковых систем и др.

Коммуникативная теория текста — основа для исследования двуязычной РМД при переводе, когда один и тот же носитель языка выступает в роли как автора, так и реципиента. Еще более сложны эти процессы, когда обе функции выполняются практически одновременно — при синхронном переводе.

В настоящее время значительное внимание научной общест-венности, представителей естественных и гуманитарных наук, привлекает широкий круг проблем, связанных со все ускоряющимся темпом научно-технического прогресса. Одно из быстро развивающихся новых направлений — компьютеризация как производственных процессов, так и индивидуально-бытовой сферы. Все чаще высказывается мнение, что появление компьютеров и развивающаяся на этой базе компьютеризация общества, по своим социально-психологическим последствиям сравнима с такими историческими вехами в развитии человечества как становление речи, начало письменности, открытие книгопечатания. Если это так, то можно ожидать, что языковая способность человека может претерпеть

существенные изменения. Своевременное прогнозирование этих изменений также одна из перспективных задач языкознания.

Но массовая компьютеризация общества выдвигает также и целый ряд других, «ближних» задач, которые во многом сводятся к проблемам «человеко-машинного» общения. Эффективное использование в ЭВМ информации, содержащейся в текстах на естественном языке, требуют новых стратегий в обработке вербальной информации, учитывающих его семантику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
- Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. 2=изд. Т. 6.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2=е изд. Т. 19.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2=е изд. Т. 21.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2=е изд. Т. 23.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.29.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42.
- Программа КПСС. М., 1986.
- Акофф Р., Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М., 1974.
- Алексеев Б.Т.* Философские проблемы формализации знания. Л., 1981.
- Амосов Н.М.* Проблемы исследования систем и структур. М., 1965.
- Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения. М., 1980.
- Афанасьев В.Г.* Системность и общество. М., 1980.
- Афанасьев В.Г.* Общество: системность, познание и управление. М., 1981.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979.
- Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Докт. дисс. 1985.
- Бондаренко Г.В., Шрейдер Ю.А.* Текст, смысл, ситуация М., 1978.ч36.
- Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 1983.
- Брудный А.А.* Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур//Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
- Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.
- Будева Л.П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978.
- Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.
- Воробьев Г.Г.* Теория тезаурусов в анализе коммуникаций//Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11.
- Гальперин И.Р.* Информативность единиц языка. М., 1974.
- Гальперин И.Р.* О принципах семантического анализа стили-

стически маркированных отрезков текста//Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Гиндин С.И. Онтологическое единство текста и виды внутри-текстовой организации //Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1971.

Голод В.И., Шахнарович А.М. Коммуникативные и когнитивные аспекты текста как единицы речевой деятельности//Сб. науч. тр./МГИИЯ им. М. Тореза 1985. Вып. 252.

Горский Д.П. Предисловие редактора книги//Павиленис Р.И. Проблема смысла. М., 1983.

Горский Д.П. Познание и проблема отождествления нетождественного//Творческая природа научного познания. М., 1984.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Граник Г., Бондаренко С. Грамматическое бюро прогнозов//Наука и жизнь. 1984. № 11.

Добрович А. Бывают ли толстяки философы?//Знание-сила. 1981. № 8.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.

Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.

Забродин Ю.М., Зинченко В.П., Ломов Б.Ф. Анализ структуры и организации памяти//Аткинсон Р. Человеческая память и процесс обучения. М., 1980.

Залевская А.А. К проблеме семантической импликации//Тез. докл. VI всесоюзн. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978.

Залевская А.А. О некоторых аспектах связи между формой и значением слова//Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982.

Звегинцев В.А. Язык и знание//Вопросы философии. 1982. № 1.

Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.

Каменская О.Л. О представлении смысловой структуры связного текста//Сб. науч. тр. / МГИИЯ им. М. Тореза 1977. Вып. 112.

Каменская О.Л. Текст как средство коммуникации//Сб. науч. тр. /МГИИЯ им. М. Тореза. 1980. Вып. 158.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

- Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Караулов Ю.Н.* // Лит. газета — 1984. — 8 фев.
- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кацнельсон С.Д.* Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. №4.
- Кейко И.С., Ольховиков Б.А.* Речевая деятельность и грамматические категории в концепции К.Ф. Беккера. // Сборник научных терминов. МГИИЯ. 1982. Вып. 186.
- Колшанский Г.В.* Предисловие // *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Колшанский Г.В.* Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Колшанский Г.В.* Прагматика языка // Сб. науч. тр. МГИИЯ им. М. Тореза. 1979. Вып. 151.
- Колшанский Г.В.* Контекстная семантика М., 1980.
- Кубрякова Е.С.* Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики // Сб. науч. тр. МГИИЯ. 1985. Вып. 252.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности М., 1986.
- Кукушкина Е.И.* Познание, язык, культура. М., 1984.
- Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. М., 1980.
- Лекторский В.А.* Статус деятельности как объяснительный принцип // Вопросы философии. 1985. № 2.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев А.А.* Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Мантатов В.В.* Образ, знак, условность. М., 1980.
- Минский М.* Структура для представления знаний // Психология машинного зрения. М., 1978.
- Моль А.* Искусство и ЭВМ. М., 1975.
- Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973.
- Москальская О.И.* Грамматика текста. М., 1981.
- Нестеренко А.А.* Проблема «авторского начала» в художественном творчестве Л.Н. Толстого // Вопросы философии. 1984. № 7.
- Новик И.Б.* Вопросы стиля мышления в естествознании. М., 1975.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Остгоф Г., Бругман К.* Морфологические исследования в об-

- ласти индоевропейских языков//*Звегинцев В.А.* История языкознания в очерках и извлечениях. М., 1964.
- Павиленис Р.И.* Проблема смысла. М., 1983.
- Поспелов Д.А.* Фантазия или наука. М., 1982.
- Рождественский Ю.В.* Актуальные проблемы социалистической советской риторики//*Риторика и стиль.* М., 1984.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940.
- Серебренников Б.А.* К проблеме отражения человеческого мышления в структуре языка//*Вопросы языкознания.* 1970. № 2.
- Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
- Слюсарева Н.А.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
- Смолян Г.Л.* Социально-философские проблемы развития ЭВТ//*Вопросы философии.* 1984. № 4.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977.
- Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
- Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения. М., 1981.
- Тихомиров О.К.* Психология мышления. М., 1984.
- Тихомиров О.К.* Информатика и новые проблемы психологической науки//*Вопросы философии.* 1986. № 7.
- Федосеев П.Н.* Философия и естествознание//*Правда.* 1981. 5 июня.
- Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М., 1975.
- Шендельс Е.И.* Имплицитность в грамматике//*Сб. науч. тр. МГИИЯ им. М. Тореза.* 1977. Вып. 112.
- Шенк Р.* Обработка концептуальной информации. М., 1980.
- Штофф В.А.* Моделирование и философия. М., Л., 1966.
- Daneš F.* Zur semantischen und thematischen Struktur des Kommunikats. *Studia Grammatica XI.* Berlin, 1976.
- Danes F.* Zum Status der Textebene. *Studia Grammatica XVIII.* Berlin, 1977.
- Hausenblas K.* Zu einigen Grundfragen der Texttheorie. *Studia Grammatica XVIII.* Berlin, 1977.
- Nertus D., Scharnhorst Ju.* Grundpositionen der Orthographie//*Theoretische Probleme der deutschen Orthographie.* Berlin, 1980.

СПИСОК ТЕКСТОВ

- Богусловская З.* Остановка. М., 1985.
Войскунский А.Е. Я говорю, мы говорим... М., 1982.
Глушков В.М. Основы безбумажной информатики. М., 1982.
Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1980.
Кривин Ф.Д. Полусказки. Ужгород, 1964.
Миронов Н. Ключ к разгадке изменчивости? // Знание-сила. 1983. № 2.
Роллингс М.К. Моя мать живет в Монвилле // Жажда человечности. М., 1978.
Сидоров В.Н. Семь дней в Гималаях. Москва. 1982. № 8.
Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара. М., 1948.
Hayes G. The alligator and his uncle Tooth. L., 1977.
Kipling R. Just so stories, М., 1979.
Le Chanois G.P. Papa, maman, ma femme et moi. P., 1956.
Sartre J.-P. Les jeux sont faites. Kobenhavn, 1959.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1983
Гальперин И.Р. Текст как предмет лингвистического исследования. М., 1981.
Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.
Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М., 1979.
Серебренников Б.А., О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Мыслительные и языковые категории в тексте.....	10
§ 1. Социогенез и язык категории в тексте	10
§ 2. Коммуникация в тексте	13
§ 3. Мыслительные модели и текст.....	18
§ 4. Классификация С-моделей.....	24
§ 5. Специфика языка и текст	34
§ 6. Свойства текста.....	41
Глава II. Текст в системе языка.....	46
§ 1. Система языка и системный подход.....	46
§ 2. Уровень текста в системе языка	48
§ 3. Единица текстового уровня.....	52
§ 4. Внутритекстовые связи.....	53
1. Коннектор.....	59
2. Общая характеристика общетекстовых связей.....	62
3. Эксплицитные связи.....	64
4. Имплицитные связи.....	74
5. Границы текста и демаркаторы	84
§ 5. Анализ внутритекстовых связей.....	87
Глава III. Текст в коммуникации.....	92
§ 1. Речемыслительная деятельность и память	92
§ 2. Словарь личности и тезаурус личности.....	97
§ 3. Организация тезауруса личности.....	102
§ 4. Организация текста как процесс.....	112
Предпосылки и общая схема порождения текста	112
Коммуникативный вектор и речемыслительная деятельность	115
Коммуникативный портрет реципиента.....	119
Речевая деятельность автора и порождение текста	123
§ 5. Восприятие и понимание текста.....	125
Общая схема восприятия текста и коммуникативный вектор.....	125
Интенция при восприятии.....	129
Речемыслительная и речевая деятельность реципиента	131
Уровни понимания текста	136
Заключение.....	143
Список используемой литературы	146

Учебное издание

Каменская Ольга Львовна

ТЕКСТ И КОММУНИКАЦИЯ

Заведующая редакцией Э.А. Проничева.

Редактор Г.П. Андреева.

Старший корректор-вычитчик Н.Н. Кирия.

Младший редактор Л.В. Демешова.

Художественный редактор М.Г. Мицкевич.

Корректор Т.М. Абрамова.

ИБ № 7465

Изд. № Р-522.

Сдано в набор 05.09.89.

Подп. в печать 17.08.89.

Формат 60×88¹/₁₆.

Бум. офс. № 2.

Гарнитура Пресс-Роман.

Объем 9,31 усл. печ. л.

9,56 усл. кр.-отт.

9,11 уч.-изд. л.

Тираж 10 300 экз.

Зак. № 1823.

Цена 30 коп.

Издательство "Высшая школа", 101430, Москва, ГСП-4,
Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на участке персональных компьютеров
издательства "Высшая школа".

Отпечатано в Московской типографии № 8 Госкомпечати СССР,
101898, Москва,
Центр, Хохловский пер., 7.